

ИСТОЧНИК

Документы
русской истории

1993/4

scan waleriv

scan waleriv

Приложение
к российскому историко-публицистическому журналу
«РОДИНА»

В НОМЕРЕ:

Письма из прошлого

- 4 **Из личного архива**
«Вокруг меня все еще плетут
черную паутину...»
Письма М. А. Шолохова
И. В. Сталину (1937—1950).

- 20 **К портрету вождя**
«Сектант, прошедший
марксистскую выучку».
Воспоминания Потресова о
Ленине.

- 28 **Белое движение**
«Наше великое дело
близко к полной гибели».
Дневник последнего донского
атамана А. П. Богаевского.
1919—1920 гг. (окончание).

Утраченное наследие

- 46 **Народные мемуары**
«Исчез человек и нет его,
куда девался — никто не знает»
(из конфискованного дневника).

- 63 **Благоволительные письма**
«На всегдашнюю память
будущих времен»
Письма атамана М. И. Платова
к императрице
Марии Федоровне.

Фотоархив

- Семейный альбом**
76 Фотографии из личного архива
Каменева.

Подоплека событий. Версии

- Документальное исследование**
82 Сто дней
«лубянского маршала».

- Рассекречено**
91 «Следствие прибегло
к извращенным приемам».

- Художник и власть**
101 «А за мною шум
погони...»

Описание России. Исторический ландшафт

- В глубине веков**
114 Продолжение «Описания
Московской губернии».
Волоколамск.

В конце номера

- Хранители**
122 «Нельзя упустить им созданную
библиотеку».

- Юмор из спецхрана**
128 «Так ей, заразе, и надо!»

ISTOCHNIK

Documents
of Russian History 1993/4

scan waleriy

scan waleriy

Letters from the Past

- From the personal archive**
- 4 Letters of M. Sholochov to Stalin (1937—1950-s).
- To the portrait of the Leader**
- 20 Potresov on Lenin.
- The White Movement**
- 28 A diary of the last Don ataman A. Bogaevsky (end).

The Lost Heritage

- People's memoirs**
- 46 From the confiscated diary.
- 63 Letters of the ataman M. Platov to the empress Maria Fyodorovna.

Photos

- Family album**
- 76 Lev Kamenev. Unknown pictures.

Behind the scenes. Versions

- 82 100 days of the «Lubyanka marshal».
- 91 From the secret service archives.
- 101 An Artist and the State. Boris Pasternak.

Descriptions of Russia

- 114 Volokolamsk.

At the end of the issue

- 122 The foundation of the emigrants archive.
- 128 Archival humour.

IN THIS ISSUE:

© Перепечатка разрешается только по соглашению с редакцией.

Главный редактор

Р. Г. Пихоя,
руководитель Государственной архивной службы России,
доктор исторических наук

Ответственный редактор

В. Н. Денисов

Ответственный секретарь

Т. П. Лещинская

Над номером работали:

Редактор отдела *С. В. Кудряшов*
Художник *В. И. Кучмин*
Компьютерная верстка *О. П. Солововой*

Набор и верстка произведены в компьютерном центре журнала «Родина».

ПИСЬМА ИЗ ПРОШЛОГО

«Черная паутина» опутала М. А. Шолохова.
НКВД готовил его арест.
*Публикуем письма писателя И. В. Сталину
1937—1938 гг.*

«Общественный гипноз искажает портрет Ленина», —
писал Александр Потресов.
*Воспоминания видного марксиста в нашей стране
печатаются впервые.*

Что происходило с белым движением
на последнем рубеже в Крыму в 1920 году.
*Окончание дневников
донского атамана А. П. Богаевского.*

«Вокруг Меня все еще ПЛЕТУТ Черную ПАУТИНУ...»

*Письма М. А. Шолохова И. В. Сталину
(1937—1950)*

Журнал продолжает публикацию документов, относящихся к взаимоотношениям М. А. Шолохова и И. В. Сталина. В журнале «Родина» № 11—12 (1992) напечатано письмо М. А. Шолохова в связи с перегибами в период хлебозаготовок зимой 1932/33 года. Публикуемые ныне письма освещают одну из мрачных страниц истории, когда органы НКВД были заняты поисками врагов и арестами невинных людей.

В те годы готовился и арест М. А. Шолохова. Тем не менее писатель смело апеллировал к И. В. Сталину, разоблачая преступные методы НКВД и добиваясь освобождения несправедливо репрессированных. Письма М. А. Шолохова хранятся в Архиве Президента Российской Федерации. В публикации сохранена орфография и синтаксис подлинников.

№ 1

М. А. ШОЛОХОВ И. В. СТАЛИНУ
19 июня 1937 г.

Дорогой тов. СТАЛИН!

Приехал в Москву на 3—4 дня. Очень хотел бы Вас увидеть, хоть на 5 минут. Если можно, — примите! Поскребышев² знает мой телефон.

М. ШОЛОХОВ.
19.VI.37 г.

Ф. 45. Оп. 1. Д. 827. Л. 31. Машинописная копия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В записях журнала дежурных секретарей за июнь 1937 г. нет упоминаний о приеме И. В. Сталиным М. А. Шолохова.

2. Поскребышев А. Н. (1891—1965), с августа 1935 г. заведующий канцелярией Генерального секретаря ЦК ВКП(б).

№ 2

В. П. СТАВСКИЙ¹ И. В. СТАЛИНУ*
16 сентября 1937 г.

Секретно

В ЦК ВКП(б)
тов. СТАЛИНУ И. В.

В связи с тревожными сообщениями о поведении Михаила ШОЛОХОВА, я побывал у него в станице Вешенской.

Шолохов не поехал в Испанию на Международный конгресс писателей². Он объясняет это «сложностью своего политического положения в Вешенском районе».

М. Шолохов до сих пор не сдал ни IV-й книги «Тихого Дона», ни 2-й книги «Поднятой целины». Он говорит, что обстановка и условия его жизни в Вешенском районе лишили его возможности писать.

Мне пришлось прочитать 300 страниц на машинке рукописи IV книги «Тихого Дона». Удручающее впечатление производит картина разрушения хутора Татарского, смерть Дарьи и Натальи Мелеховых, общий тон разрушения и какой-то безнадежности, лежащей на всех трехстах страницах; в этом мрачном тоне теряется и вспышка патриотизма (против англичан) и гнева против генералов у Григория Мелехова.

М. Шолохов рассказал мне, что в конце концов Григорий Мелехов бросает оружие и борьбу.

— Большевиком же его я делать никак не могу.

Какова же Вешенская обстановка у Шолохова? Три месяца тому назад арестован б. секретарь Вешенского райкома ВКП(б) Луговой — самый близкий политический и личный друг Шолохова. Ранее и позднее арестована группа работников района (б. зав. РайЗО Красюков, б. пред. РИК³ аЛыгачев** и другие), — все они обвиняются в принадлежности к контрреволюционной троцкистской организации.

М. Шолохов прямо мне заявил:

— Я не верю в виновность Лугового, и если его осудят, значит и я виноват, и меня осудят. Ведь мы вместе все делали в районе.

Вспоминая о Луговом, — он находил в нем только положительные черты; особенно восхвалял ту страсть, с которой Луговой боролся против врагов народа Шеболдаева, Ларина и их приспешников.

С большим раздражением, граничащим со злобой, говорил М. Шолохов:

— Я еще не знаю, как передо мной обернутся нынешние работники края.

— Приезжал вот 2-й секретарь — Иванов Иван Ульяныч, два дня жил, вместе

* На документе воспроизведена резолюция И. Сталина: «Тов. Ставский! Попробуйте вызвать в Москву т. Шолохова дня на два. Можете сослаться на меня. Я не прочь поговорить с ним. И. Сталин». М. А. Шолохов был на приеме у Сталина 25 сентября 1936 г. с 16.30 до 18 часов. В кабинете Сталина в это время были В. Молотов и Н. Ежов. (Ф. 45. Оп. 1. Д. 412. Л. 36 об.). — *Ред.*

** Так в тексте. Правильно Логачев (см. примечание 2 к документу № 3, документ № 5).

водку пили, разговаривали; как он хорошо говорил. Я уже думал, что он крепче Евдокимова, а вот он врагом народа оказался, арестован сейчас!

— Смотри, что делается! Гнали нас с севом, с уборкой, а сами хлеб в Базках гноят. Десятки тысяч пудов гниет под открытым небом!

На другой день я проверил эти слова Шолохова. Действительно, на берегу Дона в Базках лежат (частью попревшие) около 10.000 тонн пшеницы. Только в последние дни (после дождей) был прислан брезент. Вредители из Союзхлеба арестованы.

Озлобленно говорил М. Шолохов о том, что районный работник НКВД следит за ним, собирает всяческие сплетни о нем и о его родных.

В порыве откровенности М. Шолохов сказал:

— Мне приходят в голову такие мысли, что потом самому страшно от них становится.

Я воспринял это, как признание о мыслях про самоубийство.

Я в лоб спросил его, — не думал ли ты, что вокруг тебя орудуют враги в районе, и что этим врагам выгодно, чтобы ты не писал? Вот ты не пишешь, — враг, значит, в какой то мере достиг своего!

Шолохов побледнел и замялся. Из дальнейшего разговора со всей очевидностью вытекает, что он допустил уже в последнее время грубые политические ошибки.

— 1) Получив в начале августа письмо (на папиросной бумаге) из ссылки от б. зав. РайЗО Красюкова, он никому его не показал, а вытащил впервые только в разговоре со мной. И то, — как аргумент за Лугового. В письме Красюков писал, что он невиновен, что следствие было неправильное и преступное, и т. д.

На мой вопрос: — снял ли он копию с этого письма? — Шолохов сказал, что снял, но ни т. Евдокимову, ни в Райком не давал.

— 2) Никакой партработы Шолохов, будучи одним из 7-ми членов Райкома — не ведет, в колхозах не бывает, сидит дома или ездит на охоту, да слушает сообщения «своих» людей.

Колхозники из колхоза им. Шолохова выражали крайнее недовольство тем, что он их забыл, не был уже много месяцев:

— «Чего ему еще не хватает в жизни? Дом — дворец двухэтажный, батрак, батрачка, автомобиль, две лошади, коровы, стая собак, а все ворчит, сидит дома у себя».

— 3) На краевой конференции Шолохов был выбран в Секретариат, и ни разу не зашел туда.

В крае (Ростов Дон) к Шолохову отношение крайне настороженное.

Тов. Евдокимов сказал:

— Мы не хотим Шолохова отдавать врагам, хотим его оторвать от них и сделать своим! —

Вместе с тем тов. Евдокимов также и добавил:

— Если б это был не Шолохов с его именем, — он давно бы у нас был арестован.

Тов. Евдокимов, которому я все рассказал о своей беседе с Шолоховым — сказал, что Луговой до сих пор не сознался, несмотря на явные факты вредительства и многочисленные показания на него. На качество следствия обращено внимание краевого Управления НКВД.

Очевидно, что враги, действовавшие в районе — прятались за спину Шолохова, играли на его самолюбии (бюро райкома не раз заседало дома у Шолохова), пытаются и сейчас использовать его, как ходатая и защитника своего.

Лучше всего было бы для Шолохова (на которого и сейчас влияет его жены родня, — от нее прямо несет контрреволюцией) — уехать из станицы в промышленный центр, но он решительно против этого, и я был бессилен его убедить в этом.

Шолохов решительно, категорически заявил, что никаких разногласий с политикой партии и правительства у него нет, но дело Лугового вызывает у него большие сомнения в действиях местных властей.

Жалуюсь, что он не может писать, — М. Шолохов почему-то нашел нужным упомянуть, что вот он послал за границу куски IV книги, но они были задержаны в Москве (Главлитом), и из заграницы к нему пришли запросы: — где рукопись? Не случилось ли чего?

Шолохов признал и обещал исправить свои ошибки и в отношении письма Красюкова и в отношении общественно-партийной работы. Он сказал, что ему стало легче после беседы.

Мы условились, что он будет чаще писать и приедет в ближайшее время в Москву.

Но основное — его метание, его изолированность (по его вине), его сомнения вызывают серьезные опасения, и об этом я и сообщаю.

С комм. приветом *Вл. СТАВСКИЙ*
16.IX.37 г.

Ф. 45. Оп. 1. Д. 827. Л. 32—36. Заверенная копия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ставский (Кирпичников) В. П. (1900—1943), в 1936—1941 гг. генеральный секретарь Союза писателей.

2. 2-й Международный антифашистский конгресс писателей в Испании состоялся в июле

1937 г. Решением Политбюро ЦК для участия в работе конгресса был утвержден следующий состав делегации: М. Кольцов (председатель), Эренбург, Толстой, Вишневский, Ставский, Шолохов, Фадеев, Микитенко, А. Барто.

№ 3

М. А. ШОЛОХОВ И. В. СТАЛИНУ
5 октября 1937 г.

Дорогой т. СТАЛИН!

т. Ежов¹, наверное сообщил Вам об исходе вешенского дела. Он говорил вчера, что сегодня будет ставить на ЦК² вопрос об освобождении Лугового и Красюкова.

То, что я пережил за эти 10 месяцев дает мне право просить Вас, чтобы Вы разрешили мне видеть Вас на несколько минут после того, как т. Ежов сообщит о вешенском деле, или в любое другое время, которое Вы сочтете удобным.

Имею к Вам лично, к ЦК просьбу.

Прошу сообщить через Поскребышева, он знает мой телефон.

Москва. *ШОЛОХОВ.*
5.10.37.

Ф. 45. Оп. 1. Д. 827. Л. 37. Автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ежов Н. И. (1895—1940), с февраля 1935 г. секретарь ЦК ВКП(б), председатель Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). Одновременно (с сентября 1936 г.) нарком внутренних дел.

2. Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б)

от 17 ноября 1937 г. было утверждено решение Ростовского обкома ВКП(б) от 14 ноября 1937 г. о восстановлении на прежней работе в Вешенском районе Лугового, Логачева, Красюкова. (Ф. 3. Оп. 61. Д. 544. Л. 164, 165.)

№ 4

М. А. ШОЛОХОВ И. В. СТАЛИНУ*
7 октября 1937 г.

Дорогой тов. Сталин!

Крайняя необходимость заставляет меня сегодня выехать домой. В двадцатых числах этого месяца, в связи с постановкой «Поднятой целины» в Большом театре¹ я, наверное, снова приеду в Москву и буду просить Вас принять меня тогда. В случае, если мне не придется приехать в Москву, — сообщу письмом** из Вешенской то, что хотел сказать Вам при встрече.

Бесконечно благодарный Вам за все.

М. ШОЛОХОВ.
Москва 7.10.37.

Ф. 45. Оп. 1. Д. 827. Л. 38. Машинописный экз. Л. 39. Автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. 23 октября 1937 г. в Большом театре состоялась премьера оперы И. Держинского «Поднятая целина». «Правда» 25 октября

отметила постановку оперы положительной рецензией Г. Хуба «Творческая победа Большого театра».

* На машинописном экземпляре письма написано: «Мой арх[ив]. Ст.».

** См. письмо М. Шолохова от 16 февраля 1938 г.

Ст. Вешенская, 16 февраля
1938 г.

Дорогой т. Сталин!

После освобождения из-под ареста секретаря Вешенского РК ВКП(б) Лугового, председателя РИК'а Логачева и уполномоченного КомЗарСНК Красюкова бюро Ростовского обкома партии приняло решение о возвращении Лугового и других на прежнюю работу. В этом решении было записано следующее: «...Материалами следствия установлено, что т. т. Луговой, Логачев и Красюков были злостно оговорены участниками к[онтр]-р[еволюционных] правотроцкистских и эсеровско-белогвардейских организаций в своих подлых вражеских целях»**.

Эта формулировка неверна по существу и придумана для того, чтобы замести следы вражеской работы. Чего проще: оклеветали вешенских коммунистов враги, на то они и враги, чтобы клеветать; оклеветанные реабилитированы; заблуждение, в коем пребывали Ростовский обком и обл. УНКВД, рассеяно решением ЦК. А на самом деле было все это иначе. Обком (враги бывшие в нем и находящиеся сейчас) создали на Лугового и остальных дело, заведомо зная, что Луговой и остальные непричастны к вражеской работе, враги исключили их из партии, а враги сидящие в органах НКВД Ростовской области заставили других арестованных дать на Лугового, Логачева, Красюкова ложные показания. И не только некоторых арестованных заставили клеветать, но пытались всеми мерами и способами добиться таких же ложных показаний и от самих Лугового, Логачева и Красюкова. В какой-то мере они преуспели и здесь: сломленный пытками Логачев дал ложные показания на многих честных коммунистов, в том числе и на меня, и даже самого себя оговорил. Логачев, которого как и остальных арестованных, буквально истязали в Новочеркасской тюрьме (к методам следствия и допроса, практиковавшимся в Азово-Черноморье, я вернусь в конце письма), дал именно те показания, какие от него вымогали.

В обкоме и в областном УНКВД была и еще осталась недобитой мощная, сплоченная и дьявольски законспирированная группа врагов всех рангов, ставившая себе целью разгром большевистских кадров по краю. Она — эта группа — многого достигла, особенно в северных районах края, где основательно поработал враг народа Лукин со своими помощниками. Вешенское дело — прямое этому доказательство. Но Луговой и остальные вешенцы благодаря Вашему вмешательству освобождены, а сотни других коммунистов, посаженных врагами партии и народа, до сих пор томятся в тюрьмах и ссылке.

Пора распутать этот клубок окончательно, т. Сталин! Не может быть такого положения, когда, к примеру, Луговой освобожден и восстановлен в партии, а те, кто арестован и осужден «за связь с врагом народа Луговым» все еще страдают и несут незаслуженное наказание. Не должны остаться безнаказанными те, которые сознательно сажали честных коммунистов. Но пока положение остается прежним: невиновные сидят, виновные здравствуют и никто не думает привлечь их к ответственности.

За две встречи с Вами¹ я не смог последовательно и связно рассказать обо всем, что творилось раньше в крае и что происходит в настоящее время. Разрешите сейчас рассказать обо всем этом.

Вы знаете, т. Сталин, что группа вешенских коммунистов стяжала себе плохую славу у Шеболдаева и его окружения. Только теперь стала ясна причина вооружавшая Шеболдаева на борьбу с нами: мы мешали ему вредить, он мешал нам честно работать. Шеболдаев неоднократно имел возможность убедиться в том, что я не побоюсь при любых обстоятельствах довести до сведения ЦК о его неправильных действиях. Ему это, вероятно, надоело, и он решил избавиться от вешенцев. Безо всяких причин он неоднократно ставил вопрос о снятии Лугового, обвинял его в троцкизме и не раз предлагал исключить из партии. Честных коммунистов, работавших в Вешенском р-не, под разными предлогами переводил из р-на, а взамен их присылал своих людей, которые делали все возможное, чтобы срывать работу и ставить под удар руководство р-на.

* На документе рукой А. Поскребышева написано: «От т. Шолохова». Резолюция И. Сталина: «Т. Ежову». На полях и по тексту документа имеются многочисленные пометки и подчеркивания красным, зеленым и простым карандашами, сделанные А. Поскребышевым и Н. Ежовым.

** См. примечание 2 к документу № 3.

Эти люди с первых же дней приезда в р-он заводили склоки, группировались и всеми способами выживали из р-на тех, кто поддерживал Лугового, РК. Не было такой низости, на которую не шли бы эти шеболдаевские опричники. Началось эта скрытая война давно, но особенно разгорелась после разбора в ЦК действий Овчинникова. Через месяц после решения ЦК, когда Овчинникову за перегибы был записан строгий выговор, на краевой партконференции Шеболдаев выдвинул Овчинникова кандидатом в члены бюро крайкома. Луговой выступил с отводом. На собрание Северо-Донской делегации пришли Шеболдаев, Ларин, Ароцкер и остальные члены бюро крайкома и стали давить на делегацию, что бы та голосовала за Овчинникова и его помощника по перегибам Шарапова. Луговой снова выступил с возражением; его поддержало большинство делегатов Северного Дона и кандидатуры Овчинникова и Шарапова были провалены.

Тотчас же после конференции Шеболдаев, придравшись к какому-то пустяку, ставит вопрос о снятии Лугового. ЦК не утвердил это решение крайкома. После этого подручные Шеболдаева по Вешенскому р-ну — нач. РО НКВД Меньшиков (арестован в прошлом году, немецкий шпион), и второй секретарь РК Киселев развернули такую работенку, что дышать стало нечем... В крайком, в ЦК посыпались клеветнические заявления на Лугового, меня и других коммунистов, боровшихся с вражеским руководством крайкома. Не было ни одного бюро РК, где бы мы не сталкивались с прямым и скрытым противодействием шеболдаевцев. По любому вопросу возникали разногласия, и, особенно, по вопросам исправления наделанных Овчинниковым перегибов.

Шеболдаев вдруг начал проявлять исключительную заботу о моей писательской будущности. При каждой встрече он осторожно, но настойчиво говорил, что мне необходимо перейти на другую тематику; необходимо влиться в гущу рабочего класса, писать о нем, т. к. крестьянско-казачья тематика исчерпана, и партии нужны произведения отражающие жизнь и устремления рабочего класса. Он усиленно советовал мне переехать в какой-либо крупный промышленный центр, даже свое содействие и помощь при переезде обещал. Очень тонко намекал на то обстоятельство, что я, в ущерб своей писательской деятельности, занимаюсь не тем, чем мне надлежало бы заниматься, словом, — уговаривал...

Шеболдаев советовал переменить местожительство, ближайшние соратники его не таясь говорили, что Шолохов — кулацкий писатель и идеолог контр-революционного казачества, вешенские шеболдаевцы каждое мое выступление в защиту несправедливо обиженного колхозника истолковывали как защиту кулацких интересов, а нач. РО НКВД Меньшиков, используя исключенного из партии в 1929 г. троцкиста Еланкина, завел на меня дело в похищении у Еланкина... «Тихого Дона». Брели, что называется, и мытьем и катаньем!

После того, как в 1934 г. я рассказал Вам, т. Сталин², о положении в колхозах Северного Дона, о нежелании крайкома исправлять последствия допущенных в 1932—33 г.г. перегибов, после решения ЦК об оказании помощи колхозам Северо-Донского округа, — Меньшиков, Киселев и др. окончательно распоясались. Меньшиков установил систему подслушивания телефонных разговоров, происходивших между мною и Луговым, завел почти неприкрытую слежку за нами; вкупе с Киселевым и др. они стали на бюро РК открыто срывать любое хозяйственное или политическое предложение, исходившее от Лугового или меня. Работать стало невозможно. Это побудило нас довести до сведения крайкома о создавшейся обстановке в р-не.

Будучи в Ростове, мы с Луговым сообщили Шеболдаеву обо всех фактах деятельности Меньшикова, Киселева и их подручных. При разговоре присутствовали Малинов и Ларин. Я сказал, что работать в таких условиях страшно трудно, время тратится чорт знает на что, вместо творческой и партийной работы, под конец заявил, что я не преступник и жить под гласным надзором не хочу. Шеболдаев ответил, что Меньшикова и Киселева из Вешенской переведут, но тут же добавил:

— Вторым секретарем пошлем к вам Цейтлина (арестован еще в 1936 г.). Луговому не хватает политической грамотности, а Цейтлин — парень грамотный. И начальника НКВД пошлем стоящего. — Помолчал и, улыбаясь, добавил: — А все-таки посматривать мы за вами будем... Я ставил перед ЦК вопрос о снятии Лугового за то, что он тянул с ликвидацией пригородного х-ства, но ЦК не утвердил это решение. Что ж, ЦК виднее... Но все равно, Луговой, с Вешенской придется тебе расставаться... Не уживемся мы вместе. Ты гнешь какую-то свою линию. Думаешь, что все тебе будет сходить безнаказанно? Не выйдет!

Вскоре после этого Меньшикова перевели не куда-нибудь в район, а с повышением, в Сочи. Убрали и Киселева. На место их приехали вторым секретарем Чекалин и нач. РО НКВД Тимченко.

Уехали мы из Ростова подавленные. По всему было видно, что Шеболдаев начнет жать нас снова и еще с большей силой. Луговой тогда же предложил написать Вам обо всех этих делах. Я отговорил его от этой мысли. «С Шеболдаевым нам детей не крестить. Будем драться с ним по принципиальным вопросам, а жаловаться на то, что он к нам плохо относится, — нехорошо, по ребячески это будет выглядеть».

Вот так и жили. Грустно и тошно писать обо всех методах, при помощи которых разрушали колхозы и изо дня в день травили нас. В Ростове по всем линиям вредительски планировали х[озяй]ство р[айо]на. Можете судить по следующему соотношению сил:

В 1934—35 г.г.

В соседнем Верхне-Донском р-не:	
Посевная площадь	23000 га
Тракторов колесных	<u>100.</u>
гусеничных	5.

В Вешенском р-не:	
Посевная площадь	34000 га
Тракторов колесных	<u>66.</u>
гусеничных	6.

В 1937—38 г.г.

Базковская МТС соседнего р-на.	
Посевная площадь	14000 га
Тракторов колесных	56.
гусеничных	16.

Колундаевская МТС Вешенского р-на	
Посевная площадь	18000 га
Тракторов колесных	66.
гусеничных	9.

Даже в самом Вешенском р-не по двум МТС так расставлены механизированные силы, что при одном взгляде на соотношение этих сил видна злая рука.

Дударевская МТС.	
Посевная площадь	16000 га
Тракторов колесных	38.
гусеничных	7.

Колундаевская МТС.	
Посевная площадь	18000 га
Тракторов колесных	66.
гусеничных	9.

Остальным р-нам — запасные части, наши продают в Миллерово; из года в год заставляли бесцельно перебрасывать зимой семенное зерно, нарочито выводя из строя к весне рабочий скот; планировали посевную площадь р-ну с таким расчетом, что бы с севом невозможно было уложиться в срок, а потом распинали за это в решениях и т. д.

Такую же линию вел и округ. Да и как могло быть иным отношение к вешенцам окружкома, когда руководили округом такие враги как Лукин, Муравник, Базарник, Касилов и пр. Они дополняли разрушительную работу нападками на Лугового, на остальных, кого выживали из р-на. Купил Луговой в колхозе центнер картофеля, — в КПК создается дело под громким названием «самоснабжение». И тянется это нудное дело месяцами; спросы, допросы, наезды следователей, а стоимость картофеля 5 руб. 50 коп., и колхоз продавал этот картофель всем, кому угодно. Окружком всячески отстранял Лугового от работы. По всем вопросам сносились со вторым секретарем Чекалиным, причем установили довольно необычный способ сношений: работники окружкома, приезжая в Вешенскую, тайком пробирались к Чекалину на квартиру, говорили с ним о партийных делах и, не зайдя в РК, уезжали, а мы — члены РК — узнавали о целях приездов из уст Чекалина, иногда и вовсе не узнавали. Окружком печатно шельмовал нас, обвиняя — ни много ни мало — в скрытии от

колхозников Сталинской Конституции. Повод для этого страшного обвинения? В двух тракторных бригадах за полторы недели после опубликования проекта Конституции не успели проработать проект. И дальше все в таком же роде.

В районе трое членов бюро РК (Чекалин — второй секретарь РК, Тимченко — нач. РО НКВД, Виделин — редактор районной газеты) — в открытую заявлявшие о том, что они присланы крайкомом, чтобы присматривать за нами, — группировали вокруг себя недовольные элементы партийной организации, отрывали их от РК, сеяли слухи, что Луговой со дня на день будет снят крайкомом, что он — враг и т. п. И в тоже время наружно не показывали вида, что они враждебно настроены. Чекалин чуть ли не ежедневно строчил на Лугового кляузы, а в глаза говорил, что необходимо работать дружнее, быть ближе друг к другу, больше доверять, словом, вел типично двурушническую политику. Знали ли мы об этом? Безусловно знали. Знали и молчали потому, что были убеждены в том, что если потребовать смены этих людей, — пришлют таких же. В этом, после снятия Киселева и Меньшикова, мы имели возможность убедиться. Тройка шеболдаевских порученцев, ведя безпринципную борьбу с нами, не брезговали ничем. Летом 1936 г. они стали посылать на мое имя и на имя моей жены гнусные анонимки, порочащие меня как коммуниста и человека. Как-то я сказал об этом, и Тимченко, улыбаясь, предложил свои услуги, чтобы расследовать это дело и найти автора письмишек. Я отказался от его услуг, будучи твердо убежденным, что именно он является автором этих нечистоплотных произведений. Тимченко неоднократно заявлял мне, что на меня казачьи к-р организации готовят покушение. Будто бы один офицер-репатриант был арестован им около моего дома, при обыске у него было найдено оружие и он на предварительном допросе заявил, что прибыл в Вешенскую с целью убить меня. Однажды, будучи пьяным, Тимченко сказал, что кто-то меня выслеживал на охоте и что покушавшийся побоялся стрелять в меня, так как знал, что в случае промаха будет убит мною. «Он знал, что вы здорово стреляете и побоялся рискнуть», — закончил он. На следующий день, когда я, желая уточнить тимченковскую информацию, спросил у него, кто выслеживал меня и арестован ли он? — Тимченко, глазом не моргнув, ответил: — «Ничего подобного я вам не говорил. Вы меня не так поняли».

Отношения наши к тому времени настолько определились, что когда Тимченко попросил сообщать ему, куда я еду, якобы для того, чтобы принимать какие-то меры охраны, я, смеясь, ответил поговоркой: «Избавь боже от таких друзей, а с врагами сам управлюсь». Что уж тут было в кулак шептать...

Край, округ, станица, — вот откуда жали на нас. Но не думайте, что мы были уж такие бедные-несчастные. Мы знали, что если дело дойдет до серьезного, то Вы нас в трату не дадите. На Вас, т. Сталин, на ЦК была надежда. Была, есть и будет. А если б этой надежды не было, да разве можно было бы года жить под таким чортовым прессом?

С 1936 г. дело пошло быстрее. Подвернулся случай расчитаться с нами простым и безопасным способом — началось по краю выкорчевыванье врагов. Случаем этим не преминули воспользоваться. В Кашарском р-не органами НКВД была вскрыта эсеровская организация. Из'ятие проводил в числе других работников НКВД наш уполномоченный НКВД Тимченко. В слободе Н.-Греково арестовали учителя Иванкова. Родом из этой слободы был Красюков П. А. — член бюро Вешенского РК, мой товарищ, однажды уже сидевший в тюрьме по милости врага народа Овчинникова.

Тимченко и Сперанский — нач. Миллеровского окружного отдела НКВД — в прошлом сиятельный дворянин и поручик царской армии — выжали из Иванкова показания о причастности Красюкова к эсеровской организации. Одного этого показания было достаточно: Красюкова арестовали 23 ноября 1936 г.

Красюков 16-летним мальчишкой ушел добровольцем в Красную армию, с 1920 г. был секретарем комсомольской ячейки, сам рождения 1903 г. Иванкова видел всего несколько раз. Происхождением из бедняцкой семьи. Но кому все это было нужно? Кого интересовало прошлое Красюкова? Надо было арестовать одного из вешенцев, нашелся благовидный предлог, и арестовали. Расчет был простой: вырвать у Красюкова ложные показания на всех вешенцев, а тогда уж добратся и до остальных, на основе этих показаний.

Надо ли говорить о том, что арест Красюкова оставшиеся 6 членов бюро Вешенского РК расценили по разному. Луговой, Логачев и я, зная Красюкова как исключительно честного, преданного делу партии коммуниста, считали, что арест его — либо плод недоразумения, либо результат нечестных действий Тимченко, у

которого с Красюковым были плохие отношения, либо, попросту, начало открытого похода против нас.

Луговой, Логачев и я голосовали против исключения Красюкова из партии, считая необходимым выждать до получения из крайкома материалов, которые послужили причиной ареста; остальные трое — Чекалин, Тимченко и Виделин — голосовали за исключение.

На районном партийном собрании подавляющее большинство коммунистов, знавших Красюкова на протяжении ряда лет совместной работы в р-не, голосовало против исключения, т. к. причины таинственного ареста никому не были известны и РК не мог дать об'яснений по этому поводу. (Из 104 членов партии голосовало против исключения 91).

Собрание поручило РК выяснить в крайкоме причину ареста Красюкова и после этого снова обсудить вопрос о Красюкове.

В январе прибыл в Ростов Евдокимов. Мы были крепко обрадованы его назначением. Думалось, что дела в крае пойдут по настоящему и отношение к нам станет иное. Рассчитывали и на то, что он заинтересуется делом Красюкова и со всем разберется. Но Евдокимов с первых же дней приезда недвусмысленно дал понять нам, что мы остаемся на прежнем положении, и что борьба не кончена. На пленуме крайкома в январе выступал Луговой. Он говорил об ошибках старого руководства крайкома, приводил факты и, рассказывая о том, как краевое руководство безобразно руководило хозяйством, вскользь сказал: — «Мы — вешенцы — всегда были в опале у товарища Шеболдаева».

Евдокимов с необ'яснимой злобой всенародно обрушился на Лугового и начал оратор: «— Что ты мне болтаешь о какой-то опале! Вы в Вешенской богему создали! Шолохов у вас — альфа и омега! Камень себе поставьте и молитесь на него! Пусть Шолохов книжки пишет, а политикой мы будем заниматься без него!» и пр. в этом же роде.

В феврале ко мне пришел директор Грачевской МТС соседнего Базковского р-на Корешков, ранее работавший в Вешенской на должности зав. райзо. Он рассказал следующее: его вызвал к себе нач. Миллеровского окр. отдела НКВД Сперанский, продержал на допросе 14 часов, а под конец заявил: «— Ты служил в белой армии и скрыл это при вступлении в партию. Будучи в белых, ты расстреливал красноармейцев. У нас на тебя имеется вот какое дело, — и показал огромную папку, — Посадить тебя мы можем в любой момент. Но пока мы этого не думаем делать. Все зависит от тебя. Ты нам нужен. Ты в дружеских отношениях со Слабченко, с Луговым, с Шолоховым. Пока ты нам должен дать материал на Слабченко, как на троцкиста. Ты нам должен помочь размотать его. Поезжай к нему в совхоз*, пей с ним водку, и добывай материал, как на троцкиста. Иначе тебе будет плохо. Пойми, что ты в наших руках. — Сейчас я с тобой разговариваю по мирному, а вот когда сядешь к нам в подвал, — тогда разговаривать будем по иному...» Тут же Сперанский предупредил Корешкова, что если он кому-либо скажет об этом разговоре, то его не только арестуют, но и немедленно расстреляют.

Корешков спросил у меня: — «Что мне делать?»

Я посоветовал ему написать т. Ежову о том, что Сперанский провоцирует его и понуждает под угрозой ареста давать лживые материалы на Слабченко.

Ездил ли Корешков к Слабченко, или нет я не знаю. Но в марте Слабченко был арестован по распоряжению Сперанского. А некоторое время спустя арестовали и Корешкова.

Узнав, что Красюков арестован как враг народа, два м-ца спустя после его ареста, мы исключили его из партии.

В апреле в Вешенскую приехал Евдокимов. На закрытом бюро РК мы выложили ему наши разногласия с группой Чекалина. Евдокимов обвинил нас в прямой защите врага народа Красюкова, заявил, что Красюков — матерый враг, что мы совершили тяжкое партийное преступление, не исключая Красюкова из партии на протяжении 2 1/2 м-цев, и взял Чекалина и остальных под свою прямую защиту. За то, что Луговой назвал на партсобрании Чекалина «шеболдаевцем», Евдокимов жестоко обрушился на Лугового: «Кто дал тебе право делать имя Шеболдаева нарицательным?!» В своем

* Слабченко работал директором свиновозова «Красный колос» Кашарского р-на. В 1930—1931 гг. работал в Вешенской. —
Прим. авт.

заключительном слове Евдокимов намекнул, что Лугового и Логачева надо проверить, и что из Вешенской их надо убрать.

После его от'езда Чекалин, Тимченко, Виделин стали открыто саботировать сев. Они почти не были в поле. Чекалин безвылазно сидел в РК и занимался собиранием на Лугового материалов, Тимченко прямо отказался ехать на посевную, ссылаясь на занятость, Виделин уехал в Ростов в «командировку» и без разрешения РК прожил там 2 недели, по сути бездельничая. Чекалин и Тимченко открыто говорили коммунистам: «— Дни Лугового и Логачева сочтены. Сев проваливается. Теперь Луговой — и без этого рабой — порябает еще больше».

Руководство севом легло полностью на Лугового и Логачева. И они буквально вдвоем вытащили сев. Неделями не бывая дома, ночуя прямо на борозде, недоедая и недосыпая, они не отходили от тракторов, вместе с техниками и трактористами чинили поломки; не бросали наиболее слабых участков до тех пор, пока положение там не выправлялось, словом, работали так, как этого требовало полджение.

Но Чекалин и Тимченко оказались правы в одном: дни Лугового и Логачева были сочтены. В мае бюро крайкома сняло их с работы и поручило Шацкому «просветить» их. («Просветить» — модный в то время глагол от слова «просвечиванье»). Основной причиной снятия было промедление с исключением из партии Красюкова. Голосовали все за снятие весьма единодушно. Но тогда и состав бюро был на редкость сплоченный по вражеской работе: Ларин, Иванов (курский), Семякин, Шацкий, Шестова, Лукин и др. Все они, за исключением Евдокимова и Люшкова, сейчас сидят.

На бюро Евдокимов снова обрушился на нас, еще раз повторил под гул возмущения, возникший среди присутствовавших на заседании членов бюро и чл[енов] крайкома, что нам никто не давал права называть Чекалина «шеболдаевцем», а Тимченко «рудевцем» (Рудь — б. нач. краевого УНКВД — враг народа), и в заключение сказал: «— т. Люшков в целях внесения ясности в дело Красюкова сообщит бюро, что из себя представляет Красюков».

Люшков встал и заявил: «— Красюков — крупная фигура в к. р. делах на Дону. Он белобородовский эмиссар, служил связующим звеном между эсерами, троцкистами и донской контр-революцией. Об этом свидетельствуют материалы следствия, показания самого Красюкова».

«— Вот кого вы защищали!» — патетически воскликнул Евдокимов, обращаясь к Луговому, Логачеву, ко мне.

Разыграно все это было, как по нотам.

В связи с этим сейчас мне хочется сказать несколько слов о Люшкове. Все, что говорил на тогдашнем заседании бюро Люшков ни в малейшей мере не соответствует действительности. Никогда Красюков не был членом эсеровской организации, ничего общего не имел, никогда даже в глаза не видел Белобородова, со дня ареста и до освобождения не давал никаких показаний. Люшков говорил безответственно. Либо он был введен в заблуждение работниками своего аппарата, либо сознательно клеветал на Красюкова, в надежде, что задним числом от Красюкова удастся получить показания подтверждающие его виновность.

6 июня Евдокимов т[елеграм]мой вызвал Лугового и Логачева в Ростов. «Просвечиванье» заключалось в том, что, вызвав Лугового и Логачева по очереди в кабинет, Шацкий приказал находившемуся у него работнику НКВД обыскать их, а потом сказал: «— Отправляйтесь в НКВД. Дело ясное...»

11 июня на краевой партконференции Шацкий сказал мне: «— Сидят твои друзья, Шолохов. Показания на них сыпят всюю! Но по Вешенской это — только начало... Там будут интересные дела. Вешенская еще прогремит на всю страну!» Я ответил ему, что арест Лугового и Логачева ошибка, но вернее всего, — действия врагов. Шацкий, смеясь, спросил: «— Это не в мой ли огород камешек? Слушай, не выйдет! Я проверен. Можешь судить уж по одному тому, что меня брал к себе на ответственную работу Н. И. Ежов, и Евдокимов с огромным трудом выпросил меня у ЦК».

Как я Вам уже говорил при встрече, я неоднократно просил Евдокимова проверить дело Лугового, Логачева, Красюкова. Он отвечал, что поручит проверить Люшкову, после от'езда Люшкова обещал поручить Когану, а потом Дейчу. Попросту он не хотел чтобы это дело разобрали. Проверять пришлось т. Ежову. В связи с этим у меня возникает еще один вопрос: почему т. Ежов сумел буквально в пару дней

разобраться и установить абсолютную невиновность Лугового и остальных двух товарищей и почему этого не смогли сделать в Ростове? Мне думается, что не сделали этого потому, что не захотели сделать.

Тем временем по краю начались аресты коммунистов ранее работавших в Вешенской и хорошо относившихся к Луговому. В Морозовском р-не за связь с Луговым был арестован пред. Морозовского РИК'а Лимарев, работавший с Луговым в Вешенском РК заворгом, арестовали Каплеева, работавшего когда-то в Вешенском районе в Заготзерно, и еще раньше арестовали пред. Базковского РИК'а Шевченко, ранее работавшего в Вешенской зам. пред РИК'а.

Новый секретарь Вешенского РК Капустин, которого по словам Шацкого лично Евдокимов выбрал для Вешенской из 15 просмотренных им секретарей РК, развернул при посредстве Чекалина и Тимченко работу по «искоренению коммунистов связанных с Луговым и Логачевым». За четыре м-ца по Вешенскому району было исключено из партии и арестовано под разными предлогами 18 членов партии и 16 комсомольцев.

В конце июля член партии, красный партизан в прошлом, Тютюкин И. при встрече, волнуясь, сообщил мне, что его сын Тютюкин А. работающий секретарем Вешенского РО НКВД слышал, как Тимченко, допрашивая арестованного казака — участника окружного казачьего хора, созданного врагами народа Касиловым и Лукиным, вынуждал арестованного дать показания на меня, будто бы я уговаривал этого казака совершить покушение на кого-либо из членов правительства при поездке хора в Москву. Я имел неосторожность сообщить об этом возмутительном случае секретарю РК Капустину. Ровно через два дня после моего разговора с Капустиным Тютюкин А. был арестован, как враг народа. До сих пор содержится в Миллеровской тюрьме.

Через некоторое время Тимченко заявил мне, что ему придется арестовать Шолохова В. — моего родственника, комсомольца с 1924 г., работавшего директором Еланской средней школы. На мой вопрос, — что сделал Шолохов В. преступного? — Тимченко ответил: «— На него у меня имеется целая куча материалов». Я попросил ознакомить меня с этими материалами. Тимченко показал мне несколько листов перепечатанных на машинке. Это обвинительное заключение содержало в себе самый чудовищный вымысел, дикую нелепицу, чепуху. Еланская школа единственная из школ б. Азово-Черноморского края получила в 1934 г. всесоюзную премию в 10.000 руб. за образцовую постановку работы, а по материалам Тимченко значилось, что школа развалена, что все там враги и пр. Против Шолохова В. выдвигались обвинения в том, что он сознательно разваливал школу, вел вражескую работу среди учеников и учителей, вредил в пришкольном х-стве и т. д. Я обратился по этому вопросу к Капустину. Тот сказал, что он имеет на Шолохова В. материалы подтверждающие его вражескую деятельность. В качестве доказательств привел следующее: 1) в школе насаждались религиозные настроения среди учащихся, ученики читали библию, 2) Шолохов В. вредительски вырубил на пришкольной усадьбе 10000 корней плодовых саженцев, 3) Шолохов систематически разваливал учебную работу, 4) Будучи учителем истории, Шолохов В. преподавал ее с троцкистских позиций.

По решению РК была создана комиссия, в которую Капустин и Тимченко сознательно ввели своих единомышленников и, несмотря на то, что при проверке оказалось: 1) ученики читали не библию, а рассматривали на дому иллюстрированный журнал «Пробуждение» изд. 1913 г., в котором были фоторепродукции на евангельские темы (картина «Камо грядеши» и др.). 2) Уничтожить 10000 плодовых саженцев Шолохов никак не мог, т. к. пришкольный сад занимал площадь всего-навсего в ...полгектара и было там плодовых деревьев только 65 корней, которые целы до сих пор, 3) Доказать, что Шолохов разваливал учебную работу ничем было нельзя, потому, что это противоречило истине, 4) Точно так же не преподавал истории с троцкистских позиций; несмотря на все это комиссия, извратив факты и пойдя на явный подлог, сочла возможным сделать следующие выводы: «...Шолохова с работы снять, дело о нем передать следственным органам НКВД».

Я резко протестовал против такого расследования. Капустин колебнулся и решил не брать на себя ответственности. Он т[елеграм]мой попросил Шестову прислать из крайоно комиссию. На заседании бюро РК ВЛКСМ при участии

Капустина Шолохова исключили из комсомола, на заседании бюро РК ВКП(б) решили Шолохова снять с должности директора школы. Шестова не замедлила прислать двух работников крайоно, которые обследовали только состояние учебной работы в школе и, в основном, опирались на решение первой комиссии, созданной РК.

Арестовать Шолохова В. не удалось, но Тимченко деятельно продолжал собирать на него материалы, используя свою осведомительную сетку и всех, кто по тем или иным причинам имел на Шолохова зуб. Одновременно начали дело и против другого моего родственника, работавшего в начальной школе х[лугора] Черновского зав. школой.

На все это дело проливает яркий свет бумажка, присланная Шацким на имя Капустина и чудом сохранившаяся в делах РК. «Совершенно секретно. Лично т. Капустину. № 15308. На заседании РК 5 августа разбиралось дело Еланской школы. Несмотря на то, что обличительных материалов было более чем достаточно вы приняли по отношению Шолохова В. необ'яснимо мягкое решение, в то время, как его надо было привлечь к строжайшей ответственности. Немедленно дайте об'яснение, чем это вызвано? Шацкий».

И Шацкому и остальным надо было после ареста Лугового, Логачева и др. арестовать моих родственников, чтобы показать, что мое окружение — политическое и родственное — было вражеское, чтобы насильственно вырвать у арестованных ложные показания на меня, а потом уж, приклеив мне ярлык «врага народа», отправить и меня в тюрьму.

Тимченко не удалось завершить свою работу до конца. Еще весной, когда в Вешенскую приехал Евдокимов, вопрос о его снятии был предрешен. Уж больно сильно он был скомпрометирован и нечисто работал... Тогда же Евдокимов сказал, что в Вешенскую пришлют Кравченко — нач. РО НКВД из соседнего Базковского р-на. Кравченко работал в этих р-нах лет 8 и издавна славился, как непревзойденный мастер по созданию дутых дел. В апреле Евдокимов наметил его нам, но перевели его в сентябре. И он активно принялся за довершение того, что не успел и не сумел сделать его предшественник Тимченко.

После ареста Лугового Капустин начал громить парторганизацию. По Дударевской МТС из 11 пред. колхозов было снято 9. Значительная часть их арестована, осуждена. Из 92 членов район. парторганизации было исключено 18. Причем исключено явно неправильно. Арестовали директора Колундаевской МТС Гребенникова, как врага народа. А этот «враг» — ставропольский крестьянин бедняк в прошлом, красный партизан, награжденный за боевые отличия серебряным оружием, был и, наверняка, остался безусловно преданным партии человеком. На 64 члена партии были заведены дела. Большинство их должно было подвергнуться исключению из партии.

По заведомо ложному делу исключили из партии б. управделами РК Худомясова. Осужден на 10 лет. Арестованы и посланы на разные сроки б. члены партии Дударев, Кривошлыков, Боков и др.

Красюков, с арестом которого начался открытый поход против вешенцев, был отправлен через Миллерово в Ростов, во внутреннюю тюрьму УНКВД. 23/11-36 г. его арестовали, с 25/11 начались допросы. На первом же допросе продержали 4 суток подряд. В течение 96 часов ему дали поесть два раза. Не спал он за это время ни минуты.

О чем спрашивали сменявшиеся по очереди следователи — лейтенанты Топильский, Марков и сержант Бобров? Заставляли показывать на «троцкиста» Слабченко, на Корешкова, вымогали показания о вражеской работе, которую Красюков, якобы, вел. С января 1937 г. начали допрашивать обо мне, о Луговом, о Логачеве. Через короткие передышки, измерявшиеся часами, снова вызывали на допрос и держали в кабинете следователя по 3—4—5 суток подряд. Следователи в один голос говорили, что Луговой и Логачев арестованы, что они уже дали показания, грозили расстрелом, морили безо сна. Не добившись желательных им показаний, 17/3—37 г. Красюкова бросили в карцер — каменный мешок 2 м длинны* и полутора м. ширины, сырой, абсолютно темный. Спал на голом полу. Пробыл в карцере 22 суток. И снова истощенного, замученного, еле державшегося на ногах под

руки притащили в следовательский кабинет, и снова допрашивали по 3—4 суток. 25/4 вызвал нач. отделения СПО капитан Осинин. Короткий разговор:

«— Молчишь? Не даешь показания, сволочь? Твои друзья сидят. Шолохов сидит. Будешь молчать — сгноим и выбросим на свалку, как падаль!»

Допрашивали, не разрешая садиться. Стоял до тех пор, пока держали ноги, потом ложился на пол и поднять не могли уже никакими пинками. Не было такого издеательства, которому Красюкова не подвергали бы: неслыханные ругательства, плевки, отказ выпускать в уборную, допросы с запрещением садиться по полсудку, допросы без сна по 3—5 суток, голод, — вот что входило в систему следствия.

После того, как следователи убедились в том, что из Красюкова выжать желательных для них показаний не удастся, его отправили в Ростовскую тюрьму. Летом сидел в камере построенной на 8 человек, но в которую ухитрились поместить 60 заключенных. Спали на полу «валетами», лежа только на боку, в полусогнутом положении, при чем если надо было повернуться на другой бок одному, то поворачиваться вынуждены были все 60. Жара была такая, что по словам находившегося в камере кочегара, превосходила во много раз жару в машинном отделении парохода. По очереди подползали к дверной щели, чтобы хоть несколько раз глотнуть затхлого, но прохладного воздуха из коридора.

Никакими пытками Красюкова не могли заставить клеветать на себя и других. И когда ему говорили, что он издохнет в тюрьме, — он отвечал: «— И помирая буду говорить: да здравствует коммунистическая партия и советская власть! А вы, фашисты, смотрите и учитесь, как надо умирать честным коммунистам!»

В сентябре его отправили в Миллерово. Из 20 суток, проведенных там, 18 он пробыл на допросах. В Миллерово по указанию Сперанского его допрашивали по 6 суток подряд, не давали сутками воды, по трое суток не давали есть. Довели до того, что он заболел кровавым поносом и если б не подоспел вызов в Москву, то он, наверняка, умер бы в Миллеровской тюрьме. Всего просидел он в тюрьме 11 с половиной месяцев.

О своем состоянии в тогдaшнее время Красюков говорит так: «— Самая страшная пытка, — это лишать сна. Приходилось изо всех сил бороться с собой, чтобы не пойти на соблазн легкой смерти, не дать любое показание, какое от меня вымогали. В такие минуты, когда просиживал или простаивал в кабинете следователя по 5 безконечных суток, расстрел или другое наказание казались избавлением. Поддерживала вера в правоту своего дела, а поэтому и выбрал самую тяжелую смерть: решил лучше умереть замученным, чем лгать на себя и на других».

Лугового с момента ареста посадили в одиночку. Допрашивали следователи Коидратьев, Григорьев и Маркович. Метод изнурения заключенного был тот же, но с некоторыми отступлениями. Так же допрашивали по несколько суток подряд, сажали на высокую скамью, чтобы ноги не доставали пола, и не приказывали вставать в течение 40—60 часов, потом давали передышку в два-три часа и снова допрашивали. Луговой выстаивал по 16 часов, руки по швам, перед следовательским столом. К вариациям допроса можно отнести следующее: плевали в лицо и не велели стирать плевок, били кулаками и ногами, бросали в лицо окурки. Потом перешли на более утонченный способ мучительства: сначала лишили матраца на постели, на следующий день убрали из одиночки кровать; чтобы предохранить больные легкие от простуды, т. к. лежать надо было на голом цементном полу (Луговой болен туберкулезом), он подстилал под спину веник, — взяли и веник из камеры. Затем против одиночки Лугового поместили сошедшего с ума в тюрьме арестованного работника КПК Гришина, и тот своими неперестанными воплями и криками не давал забыть и в те короткие часы, когда приводили с допросов. Не помогло и это, — перевели в карцер, но карцер особого рода, клоповник. В наглухо приделанной к стене кровати кишели, по словам Лугового, миллионы клопов. Ложиться на полу строжайше воспрещали. Лежать можно было только на этой кровати. Но освещение в камере было так искусно устроено (затененный свет), что вести борьбу с клопами было абсолютно невозможно. Через день тело покрывалось кровавыми струпами и человек сам становился сплошным струпом. В клоповнике держали неделю, затем снова в одиночку. Вымогание ложных показаний, «подавление психики» аресто-

ванного достигалось и таким путем: среди ночи в камеру приходил следователь Григорьев, вел такой разговор: «— Все равно не отмолчишься! Заставим говорить! Ты в наших руках. ЦК дал санкцию на твой арест? Дал. Значит ЦК знает, что ты враг. А с врагами мы не церемонимся. Не будешь говорить, не выдашь своих соучастников, — перебьем руки. Заживут руки, — перебьем ноги. Ноги заживут, — перебьем ребра. Кровью ссать и срать будешь! В крови будешь ползать у моих ног и, как милости, просить будешь смерти. Вот тогда убьем! Составим акт, что издох и выкинем в яму».

Логачев испытал тоже самое. Издевались, уничтожали человеческое достоинство, надругивались, били. На допросе продержали 8 суток, потом посадили на 7 суток в карцер, переполненный крысами. В карцере сидел в одном белье, до этого раздели. Из карцера уже не вели, а несли на носилках. Отнялась левая нога. Допрашивали 4 суток. Пролежал в одиночке 3 часа и снова понесли на допрос. Допрашивали 5 суток подряд. Не мог сидеть, падал со стула, просил разрешения у следователя Волошина прилечь на постеленную на полу дорожку, но тот не разрешил лечь там. Пролежал на голом полу около часа и снова подняли. Снова пытали 4 суток. Провоцировали. Следователь Маркович кричал: «— Почему не говоришь о Шолохове? Он же, блядина, сидит у нас! И сидит крепко! Контрреволюционный писака, а ты его покрываешь?!» Бил по лицу. К концу четвертых суток Логачев подписал то, что состряпал и прочитал ему следователь.

О своем тогдашнем состоянии говорит коротко: «— Дошел, вернее довели, до того, что если б предложили подписать, что я был римским папой, — и это подписал бы. Хотелось только одного: поскорее умереть».

Арестованный Лимарев передавал в Миллеровской тюрьме Красюкову, что Каплеева допрашивали 10 суток подряд. Лимарев сидел в соседней камере и слышал все это. Каплев — пожилой крепкий мужчина, когда-то командовавший коммунистическим полком, бывший с белыми, с Махно и многочисленными бандами на Дону, — не раз, по словам Лимарева, плакал во время этого допроса, а на десятые сутки попросил: «— Прочти хоть, что ты там написал!» И после этого затих. Допрос прекратился. Надо полагать, что Каплев подписал все, что создала богатая следовательская фантазия.

Сидевший вместе с Луговым в Новочеркасской тюрьме порученец Рудя провел в карцере 20 с лишним суток. В этом карцере на цементном полу на вершок стояла вода. Луговой утверждает, что спина этого человека представляла сплошную язву: чирьи сидели так густо, что соприкасались стенками. Не выдержав, порученец наклеветал на Рудя, в чем после и сознавался другим арестованным. Не захотелось умирать...

О допросах с пристрастием пишут мне и другие арестованные, которые сейчас находятся в ссылке. Пишут и просят довести до Вашего сведения о том, как их допрашивали, как из них сделали врагов.

На Лугового было 27 показаний. Показывали о его вражеской работе даже те, кто его никогда в глаза не видел и никогда не бывал в Вешенской. Это установлено при проверке дела т. Ежовым. Большинство показаний было дано арестованными Базковского р-на, где нач. РО НКВД работал Кравченко, впоследствии посланный Евдокимовым в наш р-он. Этот Кравченко производил аресты в своем р-не, он же вел следствие, т. к. летом его мобилизовали на следовательскую работу в Миллеровский отдел НКВД. Он вымогал ложные показания от арестованных. Почему же его не привлекают к ответственности? Почему он из Вешенского р-на переведен в крупнейший р-он Каменский, а Тимченко — в Цымлянский? Почему не привлекают к ответственности тех, кто упрятал в тюрьму Лугового, Логачева, Красюкова и тех, кто вымогал у них показания в своих вражеских целях? Неужто все это так и останется и врагам будет дана возможность и дальше так же орудовать?

Сперанский говорил мне, что Слабченко осудили, сослали. А сидел он за связь с Луговым, об этом свидетельствуют его записки, переданные из тюрьмы на волю. Слабченко видела его жена перед отправкой. Арестованных гнали в баню и Слабченко, не обращая внимания на подталкивание прикладами, успел ей крикнуть: «— Правду не схоронят! За меня не беспокойся! Узнает Москва, узнает т. Сталин — и я буду на свободе!»

Источник 4/1993

Красюков рассказывал, что в дни 1 мая в Ростовской тюрьме стон стоял от криков. Из одиночек кричали: «Да здравствует коммунистическая партия!» «Да здравствует товарищ Сталин!»

Даже страшный тюремный режим и инквизиторские методы следствия не сломили веры в партию, в Вас, у подлинных большевиков, которые, будучи замучены сами, кричали здравицы партии и ее вождю.

Т. Сталин! Такой метод следствия, когда арестованный безконтрольно отдается в руки следователей, глубоко порочен; этот метод приводит и неизбежно будет приводить к ошибкам. Тех, которым подчинены следователи, интересует только одно: дал ли подсудимый показания, движется ли дело. А самих следователей, судя по делу Лугового и др., интересует не выяснение истины, а нерушимость построенной ими обвинительной концепции. Не даром следователь Шумилин, вымогая у Красюкова желательные для него, Шумилина, показания, на вопрос Красюкова «— Вы хотите, чтобы я лгал?», ответил: «— Давай ложь. От тебя мы и ложь запишем». В тюрьмах Ростовской обл. арестованный не видит никого, кроме своих следователей. Просьбы арестованных разрешить написать заявление прокурору или нач. УНКВД грубо отклоняются. Написанное заявление на глазах у арестованного уничтожается, и арестованный с каждым днем все больше и больше убеждается в том, что произвол следователя безграничен. Отсюда и оговоры других и признание собственной вины, даже никогда несовершаемой.

Надо покончить с постыдной системой пыток, применяющихся к арестованным. Нельзя разрешать вести непрерывные допросы по 5—10 суток. Такой метод следствия позорит славное имя НКВД и не дает возможности установить истину.

Безконтрольная работа следователей дает широкую возможность пробравшимся в следственный аппарат врагам творить свои страшные дела. Арестованный пред. Базковского РИК'а Шевченко сидел в Миллеровской тюрьме НКВД подследственным 14 м-цев. Убежден, что Шевченко не враг, но за это время из него, наверняка, выжали ложные показания, т. к. допрашивал его Кравченко и др. враги. Один из них (следователь Малинцевич) уже арестован.

Надо тщательно перепроверить дела осужденных по Ростовской области в прошлом и нынешнем году, т. к. многие из них сидят напрасно. Сидят по милости врагов.

Дела из'ятых в порядке очистки тыла тоже необходимо перепроверить. Изымали не только активных белогвардейцев, эмигрантов, карателей, словом тех, кого необходимо было из'ять, но под эту рубрику подводили и подлинно советских людей: молодых бригадиров, трактористов, животноводов. Это — тоже метод вражеской работы, желание внушить казачьему населению враждебные чувства к Советской власти, породить сознание неуверенности и тревоги. Враги достигли цели. В народе по северным р-нам Дона говорят без тени иронии: «Моего забрали, когда второй набор проходил».

Из уст знакомых колхозников я сам не раз слышал, что живут они в состоянии своеобразной «мобилизационной готовности»; всегда имеют запас сухарей, смену чистого белья на случай ареста. Ну, куда же это годится, т. Сталин? И не это ли обстоятельство способствовало тому, что великолепный урожай пр[ошлого] года еле убрали, огромное количество хлеба сгнило в поле, семена не сохранили, зяби не допахали?

Дорогой т. Сталин! Прошу Вас лично — Вы всегда были внимательны к нам — прошу ЦК, — разберитесь с нашими делами окончательно!

Доведите до сведения Н. И. Ежова о содержании моего письма, ведь он сделал первый почин в распутывании вешенского клубка, и пришлите комиссию из больших людей нашей партии, из настоящих коммунистов, которые распутали бы этот клубок до конца. Обком ничего не делает и не сделает! Я уже говорил Евдокимову: «— Почему обком не предпринимает никаких мер, чтобы освободить из тюрем тех, кто сидит за связь с Луговым, кто посажен врагами?» Он ответил: «— Ты говорил об этом Ежову? Ну, и хватит. А что я могу сделать?» Сажать он мог, а говорить об освобождении неправильно посаженных не может. Тогда почему же он мог спрашивать о Шацком, Семякине, Шестовой: «— А не зря ли они посажены? Не оклеветали ли их?»

Пришлите по делам арестованных коммунистов М. Ф. Шкирятова. Он знает очень многих людей здесь по 1933 г., ему будет легче ориентироваться, и кого-нибудь

невозможно
проверить

из заместителей т. Ежова. И пусть они, знакомясь с ростовскими делами, хорошенько присмотрятся к Евдокимову! Он хитер — эта старая, хромая лиса! Зубы с'ел на чекистской работе, и что бы он не видел вражеской работы со всех сторон облепивших его Пивоварова, Кравцова, Щацкого, Ларина, Семякина, Шестовой, Лукина, Касилова и др.? Не верится, т. Сталин! Но если Евдокимов не враг, а просто глубокая шляпа, то неужто такой руководитель нужен нашей области, где крайне сложна политическая обстановка, где так много напаскудили враги.

За пять лет я с трудом написал полкниги. В такой обстановке, какая была в Вешенской, не только невозможно было продуктивно работать, но и жить было безмерно тяжело. Туговато живется и сейчас. Вокруг меня все еще плетут черную паутину враги. После от'езда Тимченко и Кравченко их подручные продолжают вести активную работу. Ознакомьтесь с заявлением, которое прилагаю, и Вы увидите, что старая история продолжается. О действиях этого «политически зрелого» мерзавца Сидорова, терроризировавшего колхозников, выдававшего себя за «тайного агента» НКВД, РК довел до сведения РО НКВД. Результаты следствия, проведенного работником НКВД Костенко, указаны в этом заявлении*. Знает об этом и Евдокимов. Но до настоящего времени Сидоров не привлечен к ответственности. Всего не перескажешь, т. Сталин, хватит и этого.

Письмо повезу сам. Если понадобится Вам — Поскребышев меня найдет. Если не увижу Вас, — очень прошу через Поскребышева сообщить мне о Вашем решении. Крепко жму Вашу руку.

Ст. Вешенская
16 февраля 1938 г.

*М. Шолохов**.*

Ф. 45. Оп. 1. Д. 827. Л. 41—61. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Первая встреча М. А. Шолохова и И. В. Сталина в 1937 г. произошла 25 сентября (см. подстрочное примечание к документу № 2). Второй раз Шолохов встречался со Сталиным 4 ноября 1937 г. с 17 до 18 часов. До 17.30 Шолохов и Сталин беседовали наедине, затем пришли В. Молотов и Н. Ежов. (Ф. 45. Оп. 1. Д. 412. Л. 42 об.)

2. Шолохов был у Сталина 14 июня 1934 г. с 15.30 до 16.50, а 15 июня того же года принимается постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О помощи колхозам Северной области АЧК». В постановлении говорилось: «Поручить комиссии в составе т.т. Жданова (созыв), Чернова, Гуревича, Микояна, Клей-

нера, Гринько, Акулова, Малинова, Лукина, Шолохова и Юркина разработать мероприятия по хозяйственной помощи колхозам районов Северной области Азово-Черноморского края».

23 июня Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило проекты постановлений ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О помощи колхозам Азово-Черноморского края», представленные комиссией Жданова. (Ф. 45. Оп. 1. Д. 410. Л. 68 об.; Ф. 3. Оп. 61. Д. 549. Л. 75—81.)

*Публикация
Юрия МУРИНА*

* См. документ № 6.

** В конце письма рукой И. Сталина написано:
«1) Травля Шолохова».

«Сектант, Прошедший Марксистскую Выучку»

Предлагаемые воспоминания принадлежат перу Александра Николаевича Потресова (1869—1934), видного русского марксиста, который вместе с Г. В. Плехановым, П. Б. Аксельродом, В. И. Лениным, Ю. О. Мартовым стоял у истоков российской социал-демократии. В 1903 году Потресов стал одним из лидеров меньшевистской фракции РСДРП, что на долгие десятилетия обеспечило ему ярлык оппортуниста и предателя интересов пролетариата. Последовательный демократ, Потресов особое внимание уделял развитию легальных форм рабочего движения, считая необходимым достижение единства действий со всеми объективными союзниками в борьбе против царизма, включая и либералов. Резко негативно восприняв Октябрьскую революцию, Александр Николаевич разделил судьбу многих своих соратников, товарищей, став изгнанником: в 1925 году выехал из России за границу, где и скончался.

Свои воспоминания Потресов написал в 1927 году. Они интересны прежде всего тем, что в них дан психологический портрет молодого Ленина. Активно общаясь с ним на протяжении восьми лет (1895—1903), сначала в рамках рабочих кружков, затем посредством переписки и, наконец, в редакции «Искры» (куда входили также Плеханов, Аксельрод, Мартов и Вера Засулич), Потресов имел возможность наблюдать будущего вождя большевиков вблизи. Отметим, что Потресов, политический противник Ленина, не опускается до зурядной брани. Наряду с «великими изъянами» он упоминает и о «великих достоинствах» своего будущего оппонента. На вопрос, что же в конце концов перевесило, Александр Николаевич дает, как представляется, убедительный ответ. Воспоминания Потресова были опубликованы в посмертном сборнике его сочинений, вышедшем в Париже в 1937 году.

А. Н. ПОТРЕСОВ

Ленин

Я хочу попытаться по некоторым запечатлевшимся в моем сознании чертам воспроизвести перед читателем образ Владимира Ильича Ульянова-Ленина, освобожденный от шелухи общественного гипноза, сведенный к размерам естественным, очеловеченный; такой, каким мне довелось его знать в течение ряда лет, когда мы с ним медленно подходили друг к другу и затем сошлись на общей работе, над созданием «Искры» и «Зари», чтобы в конце концов расскочиться в разные стороны, порвав всякую связь товарищества и всякую нить знакомства.

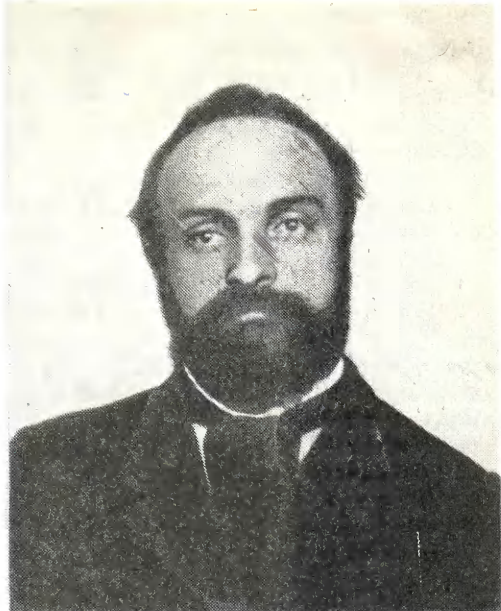
Я кладу, таким образом, в основу своего описания впечатления восьми лет — с 1895 и по 1903 гт. — восьми лет моих встреч и временами, например, в Мюнхене, моей почти совместной жизни с молодым и начинающим Лениным. <...>

Я написал «молодой» и запнулся. Да, конечно, Ленину только что минуло 25 лет, когда я его увидел в первый раз, во время рождественских каникул 94—95 года, на собрании в одном из предместий Петербурга — на Охте. Но он был молод — только по паспорту. На глаз же ему можно было дать никак не меньше сорока—тридцати пяти лет. Поблекшее лицо, лысина во всю голову, оставлявшая лишь скудную растительность на висках, редкая рыжеватая бородка, хитро и немного исподлобья прищуренно поглядывающие на собеседника глаза, немолодой, сишный голос. <...>

У молодого Ленина на моей памяти не было молодости. И это невольно

В. И. Ульянов во время ареста по делу петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». 1895 г. Фото сделано в охранном отделении.

А. Н. Потресов.

отмечалось не только мною, но и другими, тогда его знавшими. Недаром в «Петербургском Союзе Борьбы» того времени, этой первичной ячейке будущей партии, его звали «стариком», и мы не раз шутили, что Ленин даже ребенком был, вероятно, такой же лысый и «старый», каким он нам представлялся в 95 году. Но мне и тогда среди этих шуток приходилось, не шутя, задумываться над этой его странной особенностью.

Конечно, возможно, что судьба его брата Александра, казненного по делу 1-го марта 1887 г. (о подготовлявшемся покушении на императора Александра III), сыграла не последнюю роль в этом исчезновении его молодости. Но только ли это? И не было ли каких-то внутренних причин в его душевной и умственной организации, которые еще с большей силой вытравивали из него эту молодость? Чем больше я думаю об этом теперь, тем сильнее склоняюсь к тому, что это именно так, что в его монолитной, однозвучной натуре все было связано одно с другим.

Я к этому еще вернусь впоследствии, а пока мне хочется подробнее остановиться на том впечатлении, которое произвел на меня тогда на Охте — уже не его физический, а духовно-умственный облик. Ведь, как известно, первые впечатления обычно закладывают фундамент, на котором последующее знакомство возводит свои дальнейшие постройки.

На собрании, о котором идет речь, Ленин реферировал о литературно-политических новинках того дня, о первых легально напечатанных в самой России и ставших для всех доступными марксистских изданиях¹. За несколько месяцев перед тем вышла книга П. Струве «Критические заметки. К вопросу об экономическом развитии России», обратившая на себя и на ее автора всеобщее внимание. А чуть ли не за несколько дней до занимающего нас собрания мне удалось выпустить в свет, под псевдонимом Бельтова, книгу Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», книгу, давшую огромный, решительный толчок распространению марксизма в России.

Ленин, вскользь чрезвычайно хвалебно отозвавшись о книге Плеханова-Бельтова, с тем большей энергией, со всей ему свойственной ударностью, направил свою критику против Струве. И я остро до сих пор переживаю свое тогдашнее восприятие ленинского выступления.

Я помню, что тогда мне, в тот же вечер, пришлось делиться своими непосредственными впечатлениями от того собрания и от этой для меня совершенно новой и

ранее неизвестной фигуры, и я их формулировал так: большая сила, но в то же время и что-то однобокое, одностонно-упрощенное и упрощающее сложности жизни.

Ленин был прав и неправ в своей критике, направленной против <...> Струве. У Струве в его марксизме того времени был несомненной уклон к буржуазному реформизму, и Ленину как нельзя лучше удалось этот уклон показать. Но чем убедительнее выявлял он реформизм своего противника, тем ярче выступал вместе с тем и его собственный уклон — уклон в противоположную сторону.

Сквозь марксистскую терминологию просовывалась та традиционная концепция развивающегося капиталистического общества в виде сплошной реакционной массы, которая была характерной основой для всех революционно-утопических течений.

И тогда же в разговоре о нем произнесено было слово — сектант. Да, сектант! Но сектант, прошедший серьезную марксистскую выучку! Сектант-марксист! А возможно ли более противоестественное сочетание двух столь враждебных друг другу категорий, как сектантство, с одной стороны, и глубоко реалистическое учение Маркса, с другой? И не суждено ли марксизму в конечном счете победить сектантство — победить особенно в человеке, в котором чувствуется такая внутренняя сила, такая незаурядная логика, такая выдающаяся подготовка?

На этот вопрос, себе поставленный, я, как и многие марксисты, сознававшие опасность сектантства, ответили тогда в положительном, оптимистическом смысле. <...> И мы поверили в способность Ленина к дальнейшей эволюции от его первоначального сектантски искаженного марксизма к марксизму подлинному, к марксизму международной социал-демократии.

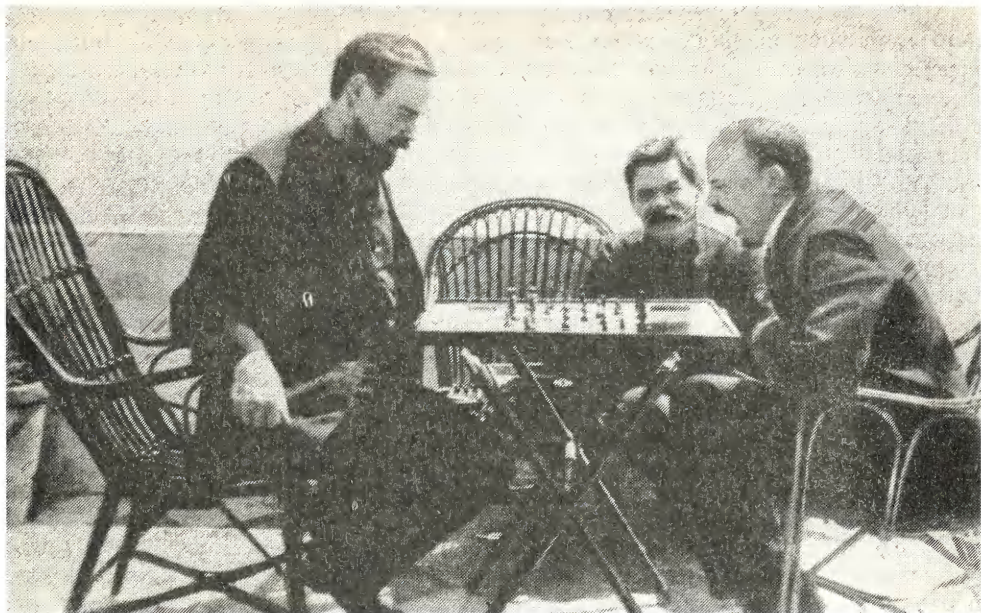
Поверил не только я с моими ближайшими петербургскими единомышленниками, но и представители старшего поколения русских марксистов — Плеханов и Аксельрод. Как раз в 1895 году <...> Ленин совершил первый свой выезд за границу. И я имел случай видеть и Ленина под непосредственным впечатлением от первой встречи его с Плехановым, и Плеханова, присматривающегося к Ленину и делящегося со мной своими наблюдениями по его поводу. Съехавшись к началу лета в Женеву, мы все вместе отправились в горы и поселились в довольно глухой деревушке Ормоны, проводя время в прогулках и бесконечных разговорах на ходу.

И в этой идиллической обстановке трудно было предвидеть те бури, которые впоследствии разметали нас в разные стороны. Невозможно было представить себе Плеханова, подвергающегося обыску клеветов будущего диктатора Ленина и с минуты на минуту ожидающего, что его поведут на расстрел! А ведь это не в шутку, а в серьез и на самом деле было проделано в скверную осень 1917 года, под Петербургом, в Царском Селе.

Но тогда, в 1895 году, в Ормонах никакие зловещие предзнаменования не нарушали еще гармонии наших мирных бесед у подножья альпийских снегов. <...>

По сравнению с широким умственным кругозором Плеханова, с его всеобъемлющими интересами, дававшими пищу для неизменно яркого и талантливого реагирования его ума, Ленин казался таким серым и тусклым во всем, что не входило непосредственно в сферу той социальной проблемы, в которой помещалась целиком и без остатка проблема всей его жизни. Если из Плеханова, как из неиссякаемого кладеза мудрости, можно было черпать мысли и сведения по самым различным отраслям человеческого знания, беседовать с ним с поучением для себя не только о политике, но и об искусстве, литературе, театре, философии, то с Лениным, при всей его осведомленности в русской экономической литературе и знакомстве с сочинениями Маркса и Энгельса, тянуло говорить лишь о вопросах движения. Ибо малоинтересный и неинтересный во всем остальном, он, как мифический Антей, прикоснувшись к родной почве движения, сразу преобразался, становился сильным, искрящимся и в каждом его соображении сказывалась продуманность, следы того жизненного опыта, который, несмотря на всю его кратковременность и относительную несложность, успел сформировать из него настоящего специалиста революционного дела и выявить его прирожденную даровитость.

Было ли это революционное дело, которое пока еще не столько практиковалось, сколько складывалось в голове своего будущего организатора, действительно делом, отвечающим целям и методам международной социал-демократии, об этом трудно еще было судить в России 90-х годов. Ибо надо вспомнить, что русское рабочее движение того времени едва делало свои первые шаги, и задача социал-демократических кружков, всех этих «союзов борьбы», тоже тогдашних дебютантов, сводилась к руководству стачками и усилиям направить движение пролетариата в его борьбе не

*В. И. Ленин в гостях у А. М. Горького играет в шахматы с А. А. Богдановым.
1908 г. Капри. Италия.*

только на своего непосредственного врага-предпринимателя, но и на его друга и покровителя — на царское самодержавное правительство.

Эту, на нынешний масштаб, элементарную, агитационно-пропагандистскую функцию Ленин выполнял с чрезвычайным искусством, и памятником его кипучей работы того времени, кроме подпольных прокламаций, осталось несколько популярных брошюр, в которых частные вопросы рабочего движения (например, вопрос о штрафах) трактовались в форме на редкость доступной и для самой малосознательной пролетарской среды. И, разумеется, для нас, работавших в тех же кружках и так или иначе соприкасавшихся с этой его деятельностью, сектантские черты, проглянувшие в помянутом мною реферате, должны были отступить куда-то на задний план и казаться чем-то несущественным или даже уже превзойденным по сравнению с злободневными вопросами движения, так блистательно удовлетворившимися Лениным.

К тому же вскоре, когда и Ленин, и я, и многие другие наши товарищи очутились разбросанными по тюрьмам и ссылкам, русский марксизм во всех его тогдашних оттенках был собран и объединен в открыто издававшемся в России марксистском ежемесячнике «Новое слово», и эта легализация в царской России марксистского периодического органа представлялась таким огромным завоеванием общественности, что настраивала на менее сектантский лад даже и ранее сектантски настроенного Ленина. Казалось, Ленин, корреспондировавший со мною в 98 и 99 годах из своего сибирского пункта в тот пункт, где, по предписанию полиции, я имел свое принудительное жительство, под этим впечатлением окончательно эмансипировался от ранее свойственной ему точки зрения узко подпольного кружка, сквозь упрощающую призму которого он привык рассматривать всю сложную перспективу общественного развития России.

К сожалению, это только казалось так. Мое и многих других марксистов социал-демократов единомыслие с Лениным было тем обманчивым миражом, возникновением которого мы обязаны примитивности не только рабочего движения 90-х годов, о которой я уже имел случай говорить, но и всей русской общественно-политической жизни того времени в целом, еще не образовавшей организованных партий и не знавшей политической борьбы в сколько-нибудь развернутом виде и систематически. Ведь если социал-демократия, как общерусская партия, образовалась, и то номинально, в 1898 году, а на деле лишь в 1903 году, то возникновение других, как социалистических, так и буржуазных, партий относится к еще более позднему времени.

Мне вместе с Мартовым пришлось жестоко расплачиваться за это недоразумение, когда по окончании нашей ссылки мы заключили, по выражению Ленина, наш «тройственный союз» (Ленин, Мартов и я), поставив себе целью создать нелегальный литературный центр: газету «Искра» и журнал «Заря», и сделать их орудием построения действительно общерусской, объединенной и организованной партии. У нас всех трех как будто была бы и общая идейная платформа — борьба за ортодоксально-марксистское направление в партии, против начавших замечаться уклоны движения, с одной стороны, в сторону беспринципного практицизма, с другой — в сторону так называемого «ревизионизма», вдохновлявшегося примером Бернштейна в Германии и приобретавшего широкую популярность в кругах марксистской интеллигенции. Она через ревизионизм постепенно отходила от социал-демократии.

По мере того как общественная депрессия в России сменялась нарастающим подъемом и общественное движение, направленное против царского самодержавия, все сильнее дифференцировалось, эта идейная общность с Лениным становилась все более призрачной, и те же как будто бы слова, тождественные как будто бы понятия наполнялись совершенно непохожим друг на друга, радикально различным содержанием.

Конечно, то, что ясно теперь, после всего происшедшего, лишь медленно уяснялось нашим сознанием в те три года совместной работы с Лениным в «Искре», когда, споря по отдельным частным поводам, мы еще не могли уловить того общего смысла разногласий, который лежал в основе всех этих споров. Да, впрочем, и Ленина периода «Искры» было бы ошибочно представлять себе уже с той законченной идеологией, и даже с той психологией, с какой он впоследствии в качестве диктатора мог бестрепетной рукой совершать свой эксперимент над истомленной Россией.

Однако Ленин периода «Искры» уже не был и Лениным, которого мы знали в годы доисторического марксизма. Его исходное сектантство, так неприятно поразившее меня уже при первом моем с ним знакомстве, вопреки всем ожиданиям, не только не исчезло ко времени нашей совместной работы в «Искре», а, наоборот, сделало дальнейшие шаги и предстало перед нами, его коллегами по редакции, в форме гораздо более конкретной, чем прежде, для нас как нельзя более тягостной. То, что в подпольном кружке Петербургского «Союза Борьбы», при несложности задач, подлежавших тогда разрешению, проходило сравнительно незаметным, то теперь, за редакционным столом, в обстановке с каждым днем разгоравшейся политической борьбы, становилось чрезвычайно неприятным осложнением в нашей общей работе.

А ведь надо сказать, что мы все, стоявшие наиболее близко к делу, и Мартов, и Вера Засулич, и я, мы все ценили Ленина не только за его знания, ум, работоспособность, но и за его исключительную преданность делу, всегдашнюю готовность отдаваться ему целиком, нагружая себя сверх меры самыми неблагодарными функциями и неизменно добросовестно их выполняя.

И тем не менее атмосфера общения с ним была в корне отравлена тем, что Ленин в сущности органически не переваривал мнений, отличных от его собственных. Поэтому всякое редакционное разногласие имело тенденцию превращаться в конфликт с резким ухудшением личных отношений, с открытием военных действий, с стратегическими хитростями и неистовыми усилиями дать, чего бы то ни стоило, перевес своим взглядам.

И еще менее способен был Ленин признавать рядом с его собственной организацией какую бы то ни было другую. В пределах социал-демократии, или за ее пределами, в рядах всего общественного движения, направленного против режима самодержавия, Ленин знал лишь две категории людей и явлений: свои и чужие. Свои, так или иначе входящие в сферу влияния его организации, и чужие, в эту сферу не входящие и, стало быть, уже в силу этого одного трактуемые им как враги. Между этими полярными противоположностями, между товарищем-другом и инакомыслящим-врагом для Ленина не существовало всей промежуточной гаммы общественных и индивидуально человеческих взаимоотношений, и поэтому политический тезис о возможных совместных действиях с другими партиями и группами в борьбе против общего врага, хотя им поневоле и не отрицался тогда теоретически, но практически оставался пустой фиктивной формулой, которую он не был бы в силах, даже при желании, наполнить реальным содержанием.

Но от того ли, что мы сами в большей или меньшей степени, не сознавая,

поддавались влиянию его сектантско-фанатического умонаправления, или ежедневная докучная борьба с ним по другим, казалось, более актуальным, вопросам отвлекала наше внимание, только факт тот, и это справедливости ради я должен признать, что на первых порах, вернее — до самого разрыва с ним на съезде 1903 года, мы не заметили самого, пожалуй, многозначительного этапа в развитии его общественно-мировоззрения. Мы проглядели, как во взглядах этого субъективно преданнейшего адепта учения Маркса исподволь сформировалось представление о партии и ее роли в рабочем движении, которое шло радикально вразрез со всей марксистско-общественной концепцией и противоречило всему духу международной социал-демократии.

А между тем и в своих печатных произведениях того времени, посвященных вопросам организации партии, в особенности в своем известном «Что делать?», и в своих все более учащавшихся практических сношениях с деятелями движения, Ленин систематически и планомерно, шаг за шагом строил свою организацию «профессиональных революционеров»:

Эта организация нам представлялась, — и в этом заключался наш грех, — нормальной организацией социал-демократической партии, лишь приуроченной к условиям подпольного существования в царской России. На самом же деле это уже был эмбрион того коммунистического аппарата, при помощи которого только что освобожденная от царизма Россия была связана по рукам и по ногам новой не лучшей, а может быть и худшей, чем царская, независимой от народных масс, безответственной бюрократической иерархией.

Именно в те годы «Искры» Ленин дал теоретическое обоснование для той концепции революционного движения и революции, согласно которой массы лишь выполняют послушную роль в руках группы революционеров, сознательного меньшинства, обладателя истины.

И надо сказать, что никто, как Ленин, не был в такой мере приспособлен для миссии полновластного главы подобной диктаторской группы.

Ибо никто, как он, не умел так заряжать своими планами, так импонировать своей волей, так покорять своей личностью. <...>

Плеханов по сравнению с ним куда более блистал своей даровитостью, куда был шире по образованию, куда был более значителен по уму, способному творчески преодолевать самые сложные вопросы теории. И не только Плеханов, этот основоположник русского марксизма, но и Мартов имел все основания с успехом оспаривать у Ленина его влияние на слагающуюся партию. И, пожалуй, Мартов еще больше, чем Плеханов. Ибо по направлению своих способностей, сосредоточенных на злободневных задачах политики, на нуждах движения, он был более доступен и близок людям, чем теоретичный Плеханов. Бесподобный публицист и многоопытный практик, с 18-летнего возраста окунувшийся в самую гущу борьбы, он чрезвычайно ценился Лениным, и я помню отзыв Ленина в особенности в 1901 г., когда этот несклонный к чувствительности человек говорил о Мартове с нескрываемым чувством почти восхищения. В партийно же организованной среде трудно было найти другого, более популярного деятеля. К тому же, если Ленин нередко тяготился слишком долгими разговорами даже со своими ближайшими товарищами и искал уединения, то Мартов был положительно неутомим в своем общении с людьми, всегда готовый расточительной рукой сыпать блестящие своей вдумчивой и впечатлительной мысли. Он был точно рожден стать средоточием партии, ее воистину излюбленным представителем.

И, однако, ни Плеханов, ни Мартов, ни кто-либо другой не обладали секретом излучавшегося Лениным прямо гипнотического воздействия на людей, я бы сказал — господства над ними. Плеханова — почитали, Мартова — любили, но только за Лениным беспрекословно шли, как за единственным бесспорным вождем. Ибо только Ленин представлял собою, в особенности в России, редкостное явление человека железной воли, неукротимой энергии, сливающего фанатическую веру в движение, в дело, с наименьшей верой в себя. Если когда-то французский король Людовик XIV мог говорить: государство — это я, то Ленин без излишних слов неизменно чувствовал, что партия — это он, что он — концентрированная в одном человеке воля движения. И соответственно этому действовал.

Я помню, что эта своего рода волевая избранность Ленина производила когда-то и на меня впечатление. Производила до тех пор, пока более близкое знакомство с

ним не приоткрыло мне, что за этими великими достоинствами скрываются также великие изъяны, отрицательные черты, которые, быть может, были бы уместны у какого-нибудь средневекового или азиатского завоевателя, в лучшем случае у главы старомодного заговора, но отнюдь не у современного социалиста, политика, желающего быть выразителем самостоятельного рабочего движения.

Что и говорить, Ленин был превосходный организатор, но организатор на особый лад. Он умел подбирать вокруг себя расторопных, способных, энергичных, подобно ему волевых людей, безгранично в него верящих и беспрекословно ему повинующихся, но людей без самостоятельной индивидуальности, без решимости и способности иметь свое особое мнение, отличное от мнения Ленина, и тем более способности отстаивать перед Лениным это особое мнение. Естественная и законная во всякой организованной партии дисциплина переходила здесь в полувоенную субординацию. Формировались не кадры социал-демократических деятелей массового движения, а командный состав из агентов партийного центра, диктующий сверху свою волю послушному большинству. Формировался персонал «революционного меньшинства», которому предстояло причастливой исторической конъюнктуре захватывать власть и быть во всяком случае готовым ко всякой аванюре.

Конечно, эти черты не сразу появились на свет в законченном виде и тем более не сразу, как я уже сказал, нам уяснился смысл этих черт. Но все же и тогда, в те кажущиеся теперь такими далекими годы «Искры», присутствуя при фабрикации и подготовительной тренировке Лениным такого рода «агентов», я не всегда чувствовал себя хорошо. А иногда, вместе с другими моими товарищами по редакции, я чувствовал себя и совсем уже скверно.

Это тогда, когда приходилось убеждаться, что непримиримо строгий к чужим, Ленин «своих», ему нужных «агентов», удовлетворявших его в своем качестве профессионалов, готов был отстаивать со свойственной ему настойчивостью, сознательно закрывая глаза на их личное поведение, на их моральную небезупречность.

Еще за полгода до съезда 1903 года, на котором произошел партийный раскол, отношения между Лениным, с одной стороны, и Мартовым, Верой Засулич и мной, с другой, и прежде натянутые, окончательно испортились. Случайным поводом, раскрывшим нам глаза на этот аморализм Ленина и переполнившим нашу чашу терпения, было исполненное цинизма сопротивление, оказанное им рассмотрению нашей коллегией обвинения, предъявленного пострадавшей стороной против одного из наших ближайших агентов². Для Ленина все такие обвинения, хотя бы они касались вопроса о смерти человека, были только излишней помехой на пути его политических достижений и, как таковые, их нужно было просто отмести.

Цель оправдывает средства! В своей личной жизни скромный, неприхотливый, добродетельный семьянин, добродушно ведший ежедневную, не лишенную комизма, борьбу со своей тещей — она была единственным человеком из его непосредственного окружения, дававшим ему отпор и отстаивающим свою личность, — Ленин был неукоснительным последователем этого маккиавелевского* рецепта политики. Он как нельзя более удачно сумел его сделать основой для деятельности всей той части партии, которая пошла за ним и впоследствии преобразилась из социал-демократии в коммунистическую бюрократию советской деспотии и авантюристов Коминтерна.

Именно отсюда, от этих первых уроков партийно-жизетской мудрости, преподаваемых Лениным еще четверть века назад и упавших на благодатную почву среды, воспитанной царским режимом, ведет свое начало тот отбор человеческого материала, который под ферулой Ленина собрал так много энергичных, смелых и способных людей, наградив их, однако, в придачу к этим добрым качествам и недобрым — моральной неразборчивостью, часто моральной негодностью и непозволительным авантюризмом. И в этой именно школе аморализма воспитался ныне всецветно известный тип «большевика». Он имел — в хаосе войны и ее сопровождавшего разрушения России — свой счастливый час. И он имеет теперь, в десятилетнем господстве советской власти, и своего рода моральную Немезиду, как это ни кажется парадоксальным на первый взгляд. Ибо, что может быть непригляднее зрелища бывшего революционера, так безболезненно легко, не только внешне, но и внутренне, психологически, превращающегося в самого вульгарнейшего бюрократа, в «помпадур» новой деспотии, как это в массовом масштабе происходит сейчас с птенцами из когда-то много обещавшего революционного «искровского» питомника Ленина!

Болезнь и смерть избавили Ленина от печальной участи до конца расхлебать эту кашу, заваренную им. Заваренную им не по Марксу, а именно во славу того аморализма, который представлялся ему таким практически целесообразным и который оказался в конце концов, несмотря на временные головокружительные успехи, таким непрактичным и страшным по своим последствиям.

1903 год положил конец моему личному общению с Лениным. Я разошелся с ним вместе с моими другими товарищами по редакции и в партии в то время, когда взгляды Ленина на общественное развитие России и на предстоящую ей революцию еще казались так мало чем отличающимися от взглядов, общих нам всем. Ведь специфические идеи Ленина определились лишь позже: только примерно с 1905 года датирует первый шаг в его эволюции, за которым второй и решающий относится уже к эпохе мировой войны и последующей катастрофы России.

Но уже в те стародавние времена начало разрыву положено было именно моральной атмосферой, в которой якобинско-сектантские мотивы Ленина носились еще в эмбриональном виде, но которая делала уже невозможной дальнейшую совместную работу с ним в одной организации. Эта невозможность таила в себе предчувствие растущего, но еще не сформулированного дальнейшего расхождения.

История превзошла все наши тогдашние опасения, превратив нашего аморального бывшего коллегу в рокового человека для России...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В конце 1894 года на собрании кружка петербургских марксистов Ленин прочитал реферат «Отражение марксизма в буржуазной литературе». В начале следующего года на основе этого реферата он написал работу «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», напечатанную в сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» (СПб., 1895). Сборник был запрещен цензурой.

2. Речь идет об инциденте, происшедшем в 1903 году в эмигрантских социал-демократических кругах. Биограф Потресова Б. И. Николаевский писал: «В одной из колоний политической ссылки разыгралась тяжелая драма. Затравленная личными оскорблениями, одна из ссыльных покончила жизнь самоубийством, оставив предсмертную записку, в которой отдавала на суд товарищей всю эту историю. Так как и сама самоубийца, и те, кто травил ее, были социал-демократами, то в конечном итоге дело было передано на рассмотрение редакции «Искры», которая вынуждена была заняться этим делом весной 1903 года. В числе главных обвиняемых были два очень видных работника нелегальной организации «Искры» — позднее игравших очень крупную роль в партии большевиков. В виновности их никакого сомнения не было, и поведения их никто из членов редакции защищать не собирался. Но мнения о том, как

нужно реагировать на это дело, резко разошлись.

Ленин был против какого бы то ни было осуждения виновных — тем более против организационных кар против них. Он считал, что обвиняемые являются настолько крупными и полезными для партии работниками, что потеря их явится трудно поправимым злом, а так как интересы партийной работы должны стоять выше соображений морального порядка, то редакция должна заявить, что в указанную историю, как чисто личное дело, она вмешиваться не считает нужным.

Наиболее решительным противником этой точки зрения выступил Александр Николаевич (Потресов. — *Ред.*), который настаивал не просто на осуждении виновников, но и на устранении их во всяком случае из руководящих учреждений партии. Этих виновников он знал и лично — одного из них даже сравнительно близко. Теперь он порвал с ними всякие отношения и настаивал, что так же должна поступить и партийная организация. В основном его поддержали Мартов и особенно В. И. Засулич. На сторону Ленина стал Плеханов».

*Публикация
кандидата исторических наук
Андрея ШЕМЯКИНА*

«Наше Великое Дело Близко к Полной ГИБЕЛИ»

Дневник донского атамана
А. П. Богаевского*

Ст. Джанкой. Вагон 1 ч. ночи

Впервые я увидел Слащева в середине марта здесь же на ст. Джанкой, когда ехал из Феодосии на выборы нового Гл[авнокомандующе]го. Гуляя по платформе, я заметил в прибывшей группе офицеров странную, несколько театральную даже для нашего маскарадного времени, фигуру: развевающаяся белая бурка, меховая шапочка, белый гусарский, без шнуров доломан, опушенный соболем, длинные черные брюки с золотым галуном. Ласковая улыбка на некрасивом лице, — быстрые, порывистые движения. Рост выше среднего. Познакомились, но не сказали слова друг другу. Общая суета, и поезд умчал нас в Сев[астопо]ль. Вечером на совещании²⁶ он, уже в черкеске с офиц[ерским] Георг[иевским] крестом, с вышитым узором башлычком сзади, высокий и даже изящный, твердо заявил ген. Драгомирову, что его корпус в бою и участия в выборах принять не может, да и считает их ненужными. Сам же он уезжает на фронт. И немедленно уехал. Снова встретился с ним утром 20-го апр[еля] и провел весь день до приезда в Сев[астопо]ль. За этот день у меня осталось впечатление общей неистой суеты: Слащев в своем белом доломане и ярко-красных рейтузах, с туфлей на раненой ноге, с великолепной слоновой кости палкой в руке, мечется по салону, вылетая в соседние купе, кого-то ругая, смеясь и рассказывая что-нибудь смешное про себя, что-то подписывая на ходу из доклада нач. штаба, который летал вслед за своим начальником. Всех входящих офицеров штаба он целовал, как детей своих, не разбирая чина. В штабе Слащева, видимо, очень любят: я слышал там о нем прямо восторженные отзывы: о его необычайной доброте, храбрости и военном таланте, о его заботливости к подчиненным и удивительном личном бескорыстии. Мое несколько предубежденное мнение о нем, как о сумасшедшем, человеке позы и фразы, постепенно сменялось чувством искренней симпатии к этому чудаку, который, несмотря на все свои пороки, о которых так любят теперь кричать всякие благонамеренные посредственности (кокаинист, распутник, пьяница и пр.) — сумел с горстью таких

же сумасшедших удержать Крым от вторжения красных. Дай Бог нам побольше таких безумцев и избави от тыловых мудрецов! О нем ходит масса анекдотов: большая часть не совсем удобна для передачи в дамском обществе (непечатная ругань), но все они характеризуют удивительную энергию и настойчивость. Вот один из них.

В первых числах апреля красные атаковали войска Слащева на Чонгарском 1/2 острове, сбили их и погнали. Драпнули все наши, даже 3 бронепоезда. Слащев остановил их тем, что приказал своему поезду таранить их сзади, к[оманди]ру же головного поезда, почтенному полковнику, послал сказать через своего адъютанта, что он «г...». Сконфуженный адъютант, взяв под козырек, «доложил» к[оманди]ру б[роне]поезда мнение о нем комкора, и тот немедленно помчался вперед и взял позицию прот[ивни]ка вместе с войсками, которые Слащев сумел повернуть обратно.

Как и полагается, у таких исключительных личностей не обходится без романа: среди его ординарцев я видел милovidного, раненого подпрапорщика; оказывается — дама, которая, из любви к герою, развелась со своим мужем и всюду следует за ним. Вероятно, все это кончится свадьбой*, т. к. и сам С[лащев], по видимому, равнодушен к своему хорошенькому «Никите», да к тому же и свободен: со своей женой развелся «в 27 часов» за то, что она не захотела остаться в Крыму.

Севастополь 4 мая 1920 г.

Только что вернулся с суда над Сид[орины]м и Кел[ьчевским]м, под свежим, тяжким впечатлением — чего-то ненужного, обидного и жалкого... Я не очень люблю ни того, ни другого; знаю, что они меня, вероятно, ненавидят и немало мне огорчений доставили, но мне до слез тяжело было видеть двух ближайших своих сотрудников, георгиевских кавалеров, генерал-лейтенантов — на позорной скамье посудимых... Мне вдвойне тяжело, потому, что я сам невольно способствовал тому, чтобы их посадили на эту скамью, не сумев настоять на своем требовании, чтобы ген. Врангель не предавал их суду. Я еще не знаю, чем окончится суд: скоро уже полночь, и судьи 3-й час не могут решить этого страшного вопроса.

12 ч. ночи

Решено: 4 года каторж[ных] работ с лишением чинов, мундира, орденов — обоим...**

Евпатория 11 мая

Тепло, небо в облаках, легкий ветер волнует море серо-стального цвета. На пляже масса публики. Жизнерадостные, уже успевшие загореть голенькие дети плещутся в воде, борются, роняют в песке. Тут же дамы в воздушных платьях, часто босиком, валяются на песке, лениво рассматривая купающихся казаков, которые, не обращая никакого внимания на них, без всяких костюмов, спокойно продолжают свое дело... Недалеко от них стройная брюнетка в легком купальном костюме хорошенькой маленькой ножкой пробует воду и, видимо, ничего не имеет против, что ею любуются два молодых красивых офицера. Вот она бросилась в воду, и из волн порою мелькает стройная смуглая рука и улыбающееся очеровательное личико под красным чепчиком...

Как все спокойно, мирно, беззаботно! Казалось, век бы прожил здесь, любуясь морем, небом, радостным наслаждением жизнью, вдали от крови, страданий, слез и горя!..

Евпатория 12.V.20. 1 ч. ночи

Дивная лунная ночь. Тихо, море не шелохнется...

Ялта 21.V.20. 10 утра

Три дня пробыл здесь. Как тут хорошо! Гулял, купался, был в Ливадии, Массандре, откуда едва выбрался после пробы 30 образцов прекрасного Удельного вина. В Ливадийском дворце все почти сохранилось, и грязный хам с уважением отнесся к жилищу царя...

Сохранились комнаты, мебель, вся обстановка несчастного царевича и бедных княжен, государя и царицы. Нынешние «цари» стащили мелкие вещи, пытались взять

* Это так и случилось. В начале июля они поженились. 18.VII.20.— Авт.

** Ген. Врангель смягчил это наказание: во внимание к заслугам Дон[ской] армии — только лишение мундира. — Авт.

зеркала в серебряной оправе, но их, дураков, убедили, что это только белый металл, и они оставили их; пытались выломать бронзовую решетку на лестнице, но тоже раздумали, оставив в покое даже высеребренную ванну императрицы. Необыкновенно грустное чувство охватывает душу, когда видишь этот роскошный, уютный дворец, среди очаровательной природы, где так еще недавно кипела жизнь, откуда шли нити управления могучим государством... Все прошло и миновало!

Ст. Джанкой 24.V.20.

Я стал каким-то «вечным жидом» — странствующим Атаманом. Сегодня, вместе с Главкомом, приехал в Джанкой, а через час (1 ч. ночи) еду на след[ующую] станцию, где находится штаб Донкорпуса. Дали мне вагон, в котором «товарищи» оставили на память богатую коммунистическую колонию клопов.

Да, не один раз уже почувствовал я, что живу не на Донской земле!.. Немало уже пришлось испытать крупных и мелких уколов самолюбия, совершенно ненужных, подрывающих веру и озлобляющих... Но в этом мало виновато Глав[ное] командование: стараются ослиным усердием мелкие сошки! Ну, да будет и на нашей улице приздник!..

Завтра на рассвете предполагается переход в наступление всей Крымской Армии. Корпус Слащева уже начал высадку на Азовском море; ему мешал шторм.

Донкорпус — пока в резерве.

Приказ ген. Врангеля заканчивается словами:

«Напоминаю, что от успеха предстоящей операции, возможно, зависит судьба России...»

Помоги нам, Господи!

Д. Богемка 26.V.20.

Вчерашнее наступление нашей Армии дало блестящие результаты: Слащев, несмотря на шторм, благополучно высадился и с боем продвинулся вперед; вероятно, теперь он уже перервал ж. д. к югу от Мелитополя²⁷. Сводный корпус Писарева (куб[анцы], терцы и астрах[анцы]) с танками и броневиками взяли Сальковскую позицию противника, 2 орудия, пленных и проч. Кутепов с добровольцами после упорнейшего боя взял Перекопскую позицию, сильно укрепленную, 14 орудий и др. добычу, между прочим в плен — целый советский полк. Корниловцы, марковцы и дроздовцы вновь проявили свою неизменную доблесть. Донкорпус перебрасывается на ст. Сальково, ближе к Азовскому морю. Еду с ним. Вчера сделал тактический смотр полкам 2-й дивизии ген. Калинина. Настроение бодрое. Эх, если бы лошадей добыть!

Ст. Джанкой 27.V.20.

Красные дерутся упорно. Были случаи, что их артиллерия расстреливала наши танки и броневики с 200 шагов! Недавно ген. Врангель учредил железный крест — орден св. Николая Чудотворца, соответствующий орд[ену] св. Георгия, и вчера дал его первому кавалеру — командиру танка, который с ним ворвался на красную батарею, взял ее с боя, повернул орудия против врага и успел выпустить 30 снарядов. Какой молодец!

Ген. Слащев уже перервал жел. дорогу и взял 700 пленных (всего захвачено около 4000 ч[еловек]).

У ген. Писарева «драпнули» чеченцы — кажется, вся горская дивизия. Приказано сменить их калединцам Чапчикова. Смелый и толковый офицер — в боях молодец. Надеюсь, донцы хорошо себя покажут...

11 ч. веч[ера]

Стоят ясные, уже жаркие дни. Три дня наслаждаюсь покоем: нет просителей, много свободного времени, езжу верхом, могу даже читать «Шерлока Холмса» и не беспокоиться о политике. Только что прилетел на аэроплане полк[овник] Коновалов, вернувшийся от Слащева. У него пехота уже заняла ж. д., а конница — г. Мелитополь. «Празднует победу». Оказывается, у ген. Писарева бежали гл[авным] о[бразом] астраханцы, горцев было меньше. Напали только 3 эс[кадрона] красных на рассвете; наши, конечно, прозевали. Взят в плен начдив ген. Ревинин и увезен вместе с 2-мя сыновьями, захвачено 2 батареи. Это уже скверно!

А все-таки, что даст нам это наступление? Если вернется с польского фронта конная армия Буденного — как пух полетят назад наши казачки...

А красные все же бьют тревогу. Махно вешает коммунистов на телегр[афных] столбах, поляки снова наступают; Одесса будто бы уже занята украинцами...

Джанкой 29.V.20.

В вагоне духота, мухи, отвратительно. Деваться некуда: кругом голая степь. С фронта известия хорошие. Донцы действуют хорошо. Но надолго ли? Ген. Врангель уже мечтает бросить нас вдоль Азовского моря на Дон. Идея заманчивая, но если нас отрежут, то гибель последних остатков казаков — неизбежна. Завтра поеду на фронт в с. Н[ово]-Алексеевку.

Джанкой 31.V.20.

Вчера был на фронте у ген. Абрамова. До Н[ово]-Алексеевки доехал на моторной дрезине, а дальше — на автомобиле. По дороге ужасные следы недавнего боя: трупный запах, свежие могилы, ужасный обнаженный, совершенно черный труп какого-то несчастного большевика. Везде воронки от снарядов.

Севастополь 5 июня 20 г.

Снова на неделю в Севастополь. 4 дня пробыл в Евпатории. Там очень хорошо. Любезная хозяйка гост[иницы] «Дюльбер» Вера Солом[онова] Дуван (караимка) отлично устроила меня и Тату, которую я привез больную из Симферополя. Пища — совершенно «старого режима», вкусная и обильная. Не хотелось уезжать! Море, чудное купание... Но — служба вновь зовет в пыльный Сев[астополь]. Пробуду здесь неделю и снова — на фронт. Мой корпус уже в Мелитополе. Все идет пока хорошо; не радуют только вести с польского фронта!²⁸

с. Ново-Васильевка Мелитопол[ьского] уезда 9 июня 1920 г.

В Сев[астополе] пробыл только 2 дня. На другой день по приезде получил тел[еграм]му от ген. Врангеля с просьбой выехать к Дон[скому] корпусу и авторитетом Атамана прекратить грабеж лошадей у местного населения казаками. Нечего делать — поехал, хотя в Сев[астополе] дел набралась масса. В Джанкое Главком, со свойственной ему экспансивностью, наговорил мне всяких ужасов о неистовых грабежах и насилиях донцов²⁹. Вчера приехал в Мелитополь с Гл[авным] Воен[ным] Прокурором Ронжиным и ген. Юзефовичем — ныне ген[еральным] инс[пектором] конницы. Ген. Ронжину приказано судить и вешать всех виновных, не стесняясь чином. Все мы вчера же приехали сюда. Оказалось все сильно раздутым. Кому-то нужно раздражать Гл[авнокомандующе]го против донцов. Грабежи, конечно, были. Виновные понесут наказания, но жесткие меры сейчас вредны. У казачества сейчас прямо стихийная жажда к лошади, но зато и дерутся они верхом вдвое лучше. Ну, да как-нибудь уладим...

Красные встревожены. Уже с Кубани и Дона тянут сюда свои войска. В скором времени в Мелитоп[ольском] районе будут решит[ельные] бои. Возможно, что мы и побьем их, пройдем на Дон. А дальше что? Тяжкие сомнения охватывают мою душу...

Ночью была сильная гроза. Дождь освежил воздух и прибил пыль. Так и хочется мира, покоя, нравственного плодотворного труда!

Когда же конец этому аду?

Ведь это не жизнь...

12 июня 1920 г. с. Н. Спасское

Вчера поехали с ген. Абрамовым в кол[онию] Гнаденфельд, где находится 2-я кон[ная] дивизия ген. Калинина. Захватили ее вовремя, т. к. полки уже строились для наступления. Недалеко бухала батарея 13-й див[изии] к[орпуса] Слащева. Донцы шли на помощь этой дивизии. Видел и благодарил за боевую службу 5-й Платовский и 3-й Калединский полки, 2 батареи. Все уже верхом, на самодельных седлах (подушка и веревочные стремена). Вид внушительный. Бригада — до 1.000 шашек! Пока все бои у нас удачны. Какой здесь богатый край! Немецкие колонии, молочанские села — цветущие оазисы среди прекрасной степи. Масса садов, отличные помещичьи постройки, сытый скот и лошади. Проклятый большевизм с его идиотской

коммуной не может здесь привиться. Крестьяне заявляют этим мерзавцам, что они не желают коммуни — и кончено! И те бессильны что-либо сделать. Мес[тные] жители радушно встречают наши войска.

с. Н. Спасское 13.VI.20.

Около полудня выехал с комкор[ом] Ф. Ф. Аб[рамовы]м на фронт 2-й бр[игады] 3-й дивизии к ген. Фицхеларову, который вел бой у ст. Елизаветовки. Был под обстрелом и пережил вновь уже почти забытые ощущения боя. Когда уже собирался уезжать из деревни, откуда только что был выбит противник — получил радостное донесение, что ген. Калинин, начдив 2-й, атаковал и взял в плен 2 совет[ских] полка (плен[ных] — 1000 ч[еловек] + 25 пулем[етов]). Поехал на место боя, но застал там только Ермаковский полк, отдохавший после боя. Остальные ушли преследовать врага.

Если красные так будут сдаваться, то есть надежда на возвращение на Дон!
Завтра возвращаюсь в Мелитополь.

15/VI.20.

К сожалению, ген. Врангеля в Мелитополе не нашел. Он в Сев[астопо]ле. Прождал день его возвращения и еду тоже в С[е]вастопо[ль]. Там его увижу. Главком прислал ген. Абрамову благодар[ственную] телеграмму за бой. Только что получил неприятное известие, что Жлоба с 3.000 конницы и брон[е]автомоб[илями] прорвал наше расположение и вышел в тыл Дон[скому] корпусу. Пострадал Гундор[ский] полк.

ст. Курман 17/VI.20.

Вторые сутки еду. На каждой станции паровоз отцепливают, он делает маневры, таскает какие-то вагоны, и часа через 2—3 едем дальше со скоростью 25 вер[ст] в час. Вновь приходится чувствовать, что Донской Атаман здесь только «гость», а не вождь половины всей Русской Армии. Я делаю все, чтобы не нарушить общего единения, но все же и ко мне могли бы быть любезнее. Говорят — нет паровозов, угля...

Прошло больше месяца после драмы — суда над Сидориным и Кельчевским. Вопреки их предсказаниям о развале Дон[ской] Армии — казаки дерутся отлично и, вероятно, уже и забыли о бывшем командарме. Расстались мы холодно. Встретились на улице; К[ельчевск]ий молча поклонился и отошел, С[идори]н на минуту зашел ко мне, прося содействия, чтобы скорее уехать из Сев[астопо]ля. Его высокая, сгорбившаяся фигура, в длинном, плохо сидевшем штатском сюртуке, была так жалка... Лицо серое и печальное.

«Sic transit gloria mundi!»*

На маленькой шхуне С[идори]н, К[ельчевск]ий и еще несколько верных им друзей уехали в Батуми и Константинополь.

Но они еще выплывут на политическом горизонте и, я думаю, злейшими моими врагами**... Недавно представитель В[ойскового] Круга В. А. Харламов сделал доклад членам Круга на о. Халки³⁰, в котором выставил меня как предателя Врангелю наших «героев» и всего казачества. Меня это глубоко обидело и возмутило. Как ему не стыдно говорить такую неправду — и это в благодарность за то доброе отношение, какое я всегда выказывал ему!

Написал ему по этому поводу резкое письмо. Во время моей последней поездки в Евпаторию — 4 часа провел в беседе с группой членов В[ойскового] Круга (около 50 чел.), бывших в городе. Поднимался вопрос о созыве Круга в Крыму, но по обсуждению — от этого отказались. Круг разделился на несколько частей: из 350 чел. — 130 уехали за границу, 50—60 в Евпатории, 10—20 в Грузии, остальные свыше 100 чел. неизвестно где. Собрать их оч[ень] трудно, да и незачем... Только перессорятся между собой г.г. «державные хозяева». Здешние, хотя упорно уклоняются от поступления, по моему призыву, в Армию, все же считают себя «героями», т. к. не покинули Армию и не «драгнули» в К[онстантино]п[оль], как это сделали иные-прочие. Заграничные законодатели занялись своими делишками или бедствуют и во главе с Ж. Яновым ругают меня и Правительство за то, что мало заботы о них проявляем. Доходят слухи о пьянстве и скандалах; французы будто бы собираются выселить их.

* Так проходит земная слава! (лат.)

** Это оказалось правдой — мое предчувствие: чтобы отомстить Врангелю и мне, эти господа не остановились перед прямой [клеветой]. 27.IX. — Авт.

Полночь

Стоим где-то в степи южнее Симферополя. Чудная лунная ночь. Тихо, прохладно...

Сегодня ровно 4 месяца, как Надя с детьми уехала из Н[ово]российска за границу. Как быстро время идет! Когда же опять мы все соединимся в одну семью? Соскучился я за милыми сердцу, так бы рад их видеть! Давно бы вызвал всех сюда, а как подумаешь, что с ними будет, если на фронте неудача будет? Нет, пусть еще в К[онстантинопо]ле останутся. Там безопасно.

Севастополь 20.VI.20.

Третьего дня вернулся «домой», пробыв в пути 2 1/2 суток. Сразу навалилась на меня масса дел, и я целый день как в котле.

Сегодня — день радости: наши войска, в том числе и донцы (весь корпус), жестоко разгромили конницу Жлобы, взяв массу пленных, 30 орудий, свыше 200 пулеметов³¹. Как я рад, что назначил Калинина начдив[ом] 2-й конной. Он оказался молодцом каких мало. За боевую доблесть и искусство Главком произвел его в ген[ерал]-лейтенанты.

Приехал брат Женя из Кон[стантинопо]ля. Собирается выйти в отставку. Все мои здоровы.

Как я рад победе! Жалею, что уехал с фронта.

Ст. Мекензиевы Горы 26.VI.20.

Снова в Евпаторию и через неделю на фронт. Мне опять устроили отличный вагон со всеми удобствами (это уже 3-й — за мое атаманство: 2 остались в Н[ово]российске); составили даже целый «поезд», но паровозов так мало, что приходится прицепливать весь мой «поезд» к какому-нибудь этапному поезду и ехать бесконечное время.

Был вчера у Главкома, приехавшего на 4—5 дней в Сев[астопо]ль. Очень доволен донцами, наградил все полки и батареи 2-й дивизии «Николаевскими» серебряными трубами, а полк[овника] Губкина, к[оманди]ра Ермаков[ского] полка, — крестом этого ордена. Я очень рад, что все недоразумения с грабежами лошадей кончились.

Мелитополь 10.VII.20.

11 дней пробыл в Евпатории. Купался, жил по-барски, истратил более 60 тысяч. Баста. На фронт!

с. Н. Спасское 12.VII.20.

Вчера и сегодня объехал все полки (кроме 5-го) Донкорпуса. Сильно уменьшились они после недавних боев! Почти на 1/4... Что же дальше? Сейчас с особенной яркостью встает передо мной вопрос о дальнейшей судьбе нашей отчаянной борьбы...

Польский фронт, на который возлагалось столько надежд, накануне полного краха³²: поляки почти разбиты и готовы на мир с большевиками. Другие фронты давно уже ликвидированы. И остается только последний — наш Крымский. Через 3—4 недели все 13 советских армий будут против одной нашей — в 20 т[ысяч] человек! Никогда еще не было у меня такого тяжелого настроения, как сейчас...

Передо мною лежит прокламация красных, сброшенная с аэроплана: «Ко всем честным офицерам и солдатам белой Крымской армии». С обычным самовосхвалением красные хвастают своими победами, зовут нас против Польши, указывая на пошедших к ним генералов Брусилова, Поливанова, Зайончковского, Клембовского, Парского, Валуева*, Гутора и Акимова, зовут к себе на службу, говоря, что нам нечего надеяться на победу. «Долой упрямство. Довольно бессмысленного сопротивления неизбежному!» Так заканчивается прокламация.

А что, если это правда?

Но что же делать? Просить мира, пощады у каторжников, хамов и убийц? Нет — лучше смерть!

Ген. Врангель хочет бросить Донкорпус на Таганрог и на Дон. Пройти сейчас не трудно. Там войска мало. А потом? Снова назад на Кубань и Н[ово]российск? Ведь донцы не устоят. И тогда и Дону — участь несчастного погибшего Урала?..³³

* Так в тексте. Правильно Балувев П. С. — Ред.

Симферополь 18.VII.20.

Вчера был в Джанкое у Главкома и убедил его пока Донкорпус на Дон не посылать. Предварительно послал ему об этом подробное письмо. Ген. Врангель был недоволен этим, но со мной согласился. На Таманском полуострове предполагается высадка кубанцев под начальством ген. Бабиева. Если она будет удачна — тогда можно будет пойти и нам. А сейчас рисковать последним своим кадром — офицерским составом и 3—4 тыс. лучших казаков — я не могу. В минувшем и в 1918 году осенью и зимой донцы уходили с фронта, не выдерживая тяжких условий боевой обстановки, а ведь тогда у нас было до 100.000 бойцов! Что же будет теперь, если даже удастся кое-что поднять? Никаких запасов одежды, оружия, продовольствия нет; придется устраивать госпитали, склады, налаживать вновь всю жизнь, не имея никаких источников доходов, кроме печатного станка Глав[ного] командования, который не в силах будет удовлетворить все бесчисленные нужды.

Прошли слухи, что полк[овник] Назаров взял Таганрог и Ростов и все донцы уже готовы вернуться на родные места. Подождите, голубчики! Все это еще не близко...

Где-то под Севастополем размыло путь или произошел обвал в тоннеле, и мой поезд, вероятно, надолго застрял в Симферополе. Со мной едут также Куб[анский], Тер[ский] и Астр[аханский] Атаманы на общее совещание в Севастополь: заключаем новый договор с Правителем России о взаимоотношениях с ним казачьих областей. Есть надежда, что Европа официально признает наше существование: тогда борьба наша примет характер не бунта против «законной» советской власти, а войны самостоятельного госуд[арственного] образования.

После невероятной, томительной жары идет, наконец, дождь. Тихо, свежо; на душе легкая грусть... Встают милые воспоминания о невозвратных днях покоя и мирного счастья, о далеких родных — живых и уже ушедших из жизни в вечность — родных и близких сердцу. Год тому назад 29 июня умерла от молниеносной холеры искренний друг нашей семьи — милая Мария Валериановна Семенова. Еще молодая, красивая, с прекрасной статной большой фигурой, она, видимо, привязалась к нам и бывала у нас каждый день, стараясь чем возможно помочь Наде в ее женских маленьких делах. Веселая, добрая и жизнерадостная, она всегда была у нас желанным гостем. Муж ее, некрасивый и недалекий, большой трус, сидел под ее хорошей тупелькой, но она была заботливой женой и, умнее его, вела сама все дела.

Царство небесное прекрасному человеку!..

Севастополь 25/VII.20

Неделю сижу в С[евастопо]ле. Жара нестерпимая. Беру душ два раза в день и изнываю.

Три дня мы, Атаманы 4-х каз[ачьих] войск, вместе с нашими правительствами совещались с представителями Глав[ного] командования и заключили новый договор³⁴ (в развитие договора 2 апр[еля] с. г.), который точнее определил наши взаимоотношения на почве доверия и великой общей идеи — защиты Родины.

Красные почти разгромили Польшу и скоро, вероятно, навалятся и на нас. Уже начали переправу через Днепр в 3-х местах. Европа, кажется, все-таки хочет принудить нас к миру.

Послал в Кон[стантинополь] за Надей. Соскучился за милой и рад буду ее видеть... Только вовремя ли будет ее приезд?

30/VII.20

Темная звездная ночь. Тихо. Смотрю с балкона на яркие звезды на бархатном небе и думаю, как бесконечно ничтожны все наши земные волнения, страдания, горе и радости! Были великие, могущественные государства — и бесследно исчезли в пучине веков, были славные подвиги; герои с бессмертными именами и

«Что ж осталось от сильных, гордых сих мужей?

Столь полных волею страстей?

Их поколение миновалось,

И с них исчез кровавый след,

Усилий, бедствий и побед...»

(Пушкин. «Полтава»)

Так пройдут и забудутся и наши страдания, горе и радости...

«Река времен в своем теченье
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей...»³⁵*

(Державин)

Шесть лет войны беспримерной в истории, жестокой и бессмысленной; шесть лет льется кровь — и ради чего в конце концов? Ради благополучия кучки подлых убийц, зловонных хамов, жидов, каторжников, которые гонят перед собой стадо баранов — всю Россию.

Может ли быть что позорнее, гаже? 150 миллионов русских болванов не в силах справиться с этой сворой негодяев во главе с подлецами Лениным и Троцким. Даже гордая Англия терпеливо сносит плевки и пощечины этих хамов и с любезной улыбочкой просит их не волноваться... Как все это ничтожно и подло!

9.VIII.20

Уже неделя, как приехала Надя. Молодая и цветущая, как всегда такая же экспансивная и живая... Никто не дает ей ее лет; Тата кажется ее младшей сестрой! Часто думаем теперь, как устроить жизнь нашу. Все так неопределенно.

На Тамани удачная высадка. Екатеринодар и Н[ово]российск близки к падению. Но на Дон — еще рано!³⁶

Евпатория 30.VIII.20

Приехал сюда вместе с Надей и правительством 27 авг[уста]. Почти месяц ничего не записывал; приезд Нади и Таты, работа с правительством, посетители и т. д. — все это не располагало к тому, чтобы обернуться на прошлое и подумать о будущем...

Опять в «Дюльбере». Тот же № 23 в моем распоряжении, да еще два №№. Прекрасная теплая, тихая погода, но уже чувствуется холодное дыхание осени. На пляже еще есть купающиеся, но уже немного, нет оживления, все затихает. Еще 2—3 недели, и Евпатория снова превратится в скучный, голодный и холодный провинциальный городок.

Немало прошло событий за эти 3—4 недели. Важнейшие из них:

- 1) Признание нашего фактического существования Францией³⁷.
- 2) Неудачный десант на Кубани**
- 3) Красные прорвались у Каховки, заняли ее и пытались перерезать ж. д. Мелитополь—Севастополь, но отбиты³⁸.
- 4) Поляки, на краю гибели, проявили необычайный подъем духа и патриотизма и разбили красных, даже конницу Буденного. Много казаков из Красной Армии перешло к полякам и теперь перевозятся в Крым³⁹.
- 5) Я слегка поссорился с Кругом, но теперь все уладилось, и мы помирились. Члены Круга обиделись на меня за некоторые горькие истины, о которых я написал в письме к заграничным членам Круга⁴⁰.

А жизнь — не ждет. В открытую балконную дверь, в ночной свежести, с пляжа несет веселый женский смех, прерываемый песней грудным приятным голосом; в нем слышится радость жизни, м[ожет] б[ыть], любовь... Какое дело ей, той, что поет, и тому, кто вызывает ее радостный смех, — до крови, смерти, политики, Ллойд Джорджа и т. д.

Севастополь 15 сент[ября] 1920 г.

Вчера вечером вернулся с фронта, куда поехал из Евпатории, оставив Надю с Татой и Кокушкой в Симферополе.

На поездку потратил 5 суток, а на фронте пробыл только 1 день. Штакордон*** — в г. Орехове. Весь корпус двинут на Волноваху и Мариуполь, и я успел повидать только 2-ю и 3-ю дивизии; 1-я ушла слишком далеко. Настроение духа в войсках прекрасное, но одеты плохо.

* Правильно — стремление. — *Ред.*

** См. примечание 36. — *Ред.*

*** Штакордон (сокр.) — штаб Донского корпуса. — *Ред.*

В 3-й дивизии полки распухли до 1000 чел. Казаков там около $\frac{1}{3}$; остальные пленные красноармейцы.

Дерутся они очень хорошо.

На фронте дела идут отлично. Линия фронта уже далеко впереди. Александровск в наших руках, на Украине восстания все больше разгораются; мы действуем уже в связи с повстанцами. Назаров вернулся один, оторвавшись от своего отряда в бою у Константиновской станицы. После ряда опасных приключений он добрался сюда через фронт. На Дону все задушено жестокой слежкой. Все боятся друг друга и ждут нас с нетерпением. В Сальском округе небольшое восстание: повстанцы прислали мне письмо — зовут к себе.

Севастополь 27/IX.20*
10.X.

Сегодня Надя уехала в Константинополь на американском миноносце «213». Ее взял с собой адмирал МаКолли, очень милый человек. Старый холостяк, удивительный добряк, очень любит детей, постоянно с приютами, на свои средства воспитывает 6 девочек. Надя собиралась уехать уже в понедельник, но погода вдруг так испортилась, что корабли опасались выходить в море. Зато сегодня — чудная погода, и Надя не боялась даже на катере доехать до миноносца.

Счастливым путь, родная!

Пусто и неуютно, непривычно тихо стало в моих убогих номерах... Когда же закончится это проклятое время? Когда возможно будет снова жить семьей, а не этой надоевшей кочевой жизнью...

Сегодня — ровно 18 лет, как мы женаты! Тихо и мирно прожили мы их. Я нашел в Наде верного, любящего друга, прекрасную жену и мать моих детей. Храни ее Господь еще на многие годы!

Через 2 дня снова еду на фронт. У Донкорпуса — хорошо, но со стороны Каховки — снова угроза Перекопу. Решено ее ликвидировать атакой с правого берега Днепра. Главком уехал на фронт лично руководить этой операцией.

18 сент[ября] серьезно ранен в грудь А. М. Жеребков в конной атаке. Выживет ли? У него слабая грудь.

ст. Полугород (около Б. Токмака) 2/15.X.20*

Вчера в Мелитополе видел Главкома, обедал у него. Была баронесса и м.-м Шатилова. У Врангеля — семейное торжество — 12 лет свадьбы.

На фронте упорные бои по всему Днепру. Милые поляки заключили перемирие с красными, а скоро, вероятно, и мир⁴¹. И тогда — только одни мы останемся непримиримыми врагами красных... Все обрушится на нас!

Третьего дня убит уст. Апостолово ген. Бабиев. Вечная память храбрцу каких мало! Донцы дерутся по-прежнему отлично. Сейчас прошло мимо станции огромное стадо пленных. Оборванные, голодные, жалкие — они уныло бредут, ежась от холода и кутаясь в жалкие лохмотья, молчаливые, мрачные... И ведь это — наши же Русские люди, наши братья славяне...

Да будут во веки прокляты все эти мерзавцы Ленины, Троцкие, которые вот уже 3-й год не дают мира родной земле нашей! Я не злой человек, но с радостью исполнил [бы] над ними самую лютую казнь, какую только возможно было бы выдумать⁴²...

На этом записи в дневнике обрываются.

В дневнике между датами 11 и 12 мая 1920 г. имеется отдельный лист с перечнем наиболее важных событий за каждый месяц с марта по октябрь 1920 г. с пометкой автора на полях:

«Это я отмечал события через месяц:

Ек[атеринодар]р 1 марта 1920 г.

Снег, грязь, пасмурно. Красные в 60 вер[стах] от Ек[атеринода]ра. Собираемся за р. Кубань. Что дальше?

Севастополь 1 апреля 1920 г.

Пали Ек[атеринода]р, Н[ово]российск. Громадная добыча досталась красным. Бесславное отступление до Черного моря. Крым — последний оплот. Еще держимся и надеемся. Намеки на мир.

Севастоп[оль] 1 мая 1920 г.

Армия почти приведена в порядок. Через 2 недели переходим в наступ[ление]. Разговоры о мире кончились ничем. Ген. Врангель отставил от должностей ген. Сидорина и Кельчевского и предал их суду.

Джанкой 1 июня 1920 г.

29 мая вся Русская Армия перешла в наступление. Красная XIII армия разбита. Мы быстро двигаемся вперед.

1 июля

Успех необыкновенный. В общем взято до 25000 плен[ных], 100 орудий и 500 пулем[етов]. Мы твердо стали в Сев[ерной] Таврии. Донцы дерутся героями...

1 авг[уста]

На Таман[ском] 1/2 остр[ове] удачная высадка. Наступление на Кубань идет хорошо. В Сев[ерной] Таврии — упорные бои. Осада Варшавы.

Евпатория 1 сент[ября]

На фронте отлично. Поляки разбили большевиков. Десант на Кубани — вернулся — неудача, хотя увеличился в 2 раза. Донцы доходят к Мариуполю.

Мелитополь 1 окт[ября]

Донцы воюют выше всякой похвалы. Занимали Мариуполь, Волноваху. Снова идут туда 1-й и 2-й к[орпуса] частью уже за Днепром, где ведут упорный бой. Поляки заключили перемирие с бол[ьшевика]ми. К 25 сент[ября] (1/2 года борьбы в Крыму) взято свыше 70000 ч[еловек] в плен, 250 ор[удий], 17 бронепоезд[ов] и т. д.»

ПРИМЕЧАНИЯ

26. В воспоминаниях Я. А. Слащова-Крымского это событие описывается следующим образом:

«21 марта вечером из Джанкоя прибыл в Севастополь.

Впечатление безотрадное.

Генерал Драгомиров не знает, что ему делать, и за всеми ответами обещает обращаться к генералу Деникину. Добровольческий корпус во главе с генералом Кутеповым и Витковским провозглашает «ура» генералу Деникину.

Мне пришлось встать и спросить: «Чему мы служим — делу или лицам?»

И повторить: «Я выборного начала не признаю».

На это генерал Драгомиров спросил меня:

«Что же вы не исполняете приказа главнокомандующего? Это не выборы, а Военный совет, который только укажет главному желательную фамилию кандидата».

Я на это ответил: «Приказ главнокома исполнил и прибыл сюда. Законы не изменены, и Военный совет составляется из старшего начальника (Деникина), который его собирает (и сам должен председательствовать), и

непосредственно подчиненных ему начальников, а я тут вижу — до командиров полков включительно. Крымский корпус за то, что он обороняет Крым, выставляет три человека. Донской — шесть, а Добровольческий — тридцать».

Меня поддержали сначала генерал Сидорин, а потом Улагай и Боровский.

Генерал Драгомиров возразил, что он попросит генерала Деникина приравнять крымских представителей к остальным.

На это я ответил, что сказал все, что мог, в выборах Крымский корпус участвовать не будет, у меня на фронте бой, и я, исполнив приказ, дольше оставаться не могу. Уехал и к рассвету 22 марта был в бою» (Я. А. Слащов-Крымский. Белый Крым 1920 г. М., 1990. С. 146).

27. В воспоминаниях Я. А. Слащова-Крымского сказано: «25 мая я с потерей одного человека и двух лошадей высадился у Кирилловки со всем корпусом и, двинувшись в тыл противника, занял Мелитополь (Я. А. Слащов-Крымский. Указ. соч. С. 151).

28. 26 мая — 17 июня 1920 г. развернулась успешная Киевская операция — наступление

советских войск Юго-Западного фронта, 12 июня был освобожден г. Киев.

29. В дневнике одного очевидца (8 июня 1920 г.) встреча А. П. Богаевского с П. Н. Врангелем описана следующим образом:

«Утром главнокомандующий принимал военного-морского прокурора Ронжина и громко возмущался грабежами казаков. Главнокомандующий требовал беспощадной расправы над всеми начальниками частей, не сумевшими справиться с грабителями. О полк. Н. и, кажется, о Г. было сказано:

—Повесьте их там...

Через час был прием донского атамана. К этому времени на перроне появилась как раз группа крестьян с жалобами на донцов. Все на почве самовольных «реквизиций» коней. Разыгрывается целая трагедия. Обезлошаденные после Новороссийска донцы считают своей первой задачей в новом походе добыть себе коня. Главнокомандующий через хорунжего П. предложил крестьянам обратиться непосредственно к атаману. Аджытант атамана есаул Ж. долго и угрюмо читал их прошения» (А. А. Валентинов. Крымская эпопея// Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. Деникин. Юденич. Врангель. М., 1991. С. 343, 344).

30. Очевидно, речь идет о заседании Войскового круга в г. Халкисе на острове Эвбея (Греция).

31. Потери корпуса Жлобы у А. П. Богаевского несколько преувеличены. По сводке боевого и численного состава фронтов действующей армии, в период с 15 мая по 15 июня 1920 г. 1-й конный корпус Жлобы насчитывал 4208 сабель, всего личного состава 11515, 24 орудия, 125 пулеметов. По данным сводки на 1—15 июля 1920 г., т. е. после разгрома, в корпусе было 2791 боец пехоты, 2184 бойца кавалерии, 8 орудий (Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922). М., 1978. Т. IV. С. 154, 173).

Я. А. Слащов-Крымский так описал это событие:

«...Вместо того, чтобы стремительно идти на Мелитополь, где стоял и поезд Врангеля, и там прервать всякую связь между разбросанными частями белых, он (Жлоба. — *Ред.*) остановился (видимо, дал дневку); потом стал двигаться крайне медленно и при первом нажиме со стороны донцов, которые были двинуты под командой генерала Калинина в количестве двух дивизий, повернул к ним. Охранением он пренебрегал совершенно, что привело к неожиданному для него и белых подходу дивизии Морозова (бывшего в Крыму) ему в тыл (с востока).

От Мелитополя его потеснила Дроздовская дивизия, которая благодаря его медлительности успела прибыть; с юга теснил Калинин, с востока прошел Морозов. Тогда Жлоба бросился к северу и наткнулся на

высокие насыпи Токмакской железной дороги с 4 бронепоездами и частями 13-й пех. дивизии. Только около 1000 сабель со Жлобой вернулись к красным. Донцы получили около 5000 коней с седлами — длинные колонны пленных потянулись на Мелитополь. 34-я дивизия ликвидировала попытки красных помочь своему конному корпусу.

Так закончилась эта блестяще задуманная и плохо выполненная операция красных, которая при успехе и настойчивости могла привести к полному разгрому Врангеля. Во всяком случае, Ставку эта операция напугала до полной растерянности. По примеру прежних боев управления не было никакого: части шли сами по себе, разыскивая Жлобу; неспособность последнего и энергия Калинина и Морозова привели к гибели почти всего корпуса». (Я. А. Слащов-Крымский. Указ. соч. С. 101, 102).

32. 23 июля 1920 г. начала успешно развиваться операция Красной Армии по наступлению на Варшаву.

33. В результате Уральско-Гурьевской операции частей Красной Армии со 2 ноября 1919 г. по 10 января 1920 г. была ликвидирована белоказачья Уральская армия и на территории Уральской области установлена Советская власть.

34. Сведений о договорах от апреля и июля 1920 г. не обнаружено.

35. Последнее стихотворение Г. Р. Державина (без названия) (Антология русской поэзии. М., 1989. Т. 1. С. 154).

36. Речь идет о морском десанте врангелевских войск 14 августа 1920 г. под общим командованием генерал-лейтенанта С. Г. Улагая, высаженным из Крыма на побережье Азовского и Черного морей с целью захвата Кубани, а затем всего Северного Кавказа и создания нового фронта против Красной Армии. Частями Красной Армии десант был разгромлен и 7 сентября остатки его эвакуировались обратно в Крым.

37. 10 августа 1920 г. правительство Юга России было признано Францией *de facto*.

38. 20 августа 1920 г. советские войска перешли в контрнаступление с Каховского плацдарма и 26 августа вышли на подступы к Мелитополю, однако в результате ударов белогвардейских дивизий 28 августа вынуждены были отойти на Каховский плацдарм.

39. Имеется в виду начавшееся успешное контрнаступление польских войск под Варшавой и Львовом с 14 по 25 августа 1920 г., которое привело к поражению и отступлению частей Красной Армии, в т. ч. и I Конной армии.

40. Некоторое представление о ссоре Донского атамана А. П. Богаевского с Кругом дают воспоминания Г. Раковского:

«Последние попытки делают и представители казачества, чтобы осмыслить свое

пребывание в Крыму, вдохнуть жизнь в свои вырождавшиеся, окончательно зачахшие государственные органы.

Еще раньше, когда Врангель двинулся было на север и казаки подходили к Дону, члены Донского войскового круга, находившиеся в Евпатории, пытаются напомнить о своем существовании и проявить политическую активность. Евпаторийская группа быстро пополнялась теми депутатами, которые приезжали с острова Халки, из Константинополя. Донские парламентарии спешили в Крым, ибо в Евпатории их считали дезертирами, и даже поднимался вопрос о лишении беженцев депутатских полномочий.

Члены Круга были настроены весьма оппозиционно к атаману и правительству в отношении их хозяйственной деятельности, устройства и защиты интересов беженцев в Крыму и за границей, а также в отношении общего политического курса, в смысле недостаточного выявления казачьего лица. Депутаты считали, что казаки в Крыму имеют достаточно крупный удельный вес, а потому нельзя оправдать слишком больших уступок главному командованию, уступок, не вызывавшихся обстановкой и необходимостью.

Недовольство соглашательской политикой атамана и правительства вылилось в форму резкого конфликта между евпаторийской группой членов Круга и генералом Богаевским. Отношения обострились до таких пределов, что депутаты на своем совещании даже вынесли атаману вотум недоверия и предъявили Богаевскому ряд требований, в том числе о немедленном созыве Круга, о реорганизации правительства и т. д.

Атаман считал совершенным незаконными действия этой группы и ее выступления недопустимым вмешательством в сферу его компетенции и атаманских прерогатив.

Тогда группа обратилась непосредственно к Врангелю, как бы с жалобой на атамана, прося его со своей стороны дать разрешение и оказать содействие к созыву Круга. Частным образом со стороны этой группы были даже предприняты более решительные шаги, вплоть до предложения атаману уйти в отставку. Врангель принципиально не встретил со своей стороны препятствий к созыву Донского круга, но окончательный ответ обещал дать после беседы с атаманом. Со своей стороны он поставил лишь одно условие: чтобы деятельность Донского круга выражалась исключительно в разрешении вопросов чисто донских, казачьих, и не касалась бы общей политики и фронта, и чтобы заседания Круга были закрытыми.

Что же касается атамана, то, ознакомившись с желаниями евпаторийского совещания, он категорически заявил, что своей булавой никому не сдаст и отчет даст только Войсковому кругу на Дону. Здесь же, в Крыму, принимая во внимание обстановку, он не

находит возможным слагать полномочия. На предложение евпаторийской группы приехать в Евпаторию и дать отчет он ответил отказом, потребовав представления ему в письменной форме постановлений, касающихся возникшего конфликта.

В этом ему было отказано. Члены совещания постановили, чтобы атаман приехал в Евпаторию для личного обмена мнениями и разрешения конфликта.

Атаман поехал. В результате после переговоров и обмена мнениями произошло примирение. Решено было немедленно созвать Донской войсковой круг и реконструировать правительство.

Этим дело не кончилось. Каждая из сторон, видимо, почувствовала, в какой грязной тине сплетен и интриг она барахтается. Все начали испытывать глубокий стыд перед войском. Каждая из сторон признала свои действия не только неправильными, но и компрометирующими, тем более что у всех перед глазами были факты того разложения, которое наблюдалось среди кубанцев, и злорадство врагов идеи народного правительства вообще и казачьего в особенности.

Решено было применить радикальные меры, чтобы уничтожить всякие следы этой грязи.

—Сжечь все документы по поводу конфликта, — таково было постановление совещания.

Документы были сожжены» (Г. Раковский. Конец белых // Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. С. 429, 430).

41. 12 октября 1920 г. в Риге были заключены предварительные условия советско-польского договора, а 18 октября 1920 г. прекращены военные действия. После 5-месячных переговоров 18 марта 1921 г. был подписан Рижский мирный договор между РСФСР и УССР с одной стороны и Польшей — с другой.

42. Последние записи дневника дополняют воспоминания Г. Раковского, описанные со слов А. П. Богаевского:

«...Красные с каждым днем начинают проявлять все большую и большую активность. Пользуясь тем, что фронт состоял из отдельных групп войск, между которыми было свободное пространство, большевики, подобно своим противникам, разгуливают по тылам и прорываются чуть ли не до Перекопа. Предприимчивость их доходит до таких размеров, что в начале октября они едва не захватили в плен донского атамана с его штабом. Этот эпизод настолько характерен, что я на нем остановлюсь несколько подробнее.

Войска в это время, как рассказывал мне Богаевский, были впереди Орехова около Гуляй-Поля и делали набег на Волноваху. Пользуясь тем, что сплошной линии фронта не было, одна из красных дивизий, состояв-

шная из кубанских казаков, проникла от Мариуполя на запад и прошла к востоку от Мелитополя, стремясь, по-видимому, к тому, чтобы сделать набег на главный центр северной Таврии. Шли красные ночью, совершая большие переходы, днем же располагались в немецких колониях, выставляя охранение. Никто не показывался из домов на улицы до темноты. Разведка, ввиду малочисленности крымской конницы и отсутствия телеграфной и телефонной связи, была поставлена плохо. Поэтому и не представлялось возможным открыть, где эта конница. Не могли ее открыть и летчики, так как красные днем прятались в селах.

1/14 октября Богаевский был в Мелитополе в гостях у Врангеля, который праздновал годовщину своей свадьбы. Все было спокойно. Атаман предполагал доехать до Токмака и затем отправиться к командиру Донского корпуса на праздник лейб-казацкого гвардейского полка. Из Мелитополя он послал в полк записку с мотоциклистом, где сообщал, что будет у лейб-казак 14/27 октября. Мотоциклист с этой запиской попал в плен к красным, делавшим набег, и этим в значительной мере объясняются последующие события. Двигаясь на Мелитополь, красные круто повернули к северу на Токмак, по дороге захватили обоз лейб-казацкого полка с запасами вина и водки, которые везлись на праздник. Один из офицеров, находившихся в обозе, убежал от большевиков, проскакал 30 верст и по телефону предупредил Токмак об опасности. Атаман, однако, этой телефонограммы вовремя не получил.

2/15 октября он прибыл в Токмак, откуда решил проехать к генералу Абрамову в штаб Донского корпуса. Из штаба сообщили, что дорога безопасна от бродивших в тылу разбродивших красных. Богаевский решил, однако, переждать до утра.

На станции, расположенной в стороне от Большого Токмака, в открытом поле, все было спокойно.

— Около 6 часов утра, — рассказывал мне Богаевский, — я вдруг услышал выстрелы ружейные и пулеметные и взрыв бомб. Я сейчас же оделся, разбудил своих адъютантов и, не зажигая огня, приказал своим 20 конвоям выйти из вагонов.

Вышли. Стрельба становилась все чаще и чаще. В темноте не видно было, кто наступает, но ясно было, что силы у противника значительные. В это время к атаману подошел офицер, командир охранной роты марковцев.

— Что прикажете делать? — спросил он.

— Занимайте позицию около станции, — приказал Богаевский, — и, пользуясь темнотой, отбивайтесь.

— Я решил, однако, — передает атаман, — что защищаться в поезде, конечно,

невозможно, а потому приказал положить вещи на автомобили и отойти к селению Токмак. Чтобы не было шума, автомобили катили на руках, а я пешком шел к деревне. Стрельба разгоралась все больше и больше. На площади в деревне я встретил группу казаков, которая была собрана из отставших одиночек и под командой ген. Герасимова должна была отбиваться от красных.

— Я вошел в дом Герасимова, чтобы посмотреть на карту и прочесть только что поданную мне телефонограмму. Зажгли свечу. Вдруг вокруг дома раздались неистовая стрельба и крики «ура». Свечу я потушил. В темноте началась страшная суматоха. Выскакиваем на двор. Возле самого дома кричат «ура». Всюду стрельба, впрочем безрезультатная. В темноте я сел на автомобиль, в другом помещении те, кто был со мной. Не зажигая огня, мы двинулись по улице.

— Проехали саженей 200 и вкатились на мост. Автомобиль с разгону занесло и ударило о перила. Кто-то из лежавших впереди своим туловищем разбил стекло, которое порезало голову шоферу. В это время раздались страшные крики. На правой подножке, как оказалось, стоял калмыцкий генерал Бузин и мой вестовой казак Исаев. Автомобиль им обоим переломил ноги. Я вылетел из автомобиля. За мной высочили два адъютанта — есаул Воинов и войсковой старшина Филимонов.

— В этот момент на нас налетели красные кубанцы и начали рубить, кого попало. Ожесточенная стрельба, страшные крики, стоны, вопли... Все сопровождавшие меня бросились спасаться. Я оказался один с двумя офицерами, и мы свернули на боковую тропинку. Красные казаки помчались дальше на Орехов. Положение наше было отчаянное: на дворе темно, всюду красные, кроме револьверов у нас ничего нет. Начали пробираться на запад. В пути к нам присоединился один из конвойцев, затем еще 3—4 казака. Образовалась группа человек в девять. Мы вышли в открытое поле. Я оглянулся на станцию и увидел, как к небу взлетают вагоны со снарядами. Так прошли мы около 10 верст. На рассвете попали в соседнее селение, где был лазарет одной из наших дивизий. Отсюда переехали в отряд летчиков. Я обрисовал им общую обстановку, и летчики бросились преследовать красных, которых, как выяснилось, было до 4 тысяч человек.

Приключения донского атамана на этом закончились. Богаевский побывал в воинских частях и благополучно возвратился в Севастополь. Это была его последняя поездка на фронт» (Г. Раковский. Конец белых // Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. С. 426—428).

Указатель имен

Абрамов Ф. Ф. (1870—1963), генерал-лейтенант, в Вооруженных силах Юга России начальник 1-й Донской казачьей дивизии. В Русской армии Врангеля командовал 2-й армией, с марта 1920 г. командир Донского корпуса.

Агеев П. М., социалист, министр земледелия в правительстве Юга России.

Акимов М. В. (1867—?), генерал-майор (1916), в 1918 г. добровольно перешел на службу в Красную Армию, в 1920 г. член Особого совещания при главкоме всеми Вооруженными силами республики.

Александр Михайлович великий князь (1866—1933), в 1902—1905 гг. — главноуправляющий торговым мореплаванием и портами. С 1904 г. председатель Особого комитета по усилению военного флота на добровольные пожертвования, а затем возглавил отдел воздушного флота при этом Комитете. Способствовал развитию в России военной авиации, в частности учреждению первой в России военной авиационной школы на р. Кача (Крым). Вице-адмирал (1909). В 1914 г. заведующий организацией авиационного дела в армиях, с декабря 1916 г. генерал-инспектор военного воздушного флота. Уволен от службы 22 марта 1917 г. Эмигрант.

Бабиев Н. Г., генерал, командир конного корпуса, затем конной группы (1-я Кубанская конная дивизия и Терско-Астраханская бригада).

Балуев П. С. (1857—?), генерал от инфантерии, в 1916 г. главнокомандующий армиями Западного фронта, в 1918 г. перешел на службу в Красную Армию, в 1920 г. член Особого совещания при главкоме всеми Вооруженными силами республики.

Бобриков, генерал, начальник Управления коннозаводства.

Богаевская Н. В. (урожд. Перрет), жена А. П. Богаевского, погибла во время второй мировой войны при бомбардировке Белграда немцами.

Богаевский А. П., подробную биографическую справку см. в предисловии к публикации.

Богаевский Б. А., 19.IX.1908 года рождения, инженер-химик, сын А. П. Богаевского; по данным на 60-е годы, проживал в Париже.

Богаевский Е. А., 23.VI.1905 года рождения, сын А. П. Богаевского, после окончания Сен-Сирского военного училища во Франции, по данным на 60-е годы, служил в Югославской армии.

Богаевский М. П. (1881—1918), один из руководителей контрреволюционного казачества на Дону. Был товарищем атамана Войска Донского (генерала Каледина), входил в состав «Донского правительства». В апреле 1918 г. осужден и расстрелян за активную контрреволюционную деятельность.

Борис — см. Богаевский Б. А.

Боровский А. А. (1875—?), генерал-майор, в 1918—1919 гг. командир Крымско-Азовского корпуса.

Брусиллов А. А. (1853—1926), генерал, Верховный Главнокомандующий до июля 1917 г., в 1920 г. поступил на службу в Красную Армию.

Буденный С. М. (1883—1973), советский военачальник, в ноябре 1919 г. — октябре 1923 г. командующий 1-й Конной армией.

Букретов, генерал, с ноября 1919 г. атаман Кубанского казачьего войска.

Вдовенко Г. А., генерал-майор, с февраля 1919 г. атаман Терского казачьего войска.

Вильсон Вудро (1856—1924), американский государственный деятель. В 1913—1921 гг. президент США.

Врангель П. Н. (1878—1928), барон, генерал-лейтенант, в августе 1918 г. вступил в Добровольческую армию, командовал конной дивизией и конным корпусом, с января 1919 г. Кавказской, затем Добровольческой армией, с 4 апреля 1920 г. преемник Деникина на посту главкома Вооруженных сил Юга России, с 11 мая главком Русской армии. После поражения в Северной Таврии и Крыму 14 ноября со значительной частью армии бежал за границу.

Губкин, полковник, командир Ермаковского полка Донского казачьего корпуса.

Гутор А. Е., бывший генерал-лейтенант, главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта, после Октября перешел на сторону революции.

Деникин А. И. (1872—1947), в 1918—1920 гг. главнокомандующий Вооруженными силами Юга России.

Денисов С. В., генерал, командующий Донской армией с 18 февраля 1918 г. по 15 февраля 1919 г.

Долгопятов, генерал, командир 18-го полка Донского корпуса.

Драгомиров А. М. (1868—1956), генерал, помощник главнокомандующего Добровольческой армией и председатель Особого совещания при Деникине; командующий группой войск в районе Киева, главноначальствующий Киевской области.

Дубяго Г. А. (1884—1954), начальник штаба Крымского корпуса генерала Я. А. Слащова, с апреля 1920 г. командир бригады.

Дюшайт, граф, редактор газеты «Донской Вестник», по другим данным «Сполох», вместе с генералами В. И. Сидориным и А. К. Кельчевским был арестован и привлечен к суду за соучастие группе казачьих автономистов, выступающих за отделение от России.

Евгений — см. Богаевский Е. А.

Жеребков А. М., адъютант А. П. Богаевского.

Жлоба Д. П. (1887—1938), с ноября 1917 г. по январь 1920 г. возглавлял части и соединения Красной Армии, партизанские формирования, в феврале—июле 1920 г. командир I Конного корпуса.

Зайончковский А. М. (1862—1926), русский и советский военный историк, генерал от инфантерии, с января 1919 г. в Красной Армии, с августа 1919 по март 1920 г. начальник штаба 13-й армии, автор работ по истории Крымской и первой мировой войн.

Зеелер В. Ф., в 1920 г. кадет, министр внутренних дел в правительстве Юга России.

Истомин В. И. (1809—1855), контр-адмирал, герой Севастопольской обороны 1854—1855 гг.

Калинин, генерал-лейтенант, командир 2-й конной дивизии Донского корпуса.

Кельчевский (Келчевский) А. К. (1869—1923), с февраля 1919 г. по март 1920 г. начальник штаба Донской армии.

Кислов, совместно с генералами Сидориным и Кельчевским был отстранен от должности.

Клембовский В. Н. (1860—1921), русский военный деятель, генерал от инфантерии (1915); в первую мировую войну командовал дивизией, корпусом, в 1917 году помощник начальника штаба Верховного главнокомандующего, затем главнокомандующий Северным фронтом. Участвовал в работе Военно-исторической комиссии по изучению опыта первой мировой войны, в 1920 году член Особого совещания при главкоме под председательством Брусилова.

Колчак А. В. (1874—1920), адмирал, в 1919—1920 гг. один из главных руководителей российской контрреволюции в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке. По постановлению Иркутского ВРК был расстрелян 7 февраля 1920 г.

Корнилов В. А. (1806—1854), вице-адмирал, один из руководителей Севастопольской обороны 1854—1855 гг.

Краснов П. Н. (1869—1947), генерал-лейтенант, в мае 1918 —феврале 1919 г. атаман Донского казачества, затем белоэмигрант.

Кутепов А. П. (1882—1930), генерал-лейтенант, в ноябре—декабре 1919 г. командующий Добровольческой армией. В Вооруженных силах Юга России командир 1-го (Добровольческого) армейского корпуса, в августе—ноябре 1920 г. командующий 1-й армией.

Ллойд Джордж, Дэвид (1863—1945), английский государственный деятель и дипломат, лидер партии либералов. В 1916—1922 гг. премьер-министр Великобритании.

Май-Маевский В. З. (1867—1920), генерал-лейтенант, в мае—ноябре 1919 г. командующий Добровольческой армией.

Махно Н. И. (1889—1934), один из главарей мелкобуржуазной контрреволюции на Украине. В 1918 году создал вооруженный анархистский отряд. Начал партизанскую борьбу с австро-германскими оккупантами и гетманскими властями. В 1919—1920 гг. воевал против белогвардейцев (в основном с корпусами Я. А. Слащова и А. Г. Шкуро), а также против Красной Армии.

Мельников Н. М., глава т. н. русского правительства Юга России.

Морозов Н. А. (1862—?), генерал-майор, в Вооруженных силах Юга России командир Особой кавалерийской бригады, затем кавалерийской дивизии.

Надя — см. Богаевская Н. В.

Назаров, полковник Донского казачьего войска, руководитель десантной операции через Таганрог на Дон. После частных успехов десантный отряд был разгромлен подошедшими частями Красной Армии у станицы Константиновской. Из всего десанта в Крым вернулся один Назаров.

Нахимов П. С. (1802—1855), вице-адмирал, один из руководителей Севастопольской обороны 1854—1855 гг.

«Никита» — см. Слащова Н. Н.

Николай I (Николай Павлович Романов) (1795—1855), император всероссийский (1825—1855).

Парский Д. П. (1866—1921), русский и советский военный деятель, генерал-лейтенант, во время первой мировой войны командовал бригадой, дивизией, корпусом, 12-й и 13-й армиями. В феврале 1918 г. добровольно вступил в Красную Армию.

Писарев П. К., генерал-лейтенант, в Русской армии Врангеля командир 3-го армейского корпуса, соединенного с 1-м армейским корпусом в составе 1-й армии под командованием Кутепова.

Покровский В. Л. (1889—1923), генерал-лейтенант, с января 1919 г. командовал 1-м конным корпусом, с февраля — 1-м кубанским конным корпусом. С декабря 1919 г. по февраль 1920 г. командовал Кавказской армией.

Поливанов А. А. (1855—1920), русский военный деятель, генерал от инфантерии (1915), в 1920 г. член Особого совещания при главкоме Красной Армии.

Попов П. Х., генерал, командующий Донской армией с 25 апреля по 18 мая 1918 г.

Ревшин А. П. (1870—?), генерал-майор, начальник Чеченской конной дивизии, в ночь на 10 июня 1920 г. захвачен в плен в селении Ново-Михайловка частями I Конной армии.

Романовский И. П. (1877—1920), генерал-лейтенант, с января 1919 г. до апреля 1920 г. начальник штаба Вооруженных сил Юга России, был убит 5 апреля 1920 г. в Константинополе сотрудником деникинской контрразведки Хорузиным М. А.

Ронжин, генерал, главный военно-морской прокурор в армии Врангеля.

Сидорин В. И. (1882—1943), генерал-лейтенант, командующий Донской армией с февраля 1919 г. по март 1920 г.

Слащев (Слащов) Я. А. (1885—1929), генерал-лейтенант, с декабря 1919 г. командир 2-го армейского корпуса. За удачную оборону Крыма в январе—апреле 1920 г. получил в августе почетную приставку Крымский к фамилии и тогда же из-за разногласий с Врангелем был отстранен от командования корпусом. Их вражда продолжалась в эвакуации, в результате чего Я. А. Слащов был судим и разжалован в рядовые. В 1921 году вернулся с разрешения Советского правительства на родину, амнистирован. Преподавал тактику на курсах «Выстрел» и в высшей школе ОГПУ. Застрелен в собственной квартире при не вполне выясненных обстоятельствах.

Слащова Н. Н. (юнкер Нечволодов, «Никита»), жена Я. А. Слащова, под именем юнкера Нечволодова служила у него ординарцем, дважды была ранена.

Тата, Татьяна (падчерица А. П. Богаевского от первого брака).

Тимошенко И. П., председатель Кубанской казачьей Рады и председатель Верховного круга.

Тотлебен Э. И. (1818—1884), генерал-адъютант, один из руководителей Севастопольской обороны 1854—1855 гг.

Троцкий (Бронштейн) Л. Д. (1879—1940), в 1918—1924 гг. нарком по военным и морским делам, председатель Реввоенсовета республики.

Туркул А., в сентябре 1920 г. начальник 34-й пехотной дивизии.

Улагай С. Г. (1875—1944), генерал-лейтенант, с июля 1918 г. начальник 2-й Кубанской дивизии, с февраля 1919 г. командир 2-го Кубанского корпуса, с декабря командовал конной группой, руководил в августе—сентябре 1920 г. десантом на Кубани, после разгрома которого уволен Врангелем из армии.

Филимонов А. П. (1886—?), в 1917—1919 гг. войсковой атаман Кубанского казачьего войска.

Фицхелауров В. П. (1880—?), генерал-майор, командир бригады 3-й Донской казачьей дивизии.

Харламов В. А., кадет, председатель «Круга спасения Дона», Большого войскового круга, глава правительства Юга России.

Хольман Г. (1869—1949), английский генерал-майор, глава британской военной миссии на Юге России.

Хрулев С. А. (1807—1870), генерал-лейтенант, участник Севастопольской обороны 1854—1855 гг.

Чичерин Г. В. (1872—1936), государственный деятель, дипломат, с 30 мая 1918 г. нарком иностранных дел РСФСР (в 1923—1930 гг. — СССР).

Шатилов П. Н. (1881—?), генерал-лейтенант, с января по май 1919 г. и с декабря 1919 г. по начало января 1920 г. начальник штаба Добровольческой армии, с мая по декабрь 1919 г. — Кавказской армии, в июне — ноябре 1920 г. — армии Врангеля.

Шопенгауэр Артур (1788—1860), немецкий философ-идеалист.

Эрдели И. Г. (1870—1939), с 24 мая 1919 г. главноначальствующий и командующий войсками в Терско-Дагестанском крае.

Юденич Н. Н. (1862—1933), генерал, один из главных руководителей контрреволюции на Северо-Западе России, после провала похода на Петроград с остатками армии в декабре 1919 г. отступил в Эстонию, где они были разоружены.

Юзефович Я. Д. (1872—1935), генерал-лейтенант, начальник штаба Кавказской армии, командир 3-го, затем 5-го конного корпусов. В Русской армии с лета 1920 года руководил строительством укреплений на Перекопе.

Янов Ж., войсковой старшина, бывший председатель «Круга спасения Дона», полковник, белоэмигрант.

*Публикация
Юрия МУРИНА*

УТРАЧЕННОЕ НАСЛЕДИЕ

Из небытия возвращается
конфискованный «органами» дневник
репрессированного механика Николаева.
*Автор без прикрас описывал страшный быт
20—30-х годов.*

Жизнь знаменитого атамана Платова
прошла в походах и боях.
В палатке, при свече он сочинял
«благоволительные письма» императрице.

«ИСЧЕЗ ЧЕЛОВЕК и нет его, куда девался — Никто не Знает»

Из конфискованного дневника

Е. Н. Николаев (из следственного дела №12326. Т. 1. Л. 138).

Министерством безопасности России совместно с обществом «Мемориал» ведется поиск книг из личных библиотек, конфискованных при аресте граждан в период массовых репрессий. Найдены и возвращены родственникам книги, принадлежавшие крупному ученому-экономисту профессору В. Камерницкому, государственным деятелям И. Кравалю, Д. Лебедю, Г. Ломову. В музей им. Глинки переданы книги, изъятые у композито-

ра Н. Жилева, в комиссию по литературному наследию репрессированных писателей — прозаика М. Карпова. Были обнаружены также книги из библиотеки Е. Н. Николаева. Их дальнейшая судьба пока не определена, так как наследников разыскать не удалось. Кем же был этот человек, не только собравший уникальную коллекцию книг на историческую

тематику, но и оставший после себя не менее уникальные дневниковые записи, запечатлевшие события 20–30-х годов?

Евдоким Николаевич Николаев родился в 1872 году в селе Шеметово Коломенского района Московской области в крестьянской семье. Самоучка. До 1917 года работал монтером, затем старшим механиком телеграфа на станции «Москва-1» Казанской железной дороги. В 1920-м арестован ЧК и приговорен реввоен трибуналом «за контрреволюционную деятельность» к пяти годам лишения свободы с отбыванием наказания в лагерях особого назначения. Освобожден досрочно в 1922 году. При аресте у него была конфискована библиотека, насчитывавшая около 10 тысяч томов.

В 1937 году особым совещанием НКВД Николаев осужден вторично, опять «за контрреволюционную деятельность», и приговорен к заключению сроком на восемь лет. Для отбытия наказания направлен в Полтавскую тюрьму.

Библиотека, которую Николаеву удалось к тому времени почти полностью восстановить, была вновь конфискована.

Как следует из дела, находясь в заключении, Николаев «своей контрреволюционной деятельностью не прекратил, а, наоборот, активизировал таковую», и в 1938 году «особой тройкой» Управления НКВД по Полтавской области он был приговорен к расстрелу с конфискацией имущества. 27 января 1938 года приговор приведен в исполнение.

Своего негативного отношения к советской власти Николаев на допросах не отрицал: «Я сочувствовал конституционно-демократическому строю, при котором оставалась частная собственность на орудия и средства производства, оставалась частная торговля, что способствовало бы развитию производительных сил страны... Я считал, что, рано или поздно, советская власть должна будет пойти на уступки, что она сама поймет, что улучшить положение народа в стране проводимыми ею мероприятиями в области экономики — невозможно»*.

Взгляды Николаева получили отражение в дневниковых записях, которые он вел с 1918 по 1937 год. Часть из них — за 1924, 1927, 1928, 1931, 1935 и 1937 годы — приобщена в качестве вещественных доказательств к следственному делу. Судьба остальных материалов неизвестна. Дневники Николаева, как сам он признавал, «не лишены некоторой субъективности», чему, несомненно, способствовал и «ряд незаконных действий, как то: была незаконно взята антикварная библиотека в г. Москве, вторая моя библиотека в г. Коломне, кроме того, я совершенно безвинно был заключен в концлагеря и т. д.» (протокол допроса Николаева от 4.06.37**). Но не только (и не столько) эти обстоятельства поддерживают эмоциональную напряженность дневниковых записей. Своеобразным пафосом проникнуты произносящие их ткань авторские размышления о чужеродности коммунистической идеи для России. Личность Николаева ярко проявляется и в демонстративном неприятии им тех нововведений, начало которым

положил Октябрь: на 20-м году советской власти он упорно придерживается старого стиля летосчисления, не признает современной орфографии, употребляет дореволюционные названия улиц, заводов и т. д.

В то же время Николаев категорически отвергал обвинения в клеветнических измышлениях: «Нет, я не признаю, что в моих рукописях-дневниках на советскую власть возводился клевета... К этим заключениям я пришел в силу своих личных наблюдений и тех сведений, которые получал в беседе от граждан, которые приезжали ко мне из деревни» (протокол допроса Николаева от 4.06.37***).

А круг людей, с которыми общался Николаев, был весьма широк. Выйдя на пенсию, он довольно успешно (и это при отсутствии специального образования) занимался частной юридической практикой: среди его клиентов — крестьяне, рабочие, служащие и даже сотрудники милиции. К собранной им библиотеке проявляли интерес известные библиофилы — Н. Ульяновский и В. Стелецкий. В числе его знакомых — сельские жители и адвокаты, чиновники и священнослужители.

Судьба некоторых из них сложилась трагически. В 1937 году были арестованы и осуждены, как члены якобы возглавляемой Николаевым «контрреволюционной фашистско-монархической группировки церковников», А. Кобзев — кладовщик, сын расстрелянного в 1918 году кулака; И. Макаров — односельчанин Николаева, бывший владелец пекарни; К. Овчинникова — счетовод. Реабилитированы они лишь в 1989 году. В этом же году — 28 ноября — реабилитирован и Евдоким Николаевич Николаев.

Дневники Николаева публикуются с сокращениями: исключены повторы, сведения, касающиеся личной жизни автора, наиболее резкие высказывания в адрес конкретных лиц. Купюры в тексте обозначены многоточием в круглых скобках. Недописанные и сокращенные слова, уточнения авторского текста даются в ломаных скобках. Датировка документов унифицирована. При редактировании стиль автора сохранен, явные опiski и опечатки исправлены без дополнительных объяснений, текст приведен в соответствие с нормами современной орфографии и пунктуации. Публикация подготовлена по рукописи, приобщенной к хранящемуся в архиве Управления Министерства безопасности РФ по г. Москве и Московской области следственному делу № 12326. Т. 2, Л. 1а, 5, 7, 9, 11, 13–14, 17, 20–21, 23–24, 32–33, 60–61, 67–69, 78, 95, 97–98, 115, 124, 130–131, 155–157, 171–172.

Составитель выражает искреннюю благодарность В. П. Данилову, Е. А. Осокиной, Н. Г. Охотину, иеромонаху Филиппу (Симонову), чьи замечания были учтены при подготовке публикации, а также Г. В. Горской, Н. Е. Елисеевой, Д. Н. Нохотвич, Л. П. Стрельцовой и сотрудникам ЦА МБР за помощь в поиске документов.

Гонорар за публикацию перечислен на восстановление Знаменского монастыря.

* Архив УМБР по г. Москве и Московской области. Дело по обвинению Николаева. № 12326. Т. 1. Л. 40–41.

** Там же. Л. 40.

*** Там же. Л. 39, 41.

I
<Январь 1924 г.>

Скоро полночь. Уходит старый 1923 год в вечность. Унося за собой много горя и тяжелых испытаний многим людям нашей измученной страны, в том числе и те горькие и невыносимо трудные в этот истекший год испытания. Будем же тверды и будем продолжать борьбу со злом, и будем надеяться на великое светлое будущее, на более лучшую и спокойную жизнь. Не будем отчаиваться, не будем падать духом в несчастьи, ибо гнущся под тяжестью — значит увеличивать только ее вес.

II
<5 января 1924 г.>

(...)Завтра Богоявление Господне — большой праздник, но всюду и везде (конечно, за исключением деревни) работают. Большевики для этого и ввели насильственно новый стиль, чтоб сломить религию и породить раскол между верующими и духовенством, ибо духовенство не знает, кому подчиниться, народу или той сволочи, ставшей во главе Церковного управления в лице разных отбросов и бывших беглых попов-проходимцев так называемой Живой Церкви. Но духовенство, то духовенство, которое еще придерживается канонов церкви, оно служит по-старому, а завтра будут служить Богоявлению. И народу в церквях бывает видимо-невидимо, а в «Живой», или, как ее всюду в шутку называют, «мертвой церкви», не насчитается во время их «богослужения» и десятка людей. Если бы эта так называемая Живая Церковь не отняла себе Иверскую часовню*, то чем бы она существовала, сказать трудно¹.

III
<6 января 1924 г.>

Был в церкви Богоявления, что в Елохове**. Служил Святейший Патриарх Тихон². Народу было видимо-невидимо, так что в церкви народ не мог весь поместиться и стояли снаружи. Литургия кончилась в час дня. После был молебен и Крестный ход в ограду церкви, где был поставлен большой сосуд, где Патриарх с 4-мя Епископами в митрах совершали Великое освящение воды. Вот тебе и «будни». Откуда такая масса народа, ведь большевики угнали всех на работу, а на богослужении присутствовало не менее 3—4 тысяч человек(...).

IV
<12 сентября 1927 г.>

(...)Вот я пишу, и кажется много, а смысл моих писаний многим покажется неясен: чего же, собственно, он, мол, хочет и почему он недоволен настоящим положением вещей и той системой правления большевиками Россией? Скажут, не монархист ли он, но об этом я уже неоднократно заявлял в своих записках, что кто меня считает монархистом, тот мною уже наперед трижды проклят. Я хочу только блага русскому народу, и только блага, а главное — народного правительства в полном смысле этого слова. (...)Итак, мое желание есть искреннее желание России полной, демократической, на индивидуальных началах, свободы — свободы выбирать лучших людей, свободы печати, чего в России с 1917 года абсолютно не существует. Как видите, пожелание скромное, но если оно осуществится, то Россия будет и свободна, и богата, ибо она не будет иметь шайки «царей» и будет принята в сонм народов мира.

V
<7 апреля 1928 г.>

(...)На вопрос: «Почему так поздно подаешь макулатуру?» он <почтальон> непременно отвечает: «Помилуйте, ведь идут СЕСИ, вот мы и запаздываем». Я долго не понимал, что такое за СЕСИ, оказывается, это сессия. И вот такая сессия продолжается в осиноом гнезде все 365 дней в году. Вот об этой-то сессии я, главным образом, и намерен сказать несколько слов, собственно говоря не о самой СЕСИ, а о том, что на этой СЕСИ главки болтают, и для чего эти т. н. СЕСИ в продолжение целого года непрерывно почти (за исключением, когда главки в салон-вагонах совершают свое турне по России) собираются. На эти т. н. СЕСИ искусственно собираются, конечно, за казенный счет, со всех сторон, главным образом из темных и глухих мест, мужики, бабы, преимущественно малограмотные или большею

* Располагалась у Неглинных (Воскресенских) ворот Китай-города. Разрушена в 1932 году.

** Богоявленский Патриарший собор.

VII

<30 декабря 1930 г.>

Сегодня значительно теплей, среди дня только 4 градуса холода. Снега нанесло всюду много, ходил-стоял битый час за хлебом, взял на троих три фунта* хлеба, принес такого, какого топором не разрубишь, да еще чуть не потерял талоны. Тогда бы совсем беда, так как хлеб ведь дается только по талонам**, по фунту на человека на день, а сколько проклятья посылается красно-банде всюду и за всем стоящими в очередях и иногда ничего не выстаивающими, или какую-нибудь дрянь, или заваль⁵. На углу Покровки и Гаврикова пер<еулка> с полгода отделявали под бывшим трактиром Васильева и в его дому громадный магазин под названием «Мосторг». Наконец отделали, открыли, с полгода поторговали, одну половину его закрыли — нечем стало торговать. Затем подняли полотняную вывеску, что, мол, этот магазин назначен закрытым и в нем могут покупать только одного определенного завода, например, Гет***, и так по всей Москве. В магазин этот могут войти только те люди, которые работают на том предприятии, для которых этот магазин предназначен, и вход в этот магазин исключительно лишь по билетам, и так по всей Москве⁶. И так абсолютно нигде ничего нет, и нет никакой возможности чего-либо купить, а тут еще закрытые магазины для избранных. Чем все это объясняется? Да тем, что нигде абсолютно ничего нет и ничего нигде не производится, а одна лишь макулатурная болтовня и очковитерательство, а в действительности всюду и везде стон, вой и плач со скрежетом зубным и проклятие своим поработителям и угнетателям, и такой стон по всей России.(...)

VIII

<14 января 1931 г.>

(...)Подчас никто не знает, что делается не только в одном городе, но даже на соседней улице одного города: исчез человек и нет его, куда девался — никто не знает. И родные или не знают, или им под страшной угрозой запрещено говорить⁷.

IX

<22 января 1931 г.>

Холодно. Сегодня утром 15 гр<адусов>. Прямо Господь на нас прогневался. Но за что на нас-то, гневайся он на бандитов, а причем все честные люди. Получил приглашение на «выборы» членов в Моссовет. На завтра, 5-го по новому стилю, к 9 часам утра, в помещение Елоховского кинотеатра, бывший «Макс Линдер», теперь III Интернационал****. Для курьеза можно, пожалуй, и сходить, так как, собственно говоря, в сущности никаких выборов нет, а одна лишь комедия и обморочивание дураков⁸.(...)

X

<27 января 1931 г.>

Беседовал с Д., который имеет сведения с Донецкого бассейна. Он, между прочим, сообщил, что там полная забастовка, на всех рудниках. Вызвана она по причине недостатка хлеба и других необходимых продуктов питания⁹. Этим и объясняется массовая отсылка рабочих всех категорий на Донецкий угольный бассейн с двойной уплатой жалованья, то есть с сохранением полного оклада здесь и такого же оклада там. Неужели так богата наша страна? Здесь идут полные всюду грабежи, а в другом месте дают двойное жалованье. Конечно, эти махинации вызваны исключительно тем, чтоб как можно скорее и больше обмануть и загнать туда, в Донецкий угольный бассейн, простаков-дураков. Иначе дело будет настолько испорчено, что едва ли будет уже поправимо. К тому же ведь и неблагоприятно дело обстоит и на Апшеронском полуострове, на нефтяных скважинах, тоже большая часть рабочих бастует и все по той же причине, а ведь уголь и нефть — это те два предмета, без которых страна обойтись абсолютно не может.

* Фунт — русская мера веса, равная 409,5 г.

** Хлебные карточки введены в Москве в марте 1929 г.

*** Правильно — ГЭТ (Государственный электротехнический трест). В его состав входили заводы «Динамо», «Изолятор», им. Уханова, «Электрозавод», МОКЗ.

**** Кинотеатр «Третий Интернационал» располагался на Спартаковской улице, д. 21.

XI

<1 февраля 1931 г.>

Опять, так же как и вчера, холодно. 15 гр<адусов>. Это черт знает какая стоит холодная, ненормальная погода. Ведь уже февраль, а холода, как в декабре. Страшный кризис топлива. Красно-банда сделала распоряжение отобрать все запасы угля в больших домах, отопливаемых углем и купленных, конечно, на средства живущих в доме. Где успели, там спустили воду, а где нет — там, конечно, порвало все трубы, и население домов отапливается керосинками. Отсюда кризис в керосине, так как все бросились за керосином. И опять новые кары и высылки на почве запаса керосина. Так одно с другим и сцепляется. С получением дров тоже новость: так как дров нет, то все ордера на дрова аннулированы, и дров с большим трудом кой-кому удастся только получить чрез так называемую топливную комиссию, которая придет чрез несколько дней и посмотрит, действительно ли у вас нет дров, и... тогда вам разрешат купить осьмушку, самое большее это полсажени*, и более ни в каком случае. И тут опять беда, да еще какая: так как подводы очень дорогие (лошадей всех поели), отвезти дрова за версту от склада стоит не менее десяти рублей, и это все равно — что сажень, что осьмушку, то на этой почве разыгрываются целые драмы. В складе говорят: «приезжайте, мы вам чрез неделю еще дадим дров». Вот и ездит к ним чрез неделю и плати по десять рублей. Прямо какой-то хаос, и так во всем, и всюду, и везде. Одним словом, ставка на полное обнищание и без того нищего народа. А ведь кто-то из экономистов сказал, что государство богато богатством своих подданных.

XII

<8 марта 1931 г.>

Утром 3 гр<адуса> холода. День, видимо, будет ясный, и обычная среди дня оттепель. Вчера из Орловской губернии Ливенского уезда получены жуткие и душу раздирающие сведения о том, как там свирепствует красно-банда. У всех и все отбирают и насильно стоняют в так называемый колхоз. Едят, как сообщают, один только хлеб. И также идут произвольные, ни на чем не основанные аресты более зажиточных крестьян. Всюду, как сообщают, идет вопль, горе и слезы. Народ дошел до того, что разут и раздет. Просто непонятно, как это можно проповедовать какой-то рай таким ужасным насилием. И так по всей стране. Одним словом, творится что-то жуткое, неестественное. Идут убийства, грабежи имущества у населения, аресты, ссылки. Свирепствует страшный и небывалый в истории не только в России, но и вообще где-либо террор. И вот так по всей необъятной России и во имя чего? Во имя какой-то иллюзорной, химерической «Свободы», в которую вгоняют страшным насилием, сопряженным с убийствами и разорением, всех включительно. Что это такое? Кто сможет на это дать разумный ответ?..

По всей России идет бешеная ломка железных оград, главным образом, на кладбищах, а также и крестов, чугунных церковных дверей и вообще всего железного и чугунного, так как чугуноплавильные и железоделательные заводы или стоят, или еле влачат свое жалкое существование, о которых, кстати сказать, лишь только гремят в одной лживой макулатуре¹⁰.

XIII

<12 апреля 1931 г.>

(...)Вся страна воеет волком и распухла от голода, ибо все, положительно все и у всех, не только отбирается, но прямо грабится и отсылается за границу¹¹, тогда, как сказано выше, весь русский народ страдает от голода. Ибо все, положительно все, препровождается за бесценок за границу для выручки денег, а главное, это задобрить, чтобы там нас терпели, а народ свой — черт с ним, пускай дохнет с голоду, а чуть зашевелился, так в Нарым, в тюрьму или совсем на тот свет. Террором всего временно можно достигнуть, час да наш — вот как рассуждает свирепствующая красно-банда каторжан правителей, или, точнее, душителей и грабителей русского народа.

XIV

<1 мая 1931 г.>

С утра день ясный, но, как и предыдущие, холодноватый. Сегодня 1 мая. В прежние благодатные и во всем обильные и свободные годы с полдня весь народ уходил в окрестности Москвы, главным образом в Сокольники, где всегда устраивалось большое народное гуляние. И как весело и радостно всем тогда чувствовалось. Какое во всем было изобилие, и как все было дешево да счастливо. Как было тогда

* Сажень — русская мера длины, равная 2,134 м; поверхность чего-либо или количество какого-либо материала, измеряемого такой мерой.

Председатель ОГПУ Г. Ягода
(из фондов Музея МБР).

хорошо, как привольно тогда всем жилось, а главное — свободно и весело.

Но все это, как сон, миновало, явилась смута, и пришли с каторги чуждые стране и русскому народу преступные люди, захватили в свои руки власть над русским народом и стали продельвать эксперимент за экспериментом.(...)

XV

<8 мая 1931 г.>

(...)Был у Серпуховской заставы и решил пройти на кладбище Данилова монастыря, и что же? Когда боком пролез в главные ворота, то перед моим носом, как из земли, выросли два-три охранника.

Двое из них в форме городских. Один в штатской форме, и все они гепеушники. И на площади передо мной, прежде благоустроенной, с цветочными клумбами, теперь заваленной камнями и навозом, копошилось около шестисот, или более, оборванных, до невозможности грязных детей в возрасте от десяти до шестнадцати лет. Все это гоготало, кричало, неистовствовало и просило хлеба. Как грустно и дико было смотреть на эти сотни грязных беспризорных малышей — продукт народного бунта, или, как для красного словца теперь зовут, «революции»... Но цель моего туда прибытия — это посмотреть знаменитое кладбище, где похоронено так много знаменитых деятелей на поприще литературы и другой государственной деятельности. Там, между прочим, похоронены: Гоголь, Дмитриев, Завалишин, Кошелев, Морощкин, Перов, Рубинштейн Н. Г., Самарин Дмитр<ий> и Самарин Юрий Федорович, общ<ественный> деят<ель> и участник крестья<нской> реформы Тихонравов, Хомяков А. С., княз<ь> Черкасский, Языков и мн<огие> др<угие>. Но меня на кладбище не допустили. Тем более, когда я заявил, что пришел со специальной целью по некрополю. Когда я вышел из ворот монастыря и справился у живущих там, то оказалось, что там уже кладбища более не существует, оно все до основания снесено, как и многие богатые мрамором кладбища, за исключением только одной могилы Н. В. Гоголя. Заинтересовавшись этим очередным кощунством красно-банды, я все-таки проверил этот слух и посмотрел в проржавленные ворота кладбища, и моим взорам представилась грустная и неприглядная картина полного хаоса и разрушения. На том месте, где было некогда богатое кладбище, там остались лишь кучи мусора и обломки дикого и всякого другого камня. Даже лес — исполинские деревья — и те все были спилены. Все было грустно и пустынно, как будто здесь прошел татарский погром¹².

XVI

<10 мая 1931 г.>

Сегодня день несколько холодней и склонный к дождю. На одной из окраин Москвы были рабочие беспорядки на почве голода, но вызванными сильными наря-

дами полиции* и войск все было быстро подавлено. Конечно, как и всегда, про это в печати ни гугу, хотя были значительные жертвы (Пресня). Беспорядки были в районе Прохоровской мануфактуры**¹³.

XVII

<31 мая 1931 г.>

(...)Наши «хозяева» в Кремле приказали все продавать по ценам, от которых пришел в ужас самый отъявленный спекулянт, так как большевики все стали продавать в сто раз и более дороже. Если кто-либо и чего-либо продавал за один рубль, то большевики уже продают за ДЕСЯТЬ рублей¹⁴. И так во всем и повсюду, но я говорю лишь только о Москве и С.-Петербурге, что же касается до провинции, то там вообще нет никакой продажи, так как совершенно уже нечего продавать. Там всюду полный голод и народный рев, по всей уже России разгуливает хозяин — голодный тиф¹⁵. Такой смертности еще не помнят в России. В Москву, или точнее, через Москву громадными партиями прогоняют массы крестьянства, священников, бывших монахинь и вообще кротких, сирых и ни в чем не повинных крестьян, направляя их в Сибирь и другие отдаленные места России. Вообще в России творится что-то жуткое, насилия выходят за пределы насилий¹⁶.(...)

XVIII

<9 июня 1931 г.>

Вчера поздно ночью пошел сильный дождь, сегодня день ясный и теплый, но несколько холодней вчерашнего. На улицах Москвы очень много появилось сравнительно молодых и крепких деревенских парней, обутых в лапти и одетых в домотканые армяки. Некоторые из них с сумками. Все они, исхудалые и тощие-грязные, оборванные, жалобно просят милостыню. Я некоторых порасспросил, откуда они. Они назвали свои местожительства, преимущественно из степных губерний, Орловской, Брянской (новое название одной губернии), Калужской и др. Все они убежали из своих родных мест, так как, они говорят, жизнь у них стала невозможна. С двух часов утра в колхозе выгоняют их на работу, а кончают в одиннадцать часов вечера. Труд равносителен каторжному, так как заставляют вырабатывать норму, причем ничего не дают, да ничего и нет, совершенный голод, так что в этих губерниях, кроме страшного

*Шахтинский процесс. Общий вид зала заседания суда (обвиняемые и судьи).
Москва, 1928.*

* Так в рукописи.

** Московский хлопчатобумажный комбинат «Трехгорная мануфактура». Основан в 1799 г. В. И. Прохоровым.

свирепствования большевиков, еще свирепствует голодный тиф, или, как его теперь зовут, «вшивый тиф», люди мрут ежедневно, так что всех объял ужас и многие бегут в леса и разбегаются в разные стороны от этих колхозов, как от чумы. И так по всей и во всей России¹⁷. Раз в Москве — центре, куда все, положительно все, сосредоточивают, и то уже стало жить почти неумоготу, так что же делается в провинции — это трудно себе представить.

Несколько времени тому назад на резиновой фабрике «Богатырь»* в с. Богородском такой был, конечно, не единственный случай. Туда приехала немецкая делегация, так как теперь у нас на фабриках и заводах в большинстве инструкторами все немцы, и живут они, конечно, сравнительно с русскими рабочими в условиях более чем на сто процентов лучше¹⁸, у них и хорошие помещения, и великолепный стол (им, конечно, за счет общего народа уделяется все, что они захотят), они даже и пьянствуют исключительно лишь в одной гостинице — это гостиница «Европа» на Неглинном проезде**. Конечно, тогда, когда они там располагаются, то, конечно, туда никого из простых смертных не пускают. И вот приехавшая из Германии делегация, между прочим, посетила и завод «Богатырь». Когда сопровождающий эту делегацию суфлер стал расписывать их, то есть немецких рабочих, хорошее во всех отношениях житье, то один из русских, хорошо владея немецким языком, обращаясь к немецким делегатам, сказал им: «Что вы смотрите, как живут ваши соотчичи, и что вы слушаете наглое вранье сопровождающего вас коммуниста. Вы посмотрите на этом же заводе, в каких ужасных условиях живут другие — русские рабочие, и чем они питаются, тогда вы и увидите весь ужас и нищету русских рабочих». Результат: в ночь этот рабочий, который это сказал на немецком языке, бесследно исчез в недрах застенка (что на Лубянской площади)...)

ХІХ

<16 июня 1931 г.>

Утро, дни очень теплые и ясные. Вчера ездили в Измайлово, точнее в Измайловскую Николаевскую военную богадельню... Сие не только не украшается и не поддерживается, но все быстро разрушается. И разрушается сознательно и умышленно. Так, еще года три тому назад туда еще можно было поехать подышать чистым воздухом. А теперь уже нет признаков того, что было даже в прошлом году. Нет гуляющей публики, нет того, хотя и мусорного и бедного, «буфета», и той волюнки вроде какого-то, или, точнее, пародии, на оркестр. Ничего теперь этого уже нет. Измайлово было родовой вотчиной Романовых и любимой дачей первых царей из этого рода. Основано оно было их предком Никитой Ивановичем Романовым-Юрьевым-Захарьиным-Кошкиным. Он завел здесь образцовый хутор, в котором не только процветало земледелие и скотоводство, но заведен был стеклянный завод даже. Бокалы и кружки с этого завода и теперь хранятся в Оружейной палате. Алексей Михайлович и Михаил Федорович также занимались здесь хозяйством и завели тут прекрасный скотный двор, обширный фруктовый сад и аптекарский огород. Петр Великий провел детство и отрочество в этом селе. На Измайловском пруду (вырытом в царском саду) он плывал на парусном ботике, построенном Брандтом (этот ботик и был знаменитый «дедушка русского флота»). Одноэтажное здание Романовского дворца сохранилось до сих пор. Против дворца — храм, построенный в честь Покрова Б<ожией> М<атери>, по образцу Успенского собора, и освященный 1 октября 1679 г<ода>. В последнее время для нужд Николаевско-Измайловской военной богадельни к собору в 1839—1849 годах пристроено с двух сторон по корпусу, которые совсем исказили величественный и архитектурный вид собора. Постройка эта возведена архитектором К. Тоном. Главной достопримечательностью находится здесь Башня, служившая вначале въездной воротной башней. Она построена в <?>*** году. Эта Башня служила при царе Алексее Михайловиче Боярской думой. Постройка сохранила в общем свой первоначальный облик, но в последнее время, как и все там и вообще везде в России, запущено и загажено, а также населено чернорабочими или превращено под торговое помещение. Так и эта старинная Башня превращена под кабак и лавку, торгующую керосином и еще чем-то. Находящаяся недалеко церковь во имя св. Иоасафа по своей древней и красивой архитектуре имеет очень большое значение. Теперь чуть ли не до основания, как и все другие в Москве церкви, снесена¹⁹.

* Завод «Богатырь» основан в 1887 г. Переименован в 1923 г. в «Красной Богатырь».

** Позднее гостиница «Армения». Снесена в 1980 г.

*** В рукописи пропуск. Дата постройки башни: 1671—1679 г.

XX**<17 июня 1931 г.>**

День ясный, небо, как и вчера, чистое. Вчера ездили с В. Г. в Кусково, посетили дворец г<рафа> Шереметева²⁰. Исчезновение из него двух третей тех ценностей, которые там были и принадлежали графу, производит грустное впечатление.(...)

XXI**<23 июня 1931 г.>**

С раннего утра день хмурый и моросит очень мелкий дождичек. В полночь шел большим дождь. Встал утром и все наблюдал в окно раннюю утреннюю жизнь. Идет живущий в нашем доме охранник-гепеушник со своей ночной преступной «работы» по хватанию ночью ни в чем не повинных людей. Этот и по физиономии зверь, носящий у нас кличку «лягавый», имеющий за собой шесть человек им расстрелянных, или, как он выражается, ликвидированных, ведет свою громадную собаку-дурю на цепи и вооружен наганом. Немного спустя прошли то один, то другой гепеушники, это все охранники с ночной «работы». Потом стал объезжать автомобиль некоторые дома, где живут такие же субъекты — враги русского народа. Это уже «начальство», оно, видите ли, поехало на дневную свою преступную «работу». И так далее и тому подобное. Как все это гнусно, и как на все это тяжело смотреть. О, жизнь! Да жизнь ли это. Вчера мне передавали из достоверных источников о том, что каждую ночь привозят два-три автомобиля расстрелянных людей-трупов в крематорий в Донском монастыре (теперь, конечно, как и все монастыри в России, упраздненном) и сжигают, и это я слышу уже не в первый раз и от лиц, заслуживающих полного доверия²¹.(...)

XXII**<27 июня 1931 г.>**

День, как и предыдущие, жаркий и ясный. Вчера истек срок, данный гепеушкой, пока еще о добровольном выезде всех бывших монахинь из пределов Московской области²², а Московская область — это теперь что-то около десяти или более губерний*. Всюду и всех так называемых кулаков, то есть честных и зажиточных людей, высылают в Сибирь и на принудительные работы.(...)

XXIII**<24 декабря 1935 г.>**

(...)Сегодня Рождественский сочельник. Как ни задушен этот великий Праздник, как он ни превращен в «будни», равно как и Рождество Христово, как ни преследуется всякий невыход в этот великий христианский Праздник на работу, но народ празднует и на последние скудные свои гроши спешит на базар и в лавку купить что-либо к Празднику. Завтра все поспешат на работу. В эти дни, т. е. большие праздники в особенности, невыход на работу преследуется, и преследуется жестоко. Одним выговором не отделаешься, а могут выпнать с «волчьим паспортом». (...)Ночь под Рождество Христово! Сколько возникает в голове воспоминаний о далеком прекрасном прошлом, и как отраднo вспоминать об этом далеком минувшем прошлом, канувшем в вечность. Хорошо и уютно было в родном бедном крестьянском домике, <?>** вымытый чистый пол, ряд освещенных лампадами в углу икон, торжественно тихо и тепло в избе. От лампад, освещающих избу, разлит тихий полумрак, на улице сугробы снега, стекла окон покрыты узорами, тепло на большой печке, где обычно насыпали для сушки рожь. Хорошо с нее смотреть на освещенный от ряда мигающих лампад угол. Все тихо кругом. Завтра великий праздник Рождества Христова, скоро придет дядя Максим славить Христа, а мой <?>*** станет рядом с ним и будет ему подпевать. И вот загудят два хриплых голоса: «Рождество Твое Христе Боже наш» и т. д.²³, потом обычное поздравление и пожелание, получение mzды и уход дяди Максима в следующие избы. Все это торжественно, просто и прекрасно. 55 лет прошло с тех пор, а все это я вижу как сейчас.

XXIV**<3 января 1936 г.>**

День хмурый. Т<емпература> в<оздуха>⁴°. Тихо, мрачно, всюду шпионы, то и дело шмыгают темные кареты, и действительно темные, т. к. не имеют не только, как ранее, хотя маленького окошечка, но даже и отдушины. И вот эти «черные вороны»,

* Московская область создана в 1929 г. Она включала в себя десять округов, в том числе бывшие Калужскую, Рязанскую, Тверскую и Тульскую губернии.

** В рукописи неразборчиво.

*** В рукописи пропуск.

Опись найденных у кулака ценных вещей и серебра. Вятская область.

Церковь Успения на Покровке (из фондов ГНИМ им. А. В. Щусева).

Продажа хлеба в первый день введения заборных книжек. Москва. 1929.

как их зовут, шмыгают по улицам Москвы, а ночью их <количество> увеличивается в десять раз. Жутко.

XXV
<15 января 1936 г.>

День хмурый и несколько холодной предыдущих. Т<емпература> в<оздуха> среди дня 4° и вечером 6°. Д<авление> в<оздуха> 776,3 мм. Вчера я ехал по Покровке и увидел, что тираны и варвары разрушают знаменитую по своей архитектуре церковь Успения. Эта дивная по своей архитектуре церковь была даже пощажена Наполеоном, и которую очень любил и пленился ею Ф. М. Достоевский. Мне стало грустно и невыносимо тяжело. Разрушение начато с Алтарной части²⁴.(...)

XXVI
<17 января 1936 г.>

(...)То и дело слышишь, что всюду идут обыски, аресты, все суды переполнены людьми, которых судят за то, что бы ранее только поощряли. Все тюрьмы переполнены²⁵. Все дорого, недоброкачественно и почти ничего нет, что составляет первую

необходимость. Исповедуется террор, насилие. Все обязаны работать в принудительном порядке, и притом только лишь из-за куска насущного хлеба. Никто не имеет права разинуть рта, все уже стали бояться что-либо в своем уме и мышлении подумать, не только горько сказать о своем бедственном и голодно-рабском положении вслух. Все разрушено, все старинные памятники разрушаются и уничтожаются. Что-то дикое творится, люди стали друг друга бояться, все тихо стонет, ропщет. Все оборваны, разуты и раздеты, голодные. (...)Такова теперь в России жизнь, жизнь, приведшая все население страны в полное отчаяние.(...)

XXVII**<16 апреля 1936 г.>**

(...)Прошел весь район — нигде нет папирос за 35 к<опеек>, исчезли, оказываются. Зашел к одному знакомому торговцу, он мне сообщил, что у него стоит громадный ящик этих папирос, но не только их запрещено до 1 Мая н<ового> с<тиля> продавать, но даже и откупоривать ящики, в которых они запакованы. Это очередная гнусная большевистская подлость. Например, к Св. Пасхе все молочное и яйца исчезли из продажи, даже деревенских притесняли на рынках эти продукты продавать, в особенности яйца, творог, сметану. Ну времена!

XXVIII**<5 мая 1936 г.>**

День ясный. Т<емпература> в<оздуха> среди дня 11,5°. Д<авление> в<оздуха> 777,2 мм. Ездил в Кунцево, в т. н. «дом отдыха». Описание этого пресловутого «дома отдыха» откладываю до более лучшего настроения. (...)Меня, конечно, более всего интересовало посмотреть дом и парк К. Т. Солдатенкова. Но туда теперь доступа нет, там живут солдаты. (...)Большую часть парка, в особенности где построены эти курятники*, от вековых деревьев разных пород очистили, т. е. парк истребили, итак, на том месте, где находилась замечательная металлическая оранжерея тропических растений, теперь построен сортир, для женщин и мужчин. И это недалеко от дворца, хоть бы перенесли на другую сторону курятников, а не к дворцу. Кстати, два слова о дворце. Сквозь решетчатый забор его виден правый боковой фасад, окна завешены какими-то тряпками. Около дворца висит «белье» сомнительной чистоты. Дворец облупился, обветшал, и его не окружают уже мраморные статуи и обелиски, вывезенные из Италии, все запустело, все загажено, все заросло бурьяном²⁶.(...)

Столовая для беспризорных в Даниловском приемнике. Москва. (Снимки из фондов Российского государственного архива кинофотодокументов).

* Имеются в виду домики для отдыхающих.

XXIX**<17 февраля 1937 г.>**

Был В. Г. Б-н и рассказал ужасы. Он сегодня был на Главном почтамте и наблюдал массу серого степного народа; все они испытые, иссохшие, оборванные, грязные, изнуренные. Он их спросил, зачем они здесь и откуда. Был ответ: «Видишь, посылаем посылки — хлеб и крупяные продукты и все, чем можно питаться, да принимают-то только по 5 кг». А сами они Тамбовской губернии. «Вот он, например, — показывая на другого, — Борисоглебского уезда». На вопрос: «Разве у Вас там нет хлеба и вообще зерна, круп, пшеница и др.<угого>?» ответ был такой: «Ничего нет». «Как же, ведь это была наша житница, где была масса мельниц и оттуда все гналось в Москву и другие места вагонами и целыми поездами?» — «Да, — был ответ, — было, да сплыло, а теперь вот все едем к вам в Москву за хлебом и называем ее, Москву, теперь хлебородной стороной». Далее сказал, что «нам за наш непосильный без отдыха труд дали только по одному фунту на трудодень, а остальное все отобрали, и все, что еще нам должно бы получить, то отобрали в семенной фонд». «У нас, — продолжал он, — прямо мор, люди пухнут и помирают, мы вот режем скот — коров, у кого, конечно, есть, и едем сюда покупать хлеб, чтобы не помереть с голоду²⁷. Да и не знаем, как мы весной будем работать: кормов для скота совсем нет и лошади валятся — дохнут от голода. Коровье мясо вот везем сюда, а кобылье едим там сами». На заданный вопрос: «Почему вы не едете в губернские ваши города, а в Москву?» последовал следующий жуткий ответ: «Да там тоже ничего нет, хлеба, например, дают только по фунту на человека, а очереди по несколько сот человек. И если до обеда не удастся получить этот фунт на одного черного хлеба, то уже после полудня его, т. е. этот фунт, и не получишь. Так в Тамбове, и были в Рязани, и одно и то же, а так как мясо у нас стоит 1 р<уб>. 50 к<оп>., и не дороже 1 р<уб>. 70 к<оп>. за кило, то, конечно, его есть расчет привезти в Москву, да, кстати, здесь можно купить и хлеба, мучки и каких-нибудь круп». «Где же вы ночуете?» — был задан вопрос. «А на вокзалах», — был ответ. «Да ведь там после 12 ч<асов> ночи всех выгоняют». — «Нет, нас не выгоняют, — последовал ответ, — ведь видят, что мы с мешками с продуктами, нас только перегоняют из зала в зал после уборки, так и коротаем бессонные ночи, потому что если уснешь, то и проспишь все то, что имеешь, украдут — что тогда делать». Я подумал, действительно, что тогда делать? Привез издалека и последнее, там дожидается голодная семья, а тут украли. Это кошмарно-жутко подумать, что может сделать тогда этот голодный, бедный, оборванный и обовшивевший несчастный человек. Плакать? Москва слезам не верит. На себя наложить руки? Боже правый! И так, как оказывается, всюду на периферии. Зачем же такая болтовня, как устная, так и газетная. Ведь все, поголовно все знают, что творится в России что-то кошмарное, жуткое, и все это исключительно от того, что Россией управляют люди — враги России и русского народа, не имеющие никакого понятия о государственном устройстве, придумавшие утопическую, бессмысленную систему какой-то «колхозной» жизни народа, и которая проводится исключительно одним только принуждением и террором.(...)

XXX**<20 марта 1937 г.>**

День ясный. Т<емпература> в<оздуха> среди дня +4°R. Д<авление> в<оздуха> 777,5 мм. Во всем идет страшный грабёж со стороны наших головотяпов-тиранов из Кремля, в особенности предметов первой и неотложной необходимости, как, например, лекарства. Оно вздорожало на 1000% против былого времени.

XXXI**<21 марта 1937 г.>**

Т<емпература> в<оздуха> +3°R. Д<авление> в<оздуха> 777,8 мм. День, как и предыдущие, ясный...

На этом записи в дневнике обрываются.

21 марта (3 апреля по новому стилю) 1937 г. Николаев был арестован.

1. «Живая Церковь» — одна из основных групп обновленческого течения (церковного раскола) внутри русской православной церкви. Создана в 1922 г. при поддержке государства. Избранное на учредительном собрании ЖЦ так называемое «Высшее церковное управление», осудив деятельность церковного руководства во главе с Патриархом Тихоном, объявило себя полноправным распорядителем всех церковных дел в России. Обновленцы провозгласили своим принципом лояльность по отношению к советской власти, проповедовали «коммунистическое христианство», внесли ряд изменений в церковное устройство (богослужение на русском языке, канонизация григорианского календаря и др.). В 1944—1945 гг. немногочисленные к тому времени обновленческие приходы воссоединились с Патриаршей Церковью.

2. Тихон (Белавин В. И.) (1865—1925), с 1917 г. Патриарх Московский и всея Руси. В 1922 г. арестовывался по обвинению в анти-советской деятельности. После подписания в июне 1923 г. заявления в Верховный суд РСФСР об «отмежевании как от зарубежной, так и от внутренней контрреволюции» освобожден из тюрьмы и возобновил богослужения. Обратился с посланием к священнослужителям и всем верующим, в котором осудил самочинный захват церковной власти «Живой Церковью». В течение нескольких месяцев по выходе патриарха Тихона из заключения обновленцы потеряли большую часть присвоенных ими храмов, а «Высшее церковное управление» упразднилось. Архиерейским Собором 1989 г. патриарх Тихон причислен к лику святых.

3. Для выхода из разразившегося зимой 1927/28 года хлебозаготовительного кризиса политическое руководство страны пошло на введение чрезвычайных мер, перераставших в прямое насилие и произвол по отношению к крестьянам. Тех, кто протестовал против беззакония, привлекали к уголовной ответственности по ст. 58—10 (контрреволюционная агитация).

В качестве метода экономического давления на зажиточные слои сельского населения использовалось принятое в августе 1927 г. ЦИК и СНК постановление о самообложении, в основу которого был положен классовый принцип учета мощности отдельных хозяйств.

Эти меры были одобрены на 3-й сессии ЦИК СССР четвертого созыва (11—21 апреля 1928 г.), принявшей решение об увеличении общей суммы сельхозналога за счет повышения тяжести обложения зажиточных крестьян и середняков. Налог из средства изъятия части дохода стал средством разорения деревни.

Нарушения законности, произвол, наси-

лие вызвали открытые протесты крестьян, вплоть до актов террора и массовых выступлений. В 1929 г. по стране было зарегистрировано свыше 1.300 мятежей (см.: Документы свидетельствуют. М., 1989. С. 23).

4. Процесс по «шахтинскому делу» — первый крупный показательный процесс над «вредителями в промышленности» — открылся в мае 1928 г. На скамье подсудимых оказались 50 советских горных инженеров и техников и три немецких специалиста, работавших консультантами в угольной промышленности Донбасса. В июле 1928 г. Верховный суд СССР приговорил большинство обвиняемых к лишению свободы сроком от 1 до 10 лет; пятеро (Н. Горлецкий, Н. Кржижановский, В. Юсевич, С. Будный, Н. Бояринов) были казнены.

5. В 1930 г. участились перебои в снабжении Москвы продуктами питания и промышленными товарами. Так, в апреле была ограничена продажа белого хлеба, что вызвало недовольство широких слоев населения. С целью контроля за обстановкой начальник оперативного отдела ОГПУ К. Паукер отдал распоряжение «вести наблюдение за состоянием хлебной торговли и за появлением очередей». В ходе этой операции сотрудниками ОГПУ зафиксированы следующие высказывания москвичей: «мало дают мяса, а тут еще новость с хлебом», «на 13-м году революции ничего рабочим не дают, его морят голодом», «у нас правительство не рабочее, а шайка самозванцев» и т. п. (ЦА МБР. Ф. 2. Оп. 8. Д. 106. Л. 122, 126). В декабре очереди за хлебом в отдельные дни достигали 150 человек, а за мануфактурой — 800 (Там же. Л. 23—50.)

6. Карточное снабжение, введенное к началу 1929 г. во всех городах СССР, реализовывалось через систему закрытых распределителей (ЗР), закрытых рабочих кооперативов (ЗРК) и отделов рабочего снабжения (ОРС). Право преимущественного и первоочередного снабжения по карточкам имели рабочие ведущих индустриальных объектов, а внутри них — ударники. Существовали специальные магазины для рабочих того или иного предприятия. Вход в них осуществлялся по пропускам или «ударным книжкам». Однако, несмотря на эти меры, в течение всего периода карточного распределения снабжение даже тех, кто был занят в крупном промышленном производстве, осуществлялось с большими перебоями и напряжением. В то же время распределительная политика отразила особое положение партийно-государственной и военной элиты, пользовавшейся значительными привилегиями. «Кастовость» в снабжении была источником социальной напряженности и недовольства в об-

шестве (подробнее см.: Осокина Е. Иерархия потребления. М., 1993).

7. На рубеже 20—30-х гг. прослеживается ужесточение репрессий. Прокатилась массовая волна арестов «буржуазных специалистов» и ученых (дела т. н. «Союзного бюро меньшевиков», «Промпартии», «Трудовой крестьянской партии», «Академии наук»). Регулярно проводятся обыски и аресты «лишенцев» (бывших офицеров царской армии, дворян, священников, частных торговцев и других лиц, лишенных избирательных прав). Так, в ночь на 10 октября 1930 г. в трех районах столицы арестовано 147 человек. В ночь на 8 октября — 197. И это не предел. Более того, в сводке об итогах этой операции отмечено «исключительно невнимательное отношение со стороны лиц, производивших обыски и аресты, к порученной им работе, чем объясняется низкий процент арестов» (ЦА МБР. Ф. 2. Оп. 8. Д. 106. Л. 69). Только в декабре 1930 г. оперативным отделом ОГПУ в Москве выписано 966 ордеров на арест и обыск (Там же. Л. 24—50).

8. Избирательная система в первой половине 30-х гг. имела ряд характерных черт. Отдельные категории граждан лишались избирательных прав по политическим и экономическим мотивам. Выборы проводились открытым голосованием, как правило, по спискам. Для различных групп избирателей устанавливались неодинаковые нормы представительства (см.: Инструкция о выборах в Советы и на съезды Советов РСФСР. М., 1930). Так как значительная часть кандидатов составлялась партийными организациями и ими же во многих случаях вырабатывались и депутатские наказания, очевидно, и это не скрывалось, что исключительное значение приобретала зависимость депутатов не от избирателей, а от партии (см.: Бродович С. Советское избирательное право. Л., 1925. С. 102).

9. По сообщению информационного отдела ОГПУ от 5 сентября 1930 г., в результате недостатков в снабжении Донбасса отмечены факты невыхода шахтеров на работу. На отдельных шахтах зафиксировано резкое — до 53 процентов — снижение производительности труда (Государственный архив Российской Федерации. Ф. 374. Оп. 27. Д. 1961. Л. 56—63). В начале 1931 г., согласно справке экономического управления ОГПУ, ситуация в каменноугольной промышленности Донбасса обострилась: «общее падение дисциплины, отчасти в связи с безответственной работой технадзора; крайне напряженные условия работы в шахтах, в связи с запущенностью их; явно ненормальные жилищно-бытовые условия во многом способствуют текучести рабочей силы. За последнее время этой текучести способствовало еще и введение новых норм и извращения, допущенные в связи с этим... В результате имеет со стороны рабочих саботаж и «итальянки»

(ЦА МБР. Ф. 2. Оп. 9. Д. 117. Л. 158—159). Положение с рабочей силой было настолько серьезным, что опросом членов Политбюро от 6 февраля 1931 г. принято решение «разрешить на лучших шахтах допуск на подземные работы женщин» (Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф. 17. Оп. 3. Д. 813. Л. 18).

10. На первой Всесоюзной конференции по борьбе с потерями в народном хозяйстве, созванной при Госплане СССР в июне 1930 г., выяснилось, что промышленность ежегодно теряет не менее миллиона тонн металла из-за неэффективных методов его обработки, конструктивных недостатков машин и т. д. После конференции развернулась борьба за экономное использование сырья, материалов и топлива. По всей стране выявлялись неиспользованные запасы черных и цветных металлов, собирался металлолом (см.: С. Кульчицкий. Внутренние ресурсы социалистической индустриализации СССР. Киев, 1979. С. 95—96). Как видим, в дело шло все: и ограды, и кресты, и двери храмов. Переплавлялись и колокола — после того как в августе 1930 г. был запрещен колокольный звон.

11. В конце 20-х — начале 30-х годов, несмотря на существование невыгодной рыночной конъюнктуры и острого товарного дефицита внутри страны, руководство СССР старалось сохранить высокие объемы экспорта и даже шло зачастую на резкое снижение экспортных цен по сравнению с мировыми (см.: Осокина Е. Указ. соч. С. 122—123). Нарацивался, в частности, объем экспорта зерна. Этот процесс не остановили даже начавшийся в стране голод и снижение валового урожая зерновых: в 1931 г. на внешний рынок вывезено 51,8 млн. ц хлеба, что на 3,4 млн. ц больше, чем в 1930. Увеличить экспорт удалось за счет изъятия у колхозов зерна, включая семенной фонд (см.: Документы свидетельствуют. С. 40). С 1928 г. правительство также активизировало продажу за границу, зачастую практически за бесценок, культурного наследия, художественных ценностей и исторических реликвий из музеев страны (подробнее см.: А. Мосякин. Продажа//Огонек. 1989. № 6—9; он же. Антикварный экспортный фонд//Наше наследие. 1991. № 2, 3). Согласно советской историографии, главной целью внешней торговли СССР в рассматриваемый период было получение валюты и закупка оборудования и сырья для обеспечения потребностей индустриализации. Существуют, однако, и другие точки зрения (см., например: Осокина Е. Указ. соч. С. 122—123; Шипунов Ф. Истина Великой России. М., 1992. С. 45).

12. Данилов монастырь прекратил существование в 1929 году. Все его помещения и хозяйство передали под детский приемник-распределитель. Начиная с 1930 года сюда направлялись дети репрессированных.

На монастырском кладбище были погребены Н. Гоголь, композитор Н. Рубинштейн, поэты М. Дмитриев, Н. Языков, А. Хомяков, декабрист Д. Завалишин, художник В. Перов, профессор Московского университета юрист Ф. Морошкин, литературовед Н. Тихонравов, философ Ю. Самарин, писатель Д. Самарин, общественные деятели, участвовавшие в подготовке крестьянской реформы, А. Кошелев и князь В. Черкасский. Прах Гоголя, Рубинштейна, Хомякова, кн. Черкасского и Языкова в 1931 г. перенесен на Новодевичье кладбище. Перов перезахоронен на кладбище Донского монастыря. Остальные могилы варварски срыты. При восстановлении Данилова монастыря останки погребенных, извлеченные из земли в процессе строительных работ, захоронены в братской могиле.

13. Предположительно речь идет о продолжавшейся 20 дней (по 23 мая 1931 г.) «волынке» рабочих на строительстве школы спецслужб ВВС РККА в Краснопресненском районе (Центральный государственный архив общественных движений г. Москвы. Ф. 69. Оп. 1. Д. 754. Л. 28). Всего в Москве и области в 1931 г. зафиксировано 823 забастовочных конфликта, в которых участвовали 24.463 человека (ЦА МБР. Ф. 2. Оп. 9. Д. 530. Л. 56).

14. Коммерческая государственная торговля была развернута правительственным решением летом 1929 г. в качестве дополнения к закрытым формам распределения. В 1931 году цены в государственных коммерческих магазинах на промышленные товары были в 2—3 раза выше карточных, а наценка на продукты питания составляла в целом 100—400 процентов. Монопольная продажа дефицитных товаров по повышенным ценам позволила государству решить проблему выкачивания у своих граждан — в основном тех, кто не отоваривался или частично отоваривался по карточкам, — денежные накопленений, ликвидировать задолженность по заработной плате рабочим и служащим (см.: Осокина Е. Указ. соч. С. 108—111).

15. В ноябре 1931 г. заместитель председателя ОГПУ В. Балицкий в спецсообщении на имя И. Сталина и В. Молотова докладывал о возрастании заболеваемости населения сыпным и брюшным тифом в ряде районов Урала, Северного, Восточно-Сибирского краев, Московской области и Украины (ЦА МБР. Ф. 2. Оп. 10. Д. 513. Л. 17).

16. Весной 1931 г. начался очередной этап раскулачивания и переселения крестьян. Раскулаченных направляли в спецпоселки (на лесоразработки, рудники и т. д.), административно-организационное управление которыми июльским (1931 г.) постановлением СНК было возложено на ГУЛАГ ОГПУ. На 20 августа 1931 г. ссыльных насчитывалось: в Уральской области — 592.786, в Северном крае — 285.412, в Казахстане — более

270.000, в Западной Сибири — до 315.000, в Восточной Сибири — 129.881, в Дальневосточном крае — 48.903, в Якутии — до 9.000, в Ленинградской области — 31.466 человек (ЦА МБР. Ф. 2. Оп. 10. Д. 513. Л. 93—103). Наряду с «кулаками» массовому выселению подверглись священнослужители и монахи, бывшие помещики и фабриканты, офицеры царской армии, частные торговцы, члены разгромленных политических партий. Так, в марте 1931 г. по всем районам Московской области ОГПУ провело ночные «операции по изъятию контрреволюционного кулацкого и антисоветского элемента», в ходе которых репрессировано 5.167 человек, отнесенных к указанным выше категориям (ЦА МБР. Ф. 2. Оп. 9. Д. 2767. Л. 89).

17. Уклоняясь от коллективизации, значительная часть крестьян в поисках пропитания бежала из села. В 1928—1935 гг. в городах осело свыше 17 млн. бывших сельских жителей (см.: Труд в СССР. Статистический справочник. М., 1936. С. 7).

18. По сравнению с советскими рабочими для иностранцев устанавливались более высокие нормы снабжения и более широкий ассортимент (до мая 1931 г. отпуск товаров для них вообще не ограничивался). Особенно отличались нормы снабжения мясом и жирами: для иностранцев мяса — 9 кг на человека в месяц, для советского рабочего крупного индустриального предприятия — 4,4 кг, масла соответственно — 3 кг и 0,4 кг (см.: Осокина Е. Указ. соч. С. 23, 92).

19. Древняя усадьба Измайлово, окруженная со всех сторон искусственными прудами (т. н. «Измайловский остров»), со второй половины XVII века служила царской резиденцией. Для въезда на ее территорию сооружен был каменный мост, от которого уцелела до нашего времени Крепостная проездная башня — памятник русского зодчества XVII века. По преданию, в ее среднем ярусе проходили заседания Боярской думы. В центре ансамбля — пятиглавый Покровский собор, к которому в первой половине XIX века по приказу Николая I пристроены корпуса военной богадельни для солдат и одиноких офицеров — участников Отечественной войны 1812 г. и русско-турецких войн.

20. Кусково — ценнейший и ранний среди сохранившихся памятник русского усадебного искусства второй половины XVIII столетия. Бывшая загородная усадьба графов Шереметевых. С 1918 г. — музей-усадьба.

21. В начале XX века за южными воротами Донского монастыря вдоль стены было создано новое кладбище, на территории которого возвели храм Серафима Саровского и Анны Кашинской. В его стенах в 1927 г. устроен первый в Москве крематорий. С 1929 г. Донское кладбище использовалось для тайного захоронения жертв политических репрессий. Их имена, ставшие сегодня извес-

тными в результате изучения и обработки сотрудниками Центрального архива МБР многолетнего массива документов о приведении в исполнение смертных приговоров, занесутся в хранящуюся на Донском кладбище Книгу Памяти. Краткие биографические сведения о казненных публикуются (к сожалению, нерегулярно) на страницах «Вечерней Москвы» и «Российской газеты».

Всего в Москве к 1930 году ликвидировано 30 монастырей. Все помещения обителей, в том числе храмы, были переданы в ведение различных государственных учреждений и организаций. Андроников, Иванов, Новоспасский и Покровский монастыри в 1918—1919 гг. заняла под концентрационные лагеря и тюрьмы ВЧК (см.: Бураков Ю. Под сенью монастырей московских. М., 1991. С. 24—25).

22. 28 марта 1924 г. ЦИК СССР утвердил Положение о правах ОГПУ в части административных высылки, ссылки и заключения в концентрационный лагерь (объявлено приказом ОГПУ № 172 от 2.04.24). В соответствии с этим Положением ОГПУ было предоставлено право высылать социально-опасных лиц из местности, где они проживали, на срок не свыше трех лет. Предусматривалась также высылка с запрещением проживания в ряде местностей или губерний и высылка с обязательным проживанием в определенных местностях под надзором ОГПУ. Вынесение постановлений о высылке было возложено на особое совещание ОГПУ в составе трех членов коллегии ОГПУ. Приказ № 19/10 от 11 января 1930 г. объявил инструкцию по применению Положения. В ней предписывается осуществлять высылку «путем предъявления данному лицу обязательства как правило в недельный срок покинуть местность, в которой ему запрещено проживание. В отдельных случаях указанный срок может быть понижен до одного дня».

23. Рождественский тропарь (краткое песнопение, посвященное празднику): «Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума, в нем бо звездам служащи звездою учаюся Тебе кланяться, Солнцу правды, и Тебе ведети с высоты Востока. Господи, слава Тебе!».

24. Согласно подсчетам П. Паламарчука, из 764 православных храмов, действовавших в Москве в 1917 году, к 1990 году разрушено 381 (см.: Сорок Сороков. М., 1992. Т. 1. С. 7). Уничтожены такие святыни, как храм Христа Спасителя, Казанский собор на Красной площади. В числе разрушенных храмов была и красивейшая церковь XVII века — Успения на Покровке. Остатки ее — белокаменные оконные наличники и портал — размещены в северной стене Донского монастыря.

25. Убийство С. Кирова 1 декабря 1934 г. послужило поводом для нового витка репрес-

сий. В этот же день принимается постановление ЦИК «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик», поправшее основополагающие принципы права: предписывалось, в частности, заканчивать следствие по делам о терроре в срок не более 10 дней, дела слушать без участия сторон, не допускалась подача ходатайств о помиловании. Резко возросло число осужденных по делам, расследуемым органами госбезопасности: с 76.999 в 1934 году до 267.076 в 1935-м (официальные данные ЦА МБР).

26. С 1690 г. Кунцево — владение Нарышкиных, с живописным парком и двухэтажным деревянным дворцом. В 1865 г. местность приобрели купцы-меценаты Солдатенков и Солодовников, построившие здесь дачи. Любимое место отдыха многих выдающихся деятелей отечественной культуры и искусства. В 1960—1980 гг. в Кунцеве сложился огромный жилой массив с домами в 12—17 этажей по обе стороны Можайского шоссе. Дворец, превращенный в коммуналку, сгорел в 1974 г. и был возведен заново из камня. Сейчас там какое-то учреждение или контора.

27. Первые тревожные сведения о голоде стали поступать с мест в конце 1929 года (см.: Осокина Е. Указ. соч. С. 52). К лету 1930 г. он охватил целый ряд районов Северного Кавказа, Украины, Казахстана, Дальнего Востока, Сибири, Поволжья. В справке о продовольственных затруднениях, датированной 20.06.30, информационный отдел ОГПУ отмечал: «Значительная масса населения (Сибири) питается суррогатами. Отмечены случаи употребления в пищу трупов павших животных, употребления в пищу собак... В Посьетском районе (Дальневосточного края) единоличники ряда сел питаются травой» (ЦА МБР. Ф. 2. Оп. 8. Д. 653. Л. 255—256). Но несоизмеримой по своим масштабам была трагедия 1932—1933 гг. По расчетам Е. Осокиной (Указ. соч. С. 60), к жертвам голода 1933 г. можно отнести более 3 млн. человек. Немногим лучше было положение в очень тяжелый 1936 г. и более благополучные 1934 и 1935 гг. По расчетам В. Цаплина (Статистика жертв сталинизма в 30-е годы/Вопросы истории. 1989. № 4. С. 181), в 1927—1938 гг. умерло от голода и погибло в местах заключения около 7,9 млн. человек. Изучающий эту проблему с начала 70-х годов С. Максудов считает, что каждый пятый человек, умерший в стране в 1927—1938 гг., умер от голода (см.: Звенья. Вып. 1. М., 1991. С. 88). Существуют и другие точки зрения (подробнее см.: Звенья. Вып. 1. М., 1991. С. 69—73).

Публикация
Владимира ГОНЧАРОВА

«На Всегдашнюю ПАМЯТЬ Будущих Времен»

*Письма атамана Платова к императрице
Марии Федоровне*

Мало кто из донских атаманов может сравниться по популярности с Матвеем Ивановичем Платовым (1753—1818). Вся жизнь знаменитого казачьего генерала прошла в походах и сражениях. Впечатляет его послужной список: русско-турецкая война 1768—1774 г., служба на Кавказской линии в 1782—1786 г.,

русско-турецкая война 1787—1791 г., персидский поход 1796 г., индийский поход 1801 г., кампания против Наполеона 1807 г., участие в войне с Турцией в 1808—1809 г., Отечественная война 1812 г. и заграничные походы русской армии в 1813—1815 г. В 1801 г. Платов стал войсковым атама-

ном и сразу же столкнулся с мощной оппозицией в казачьей верхушке. Среди его противников были известные донские генералы: граф Ф. П. Денисов, Д. И. и П. Д. Иловайские, И. Н. Бузин, А. К. Денисов 6-й. Новый атаман понимал, что ему не удержаться на посту без поддержки в «верхах». Отсюда его частые поездки в Петербург, где он постепенно становится своим

человеком в окружении вдовствующей императрицы Марии Федоровны, вдовы Павла I. Между ними установилась постоянная переписка. Их отношения были полны забавных эпизодов, давших почву для многих исторических анекдотов. В письмах Платова к Марии Федоровне сохранены особенности языка тех лет, а также авторская орфография.

№ 1.

Всемилоостивейшая Государыня!

Обязываясь глубочайшим моим к Вашему Императорскому Величеству благовоением, приемлю смелость принесть Тебе Всемилоостивейшая Государыня! сердечное мое поздравление с наступившим новым годом.

Да будет здравие и благоденствие Вашего Императорского Величества в течении оногo и на будущие года всегда не нарушимо, и умножаясь да умножит душевное и нелицемерное мое о продолжении оногo желание. Чувства таковы к особе Вашей Всемилоостивейшая Государыня, пребудут во мне вечно, которые не только сохранить, но паче увеличить, поставляю приятным и священным для себя законом.

Всемилоостивейшая Государыня
Вашего Императорского Величества
всенижайший *Матвей Платов*

в Черкасске
генваря 4 дня
1805 года

ОР РНБ. Ф. 143. Ед. хр. 203. Л. 1—1 об. Авторизованная писарская копия.

№ 2.

Всемилоостивейшая Государыня!

Имел я щастие удостоится видеть в письме князя Багратиона¹, приписанное ко мне Ваше Императорское Всемилоостивейшая Государыня благоволение, и сверх того сего дня в полученном мною письме, от генерала Вязмитинова², таковое же всемилоостивейшее, спешу яко подданнейший принесть за таковое Ваше Императорское Всемилоостивейшее напоминание обо мне подданническую душевную и всенижайшую мою благодарность. Прошу всевышнего, чтобы благословил меня лично удостоиться за толикую милость ко мне Вашего Императорского Величества, пасть к стопам Вашим.

Всемилоостивейшая Государыня! благословением Твоим, которым Вы Всемилоостивейше удостоили меня при отъезде моем в 15 день генваря, доехал я за границу к армии³ в расступлении нездоровья моего поспешно, прибыл накануне Прейшь-Эйлауского достопамятного сражения⁴. Был во оном с донскими полками, которых я тогда при армии нашел, по благодсти божеской и по Вашему Императорскому благословению щастливо и удачно. Потом чрез несколько дней подоспели ко мне с Дону следовавшие форсированным маршем донские полки. По долгу моему сколько сил моих и знания доставало, трудился Всемилоостивейшая Государыня! не в похвалу себе а по истинне подданнической донесу: в прошедшие месяцы до сего времени, шпиговал их по Вашему благословению изрядно. Брал много в плен их дерзких штаб и обер-офицеров, а сколько я и щет им потерял; знает про то главнокомандующий армиею⁵, коему я их доставлял.

Гордость, а больше дерзость французов выбита из головы их. Доведены они до изнурения. Кавалерия их дерзка донскими казаками вся истреблена, а пехоты они потеряли много и много. Сидят они теперь кроме Данцига против нас как мыши в норах, так и они, за реками Алле и Амудеею оборонительно в окопах, где я с ними

30-го апреля при Рудах и Малге, а 1-го мая под Аленштейном делал дела слава богу удачно.

И так зимняя кампания хвала богу кончилась удачно. Государь Император⁶ к нам в армию прибыл. Благослови господи! начинаемую весенеюю и летнюю кампанию кончить в вьшшим успехом.

Осмеливаюсь всеподданнейше принести всенижайшую мою благодарность Ея Императорскому Высочеству великой княжне Екатерине Павловне⁷, за милостивое Ея обо мне напамятование, которое я имел щастие удостоиться слышать чрез князя Багратиона.

Всемиловивейшая Государыня! Корпию по приказанию Вашему Императорскому я получил от лейб-хирурга Вилле⁸. Удостоились оною пользоваться и теперь пользуются войска донского штаб и обер-офицеры и многие казаки. Всем им известно что сия милость от рук Ваших Всемиловивейшая Государыня! много и много в ранах своих имеют облегчение.

Всемиловивейшая Государыня
Вашего Императорского Величества
верноподданнейший *Матвей Платов*

в старой Пруссии
близ Пасенгейма
селение Мольшевен
мая 7-го дня

1807 года

Там же. Л. 2—3 об.

№ 3.

Всемиловивейшая Государыня!

Осмеливаюсь всеподданнейше поздравить Вашего Императорского Величества с окончанием с французами войны, и миром⁹; и приношу мою подданническую благодарность за напоминовение Ваше обо мне, что я неоднократно от приезжавших имел щастие получать Ваше Всемиловивейшая Государыня! ко мне благоволение. Ея Императорскому Высочеству великой княжне Екатерине Павловне мое всенижайшее почтение, за столь великую Ея милость, которую объявил мне Его Императорское Высочество цесаревич и великий князь Константин Павлович¹⁰. Я теперь после войны с французами, последовал по Высочайшей воле с войском донским в Молдавскую армию против турок¹¹.

Всемиловивейшая Государыня
Вашего Императорского Величества
подданнейший *Матвей Платов*

июля 6-го дня
1807 года
сел. Лумпенен

Там же. Л. 4—4 об.

№ 4.

Всемиловивейшая Государыня!

Благоволительное письмо Ваше Всемиловивейшая Государыня от 14-го июня, я имел щастие получить, за которое и приемлемое в положении моем Матернее Вашего Императорского Величества участие, приношу мою подданническую благодарность.

Высочайшим Вашим благословением которое я удостоился принять с особливейшем благоговением моим от Вас Всемиловивейшая Государыня при самом выезде моем из Санктпетербурга в Молдавскую армию, повторенным и в оном благоволительном письме благословением, под Браиловом с неприятелем сверх 7-го мая еще 26 июня и сего июля 19-го и 20 числа подрался, и слава богу удачно поразил его. В сих случаях побито его много и в плен взято турецких чиновников и рядовых довольно, что известно будет из донесений генерал-фельдмаршала князя Прозоровского¹², которой таковым поражением неприятеля доволен. Надеюсь я что благосло-

вением Вашим Всемилов-
твейшая Государыня и
впредь дела мои с непри-
ятелем будут щасливы.

С днем тезоименитст-
ва Вашего Императорского
Величества подданничес-
ким моим долгом обязыва-
юсь поздравить Вас Всеми-
ловтвейшая Государыня! Я
на возвратном пути с под

Брайлова хотя в степи и без церкви, но принес теплые молитвы мои госпуду богу о
здравии и благоденствии Вашего Величества, и вместе с походным войском в
усугубление сердечных чувств подданничества нашего выпили за здравие Ваше
Всемиловтвейшая Государыня! по стакану вина.

С подданническим благоговением моим повергаю себя к Освященнейшим
Вашего Императорского Величества стопам.

Всемиловтвейшая Государыня
Вашего Императорского Величества
всеподданнейший *Матвей Платов*

июля 22-го дня
1809 года
при Визирском бросе
Там же. Л. 5—6.

№ 5.

Всемиловтвейшая Государыня!

С днем Высочайшего Вашего Императорского Величества рождения вернопод-
данническим долгом моим поставляя принесть мое всенижайшее поздравление.
Прошу бога чтобы он всегда сопровождал Высочайшую жизнь Твою Всемиловтвей-
шая Государыня во всяком благоденствии.

Я с походным войском командования моего хотя в поле и в виду неприятеля, но
нося на себе Матернее Вашего Императорского Величества благословение, которым
я везде, и даже в самых делах с неприятелем руководствуюсь в благоуспешностях, из
душевных чувствований моих во оный знаменитый день с наличными генералитет
штаб и обер-офицерами за полевым столом выпили за здравие и долгоденствие Твое

Всемиловейшая Государыня по рюмке вина.

С совершеннейшим благовоением и верноподданнической преданностью повергаю себя к освященнейшим стопам Вашего Императорского Величества.

Всемиловейшая Государыня!
Вашего Императорского Величества
верноподданнейший *Матвей Платов*

октябрь 14 дня
1809 года
в лагере близ Силистрии¹³
Там же. Л. 7—7 об.

№ 6.

Всемиловейшая Государыня!

К душевному прискорбию моему здоровье мое от болезни еще не укрепилось, и потому не имею счастья принести лично Вашему Императорскому Величеству всеподданнейшее поздравление со днем тезоименитства государыни великой княжны Анны Павловны¹⁴. Продли господи благоденственное здравие Ваше Всемиловейшая Государыня! и всего Августейшего Императорского дома на многие лета.

С глубочайшим благовоением имею счастье быть во всю мою жизнь.

Всемиловейшая Государыня!
Вашего Императорского Величества
всеподданнейший *Матвей Платов*

3-го февраля
1812 года
в Петербурге
Там же. Л. 8.

№ 7.

Всемиловейшая Государыня!

От главного инспектора медицинской части по военному департаменту действительного статского советника Виллие, получил я по высочайшей воле Вашего Императорского Величества присланные для походного войска Донского собствен-

ных трудов ваших Всемиловейшая Государыня и Всеавгустейших ваших дочерей, корпию, бандажи, компрессы и две дюжины перчаток.

Благоговая к Священнойшей Особе Вашего Императорского Величества, и преисполняясь верноподданническою благодарностию за толь неоцененное Матернее Ваше попечение о воинах Высочайше вверенного мне Донского войска, готовых всегда на защиту Августейшего престола и любезнейшего Отечества нашего, я из числа оных вещей одни перчатки и малую часть корпии, бандажей и компрессов оставил собственно для себя, на случай надобности, которые если употреблены не будут, то останутся при войске для хранения на всегдашнюю память будущих времен, как неоцененный дар Августейших трудов Ваших. Прочее же все количество отдал я для сохранения и употребления находящемуся при вверенном мне корпусе доктору Нестерову.

С душевным благоговением к Освященнойшей Особе Вашего Императорского Величества вечно перебуду.

Всемиловейшая Государыня
Вашего Императорского Величества
верноподданнейший *Матвей Платов*

в Вильне
мая 7-го дня
1812 года

Там же. Л. 9—9 об.

Приложение к письму

Список с отношения генерала от кавалерии Платова к главному по армии медицинскому инспектору от 7 мая 1812 г. № 590.

При почтенном уведомлении вашего превосходительства от 7 сего месяца присланные для походного войска Донского по высочайшей воле Ея Императорского Величества Всемиловейшей Государыни Императрицы Марии Федоровны собственных Ея трудов корпию, бинты и компрессы и собственных Ея Величества перчаток две дюжины я имел честь от вас получить.

Будучи преисполнен к Священнойшей Особе Ея Императорского Величества благоговением и верноподданническим благодарением, я твердо уверен, что воины Высочайше вверенного мне Донского войска, видя столь неоцененное Всеавгустейшей Государыни Матернее попечение о них, ощутят новые силы на защиту престола и любезнейшего Отечества, коему преданы мы всею душою. Из числа перчаток одну пару и малую часть корпия, бинтов и компрессов оставил я у себя для будущей иногда в них надобности. Но ежели оные не будут употреблены, то останутся при войске для хранения на всегдашнюю память будущих времен, как знаки всеавгустейших трудов.

Имею честь быть и проч.

Подписал: *Матвей Платов.*

Список с отношения генерал-лейтенанта Алсуфьева¹⁵ от 10 мая 1812 года.

Присланные от Ея Императорского Величества вдовствующей Государыни Императрицы двенадцать пар лайковых перчаток и английской корпии на 17-ю пехотную дивизию мною получены.

Список с отношения генерал-майора графа Строганова¹⁶ от 8 мая 1812 г. № 369.

Присланные мне вами компрессы, корпию, повязки и перчатки, приуготовленные попечением Ея Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны, и назначенные именно в Павловской гренадерской полк, мною немедленно в оный доставлены. Милосердное попечение Ея Величества доведено по приказанию моему до сведения каждого в сем полку и произвело во всех чувства живейшие благодарности. Извещая вас, милостивый государь мой, о исполнении воли Ея Величества, честь имею быть и проч.

Там же. Л. 10—11.

№ 8.

Всемиловейшая Государыня!

Помня священный долг мой доносить Вашему Императорскому Величеству, я до сего времени, не имел свободного случая, ниже okazji: ибо с 16-го числа прошлого июня находился в ежесуточном движении не сходя с лошади.

Теперь по присоединении моем к первой армии, имею щастие донести Вашему Императорскому Величеству, что по Матернему благословию Вашему я здоров. С дерзким неприятелем имел не однократно дело и по благословию же Вашему Всемиловейшая Государыня! поражал его везде, где только он со мною встречался.

Об одержанных мною над ним победах описывать я не распространяюсь, уверен,

что Ваше Величество изволит увидеть из ведомостей; — у меня же благодарение богу урону очень мало.

Признаюсь Всемилостивейшая Государыня! что неприятель и дерзок и силен; но теперь по соединении обеих западных армий наших при Смоленске¹⁷, бог нам да поможет поразить врага, и разрушить дерзостные предприятия его, которые он злоумышлял тогда, когда не соединились еще силы наши.

Нынешний день Высочайшего тезоименитства Вашего Всемилостивейшая Государыня! вселяет в меня благоговейное чувство принести Вашему Императорскому Величеству верноподданническое поздравление мое; душевно желая, да продлит господь бог драгоценнейшие дни жизни Вашей и всего Августейшего дому на многие пред идущие лета, во благоденствии и вожделеннейшем здравии.

Драгоценнейших трудов Вашего Императорского Величества корпия и бандажи облегчают полученные раны двух донских генералов, Иловайского 5-го¹⁸ и Кутейникова 2-го¹⁹, до двадцати офицеров и часть казаков.

С душевным благоговением к особе Вашего Императорского Величества вечно буду.

Всемилостивейшая Государыня
Вашего Императорского Величества
верноподданнейший *Матвей Платов*

июля 22. дня

1812 года

в лагере при деревне Выдре, от Смоленска в 20-ти верстах

Там же. Л. 12—13.

№ 9.

Всемилостивейшая Государыня!

Имея счастье пользоваться Высокомонаршим Матерним благоволением Вашего Императорского Величества, имею подданнической долг принести душевное поздравление мое с высокаторжественным днем рождения Вашего Всемилостивейшая Государыня!

Накануне сего торжественного праздника прибывшие с Дону вновь под командою генерал-майора Алексея Иловайского²⁰ и отряженные со мною по повелению фельдмаршала в тыл неприятеля донские полки разбили одного на калужской дороге идущей из Москвы у города Мало-Ярославца. Побито довольно, полонено и взято одиннадцать пушек. Другой отряд в трех донских полках командированный мною под командою полковника Иловайского 9-го²¹ впереди города Медыня у селения Кременца разбивши неприятеля отбил пять пушек, убил одного французского генерала и одного генерала же Хацкевича²² взял в плен. Третий отряд под командою генерал-майора Кутейникова 2-го, посланный от меня далее в самый тыл неприятеля поразил одного у города Боровска.

Во всех сих поражениях полонено более тысячи, и то из человечества взяты, более же резали их дерзких.

В числе плена взят неприятельской дипломатик с картами и важными бумагами за рукою Бертъе²³, которые и отправлены к фельдмаршалу нашему²⁴. Бумаги сии много открыли в пользу нашу о неприятельских замыслах.

Сегодня на самый день праздника неприятель имел также с нами сражение, но нигде ни в чем нимало не успел.

Бог милостив Всемилостивейшая Государыня! Мы же восстахом и исправимся! По обстоятельствам предвидится, и как кажется я не ошибаюсь, что враг наш от таковых поражений его, обратится вспять.

С душевным благоговением к особе Вашего Императорского Величества пребуду вечно.

Всемилостивейшая Государыня!
Вашего Императорского Величества
верноподданный *Платов*

октября 14-го дня

1812 года

в лагере у Мало-Ярославца

Там же. Л. 14—15 об.

№ 10.

Всемилостивейшая Государыня!

По случаю нахождения моего теперь при главной квартире армии, и отправления

отсюда сего нарочного, я за священный долг вменяю себе изъяснить чрез сие чувства верноподданнического благоговения моего к Вашему Императорскому Величеству, каковым преисполнена душа моя, и вместе с тем всеподданнейше поздравить со взятием города Гамбурга²⁵. Да продлит господь бог драгоценнейшие дни жизни Вашей Всемилолюбивейшая Государыня во здравии и благоденствии на многие будущие лета.

С таковым глубочайшим благоговением к Высочайшей Особе Вашей вечно пребуду.

Всемилолюбивейшая Государыня!
Вашего Императорского Величества
верноподданнейший граф *Платов*

марта 14 дня
1813 года
Город Калиш
Варшавского герцогства
Там же. Л. 16.

№ 11.

Всемилолюбивейшая Государыня!
Высочайшее Вашего Императорского Величества благоволение, от 1-го числа сего месяца, я имел счастье получить. Принося за оное верноподданническое благодарение мое и поздравление с наступившим великим праздником Светлого Христова Воскресения, верноподданнейше доношу Вам Всемилолюбивейшая Государыня! что дела у нас благодарение богу идут весьма хорошо. Душевно желаю: да усовершенствует Всевышний желание Всемилолюбивейшего Государя Императора нашего для блага человечества всей Европы.

С таковым душевным чувствованием и глубочайшим к Высочайшей Особе Вашего Императорского Величества благоговением вечно пребуду.

Всемилолюбивейшая Государыня!
Вашего Императорского Величества
верноподданнейший граф *Платов*

апреля 16 дня
1813 года
город Дрезден
Там же. Л. 17.

№ 12.

Всемилолюбивейшая Государыня
Имею счастье всеподданнейше поздравить Ваше Императорское Величество с тезоименитством Вашим Всемилолюбивейшая Государыня. Сей благословенный день празднован Его Императорским Величеством и королем прусским²⁶ в Силезии в городе Ландеке, где и я по нахождению моему имел счастье с верноподданническим усердием праздновать.

Истиннейше желаю Вам Всемилолюбивейшая Государыня много лет совершеннейшего здоровья.

С глубочайшим моим благоговением, и верноподданническою преданностью вечно пребуду.

Всемилолюбивейшая Государыня
Вашего Императорского Величества
верноподданнейший граф *Платов*

июля 22-го дня
1813-го года
Город Ландек
Там же. Л. 18.

№ 13.

Всемилолюбивейшая Государыня
Имею долг и счастье верноподданнически поздравить Ваше Императорское Величество с настоящим днем рождения вашего. Молю Господа Бога да продлит Он драгоценнейшие дни жизни вашей Всемилолюбивейшая Государыня на многие лета!

Верноподданнически доношу Вашему Императорскому Величеству, что над неприятелем одержаны пред сим победы, о которых известно вам Всемилолюбивейшая Государыня; но славная победа, над ним 6-го числа сего месяца при Лейпциге

одержанная²⁷, решила участь всей Европы до сего злодейски угнетаемой; и есть надежда что после сего восстановится общее спокойствие и блаженство народов в ней обитаемых по желанию и намерению Августейшего Государя Императора Нашего.

Теперь ретируется неприятель с великою торопливостью, подрывает в виду нашем зарядные ящики, и сожигает лишние обозы свои. Я по воле Всемилостивейшего Государя Императора с войсками гоню его. Ежедневно бью и беру в плен; а в ночное время тревожу его, не даю ему покою, и не отстану от него ни мало до самого Рейна.

10-го числа сего месяца в первом часу пополудни лишь только приблизился я к Веймару вдруг неприятель в самое то время с северной стороны ворвался в город, приблизился к герцогскому дворцу, с намерением нащет герцога²⁸ и фамилии его, и для разграбления города; но бог спешествующий великим намерениям Всемилостивейшего Государя Нашего, помог мне при жестоком сражении среди городских улиц выбить его из города и прогнать с поражением более мили от Веймара. Город защищен и спасен от грабительства неприятельского. О чем достоверно известно будет Вашему Императорскому Величеству.

После отражения неприятеля имел я честь быть в доме герцога веймарского, угощаем был им и наследным принцем²⁹ хлебом солью — и к совершенному удовольствию моему видел любезнейшую внучку вашу Всемилостивейшая Государыня поцеловал ее с моим усердием в руку и в чело; потом в ночь преследовал неприятеля до Эрфурта и далее чрез Готту и Эйзанах. В продолжении прошедших трех дней явилось ко мне несколько батальонов войск, бывших с неприятелем в союзе и отстающих от него в том числе два полка виртембергских и разных наций. А нынешнего утра прибыли ко мне два батальона баварской пехоты, два полка варцбургских и по части других наций с штаб и обер офицерами. Баварцев отправил я к баварскому корпусу генерала графа Вреде³⁰, следующему для соединения с нами от Варцбурга.

С глубочайшим благоговением к Высочайшей особе Вашего Императорского Величества вечно пребуду.

Всемилостивейшая Государыня
Вашего Императорского Величества
верноподданнейший граф *Платов*

октября 14-го дня
1813-го года
селение Дерббах

ОР РНБ. Ф. 124. Ед. хр. 3351. Л. 1—2 об. Авторизованная писарская копия.

№ 14.

Всемилостивейшая Государыня!

С высокаторжественным праздником светлого Христова воскресения, и с величайшим торжеством происходившем при высочайшем входе Августейшего Монарха нашего Александра Великого, с победоносным его воинством в Париж³¹, приношу Вашему Императорскому Величеству верноподданническое душевное поздравление мое.

Всемилостивейшая Государыня! торжества сего я не в состоянии описать; но верноподданнейше доношу только, что в прошедших веках не бывало такового, и едва ли будет в будущих. С обеих сторон было неизобразимое радостное восхищение, сопровождавшееся восклицанием многочисленного народа жителей Парижа: да здравствует Великий Александр! устрающий благоденствие и мир целой Европы.

Принося Вашему Императорскому Величеству верноподданническое поздравление мое с благополучным окончанием минувшей важной войны, я молю Господа Бога, да продлит он драгоценнейшие дни жизни Вашей Всемилостивейшая Государыня! и всего Августейшего Дома, на многие будущие лета.

С таким верноподданническим благоговейным чувствованием к высочайшей особе Вашего Императорского Величества вечно пребуду.

Всемилостивейшая Государыня!
Вашего Императорского Величества
верноподданнейший граф *Платов*

апреля 2-го дня
1814 года
Париж

ОР РНБ. Ф. 143. Ед. хр. 203. Л. 19—20. Авторизованная писарская копия.

№ 15.

Всемиловейшая Государыня

Имею щастие с благоговением повергнуть пред Вами Всемиловейшая Государыня от себя и от всего Войска Донского, начальствованию моему Высочайшею доверенностию Августейшего Монарха вверенного всеподданнейшее поздравление с наступившим новым 1817-м годом, моля Творца вышнего о сохранении вожденнейших и драгоценнейших для нас дней Вашего Императорского Величества на множайшие годы.

Всемиловейшая Государыня
Вашего Императорского Величества
всеподданнейший граф *Платов*

января 1-го дня
1817-го года
Новочеркасск

Там же. Л. 21.

№ 16.

Всемиловейшая Государыня

По уведомлению приятелей моих известился я, что по высочайшему Вашего Императорского Величества повелению назначены к выпуску из Воспитательного Дома в течении нынешнего года 13-ть воспитаниц, для обучения детей дамского пола, а также приготовляются к выпуску до 30-ти акушеров с хорошими аттестатами.

Имея счастье носить на себе всемиловейшее благоволение Вашего Императорского Величества осмеливаюсь всеподданнейше испрашивать Высочайшего повеления об отпуске на Дон в город Новочеркасск двух воспитаниц и одной акушерки. Воспитаницы будут заниматься, одна обучением внуков моих, а другая детей войска донского генерал-майора Луковкина³², весьма почтенного у нас человека и желающего при достаточном состоянии своем дать соответственное воспитание дочерям своим.

Всемиловейшая Государыня
Вашего Императорского Величества
всеподданнейший граф *Платов*

Новочеркасск
января 18 дня
1817 года

Там же. Л. 22—22 об.

№ 17.

Всемиловейшая Государыня!

Настоящее всерадостнейшее торжество в высокаторжественный день тезоименитства Вашего Императорского Величества совершаемое, устремляет сердца наши, объятые восторгом и радостью, к Творцу вышнему с непрестанными молениями нашими о сохранении вожденнейших дней Вашего Величества на множайшие годы. Сии верноподданнические чувствования осмеливаюсь излить пред Вами Всемиловейшая Государыня, с повержением при глубочайшем благоговении всеподданнейшего моего по сему случаю поздравления.

Всемиловейшая Государыня
Вашего Императорского Величества
всеподданнейший граф *Платов*

Новочеркасск
июля 22 дня
1817 года

Там же. Л. 23.

№ 18.

Всемиловейшая Государыня

Тихий Дон возликовал новою радостью при получении драгоценнейшего известия о благополучном совершении события, знаменующего для всего любезнейшего отечества нашего новую творческую благодать. Бракосочетание Его Императорского Величества государя великого князя Николая Павловича³³ исполнило сердца наши живейшим восторгом и благодарением к всевышнему. Принеся господа богу, подателю всех благ, молебствие наше при всеобщем соликовании народа и пушечных выстрелах о сохранении вожденнейших дней высоких новобрачных особ и всего августейшего дома на множайшие годы, осмеливаюсь от себя и от всего войска

Донского, начальствованию моему доверенностию Всеавгустейшего Монарха вверенного, повергнуть с глубочайшим благоговением пред вами, Всемиловейшая Государыня, всеподданнейшее с сим торжественным случаем поздравление.

Всемиловейшая Государыня
Вашего Императорского Величества
всеподданнейший граф Платов

августа 12 дня

1817 года

Новочеркасск

Там же. Л. 24—24 об.

№ 19.

Всемиловейшая Государыня

Снова озарены мы Высокомонаршим благоволением Всемиловейшего Государя и Вашего Императорского Величества, имев счастье созерцать посреди нас Его Императорское Высочество государя великого князя Михаила Павловича³⁴. Высокое посещение Его Высочества радостно и восхитительно для сердец наших. Мы не могли в столь короткие минуты высокого присутствия Его у нас насладиться довольно лицезрением Его; но Его кротость, Его благоснисходительность и ангельская приветливость врезаны на веки в сердцах наших с благодарными чувствованиями. Вам, Всемиловейшая Государыня, осмеливаюсь повергнуть от лица всего войска Донского всеподданнейшую благодарность за сей новый драгоценнейший и на веки незабвенный знак Монаршего к нам благовнимания, вменяя себе при том в священный долг донести Вашему Величеству, что Его Высочество прибыв к нам в Новочеркасск 16-го сего течения, изволил провести здесь 17-е и поутру 18-го отправился в Старо-Черкасск, Ростов и далее по тракту к Таганрогу. Я имел счастье к сердечному утешению моему сопровождать Его Высочество до г. Азова, откуда 20 числа изволил Его Высочество отправиться далее в вожденнейшем здравии. Память и глубочайшее благоговение наше купно с признательными верноподданническими чувствованиями за изливаемые на нас щедроты Всемиловейшей Государыни и Августейшего Монарха прейдут из рода в род и все веки!

Всемиловейшая Государыня
Вашего Императорского Величества
всеподданнейший граф Платов

сентября 24-го дня

1817 года

Новочеркасск

Там же. Л. 25—26.

№ 20.

Всемиловейшая Государыня

С высокоторжественным днем рождения Вашего Императорского Величества священнейшим долгом имею повергнуть пред Вами, Всемиловейшая Государыня, всеподданнейшее мое поздравление. Имея счастье праздновать здесь со всем генералитетом и прочими чинами войска Донского сей драгоценнейший день, мы с сердцами, исполненными живейшего восторга и радости, возносили во храм бога, при пушечных выстрелах, по донскому нашему обыкновению, благодарения наши к Алтарю вездесущего за сохранение вожденнейшего здравия Вашего Величества; и молим его всещедрую благодать о продлении оного на многие и многие лета. С сими чувствованиями осмеливаюсь также повергнуть Вашему Императорскому Величеству всеподданнейшую благодарность за удостоение меня всемиловейшим рескриптом, в 3-й день сего октября состоявшимся, а мною в нынешний радостнейший день полученным. Выражения оного особой Высочайшей милости Монархини исполненные, запечатлены навеки в сердце моем с глубочайшею признательностью и тем благоговением, с которыми повергаю себя к освященным стопам Вашего Величества.

Всемиловейшая Государыня
Вашего Императорского Величества
всеподданнейший граф Платов

октября 14 дня

1817 года

г. Новочеркасск

Там же. Л. 27—28.

1. Багратион Петр Иванович (1765—1812) — князь, генерал-лейтенант, впоследствии генерал от инфантерии.
2. Вязмитинов Сергей Козьмич (1749—1819) — граф, генерал от инфантерии.
3. Речь идет об участии М. И. Платова в русско-пруско-французской войне 1806—1807 гг.
4. В сражении 27—28 января 1807 г. при прусском городе Прейсиш-Эйлау русская армия успешно отразила атаки наполеоновских войск.
5. Имеется в виду Леонтий Леонтьевич Беннигсен (1745—1826) — граф, генерал от кавалерии, в 1807 г. командующий русской армией, действовавшей против войск Наполеона.
6. Речь идет об Александре I (1777—1825) — российском императоре с 1801 г.
7. Екатерина Павловна (1788—1819) — великая княгиня, дочь Павла I и Марии Федоровны, сестра Александра I.
8. Виллие Яков Васильевич (1768—1854) — лейб-медик, главный военно-медицинский инспектор, впоследствии президент Медико-хирургической академии (1808—1838), почетный член Петербургской Академии наук (1814).
9. После поражения русских войск 2 июня 1807 г. под прусским городом Фридландом Александр I был вынужден 25 июня 1807 г. заключить с Наполеоном Тильзитский мир.
10. Константин Павлович (1779—1831) — великий князь, сын Павла I и Марии Федоровны, в 1801—1825 гг. наследник российского престола.
11. Речь идет об участии М. И. Платова в русско-турецкой войне 1806—1812 гг.
12. Прозоровский Александр Александрович (1732—1809) — князь, генерал-фельдмаршал, командующий русской Дунайской армией в 1808—1809 гг.
13. Силистрия — турецкая крепость на правом берегу Дуная.
14. Анна Павловна (1795—1865) — великая княгиня, дочь Павла I и Марии Федоровны, сестра Александра I.
15. Алсуфьев (Олсуфьев) Захар Дмитриевич (1772—1835) — генерал-лейтенант, начальник 17-й пехотной дивизии.
16. Строганов Павел Александрович (1774—1817) — граф, генерал-майор, начальник Сводной гренадерской дивизии.
17. Соединение отступающих под натиском войск Наполеона 1-й и 2-й русских армий произошло в Смоленске 22 июля 1812 г.
18. Иловайский 5-й Николай Васильевич (1772—1828) — генерал-майор, впоследствии генерал-лейтенант.
19. Кутейников 2-й Дмитрий Ефимович (1766—1844) — генерал-майор, впоследствии войсковой наказной атаман.
20. Иловайский 3-й Алексей Васильевич (1767—1842) — генерал-майор, впоследствии войсковой атаман.
21. Иловайский 9-й Григорий Дмитриевич (1780—1842) — полковник, впоследствии генерал-майор.
22. По-видимому, имеется в виду польский генерал Тадеуш Тышкевич (1774—1852).
23. Бертье Александр (1753—1815) — князь Невшательский и Ваграмский, маршал Франции, начальник Главного штаба армии Наполеона.
24. Имеется в виду Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов (1745—1813) — светлейший князь Смоленский, генерал-фельдмаршал, главнокомандующий русской армией с августа 1812-го по апрель 1813 г.
25. Гамбург был взят русскими войсками 18 марта 1813 г.
26. Имеется в виду Фридрих Вильгельм III (1770—1840) — король Пруссии с 1797 г.
27. В «битве народов» 4—7 октября 1813 г. под Лейпцигом армия Наполеона потерпела поражение от войск союзников.
28. Имеется в виду Карл Август (1757—1828) — герцог саксен-веймар-эйзенахский, с 1815 г. великий герцог. В 1813 г. примкнул к союзу против Наполеона.
29. Карл Фридрих (1783—1853) — наследный принц саксен-веймар-эйзенахский, был женат на великой княгине Марии Павловне, дочери Павла I и Марии Федоровны. С 1828 г. великий герцог.
30. Вреде Карл Филипп (1767—1839) — граф, генерал от кавалерии, командир баварского корпуса, с 1814 г. генерал-фельдмаршал.
31. Вступление русских войск в Париж состоялось 18 марта 1814 г.
32. Луковкин Гавриил Амвросиевич (1772—1849) — генерал-майор.
33. Николай Павлович (1796—1855) — великий князь, сын Павла I и Марии Федоровны, с 1825 г. император Николай I. 20 июня 1817 г. вступил в брак с дочерью прусского короля Фридриха Вильгельма III принцессой Фредерикой Луизой Шарлоттой Вильгельминой, принявшей имя Александры Федоровны.
34. Михаил Павлович (1798—1848) — великий князь, сын Павла I и Марии Федоровны, брат Александра I.

*Публикация
Александра САПОЖНИКОВА*

ФОТОАРХИВ

Предлагаем посмотреть снимки
из семейного альбома Л. Б. Каменева,
члена Политбюро, председателя Моссовета,
соратника И. В. Сталина.
Его жертвой он станет потом.

Революционер, интеллигент, предатель, троцкистский шпион — так в разные годы писали в советской печати о Льве Борисовиче Розенфельде, более известном в нашей истории под псевдонимом Каменев (1883—1936). Выходец из мелкомещанской среды, Каменев активно включился в революционное движение и стал одним из лидеров большевистской партии. Несмотря на известные разногласия с Лениным накануне Октябрьского

начинает безжалостно расправляться с бывшими соратниками, подавляя их морально и физически. В 1926 году Каменева исключают из Политбюро, в 1927-м из ЦК, а затем и из партии. В 1928-м после политического покаяния в партии его восстанавливают, но в 1932-м вновь исключают. В 1933-м опять восстанавливают. В 1934-м вновь исключают. В январе 1935 года игры закончились. По лживому обвинению Каменева приговаривают к 5-ти годам тюрьмы, а в июле

1923—1924 гг. Москва. О. Д. Каменева, Л. Б. Каменев, Александр Каменев (сын).

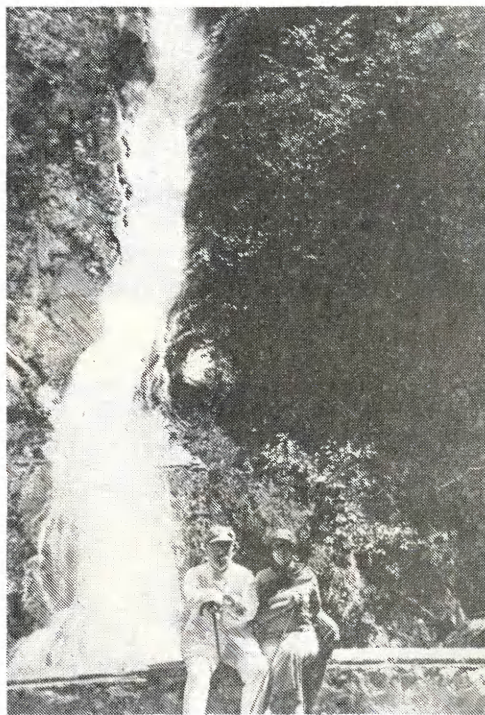
переворота, Каменев по личному предложению Ленина избирается председателем II съезда Советов, а затем и первым председателем Центрального Исполнительного Комитета. После смерти Ленина Каменев становится председателем Совета Труда и Оборона. Опасаясь претензий Троцкого на лидерство в партии, Каменев решительно поддерживает Сталина, чем, вероятно, предопределяет свою судьбу. Сталин виртуозно воспользовался ситуацией. Укрепив свои позиции, он

того же года добавляют еще 10 лет. В 1936 году по так называемому делу «троцкистско-зиновьевского объединенного центра» Каменева приговаривают к расстрелу... Публикуемые фотографии из личного архива Каменева охватывают период, когда над Львом Борисовичем уже сгустились тучи. Он еще не знает, что его ждет...

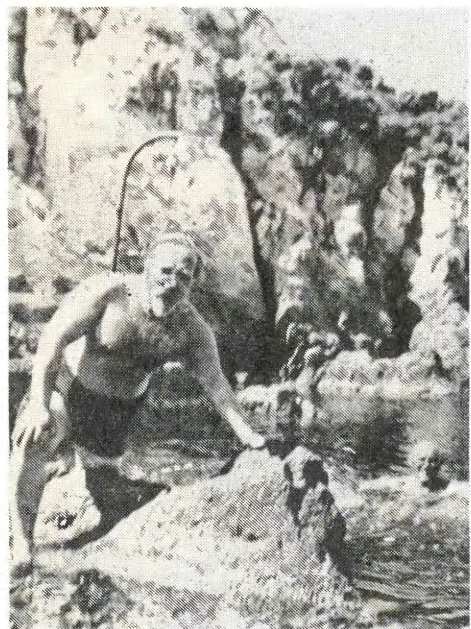
*Публикация
Ларисы РОГОВОЙ*

Ольга Давидовна Каменева,
1917 г. Петроград.

1931 г. Крым.

1920 г.
Ленинград.

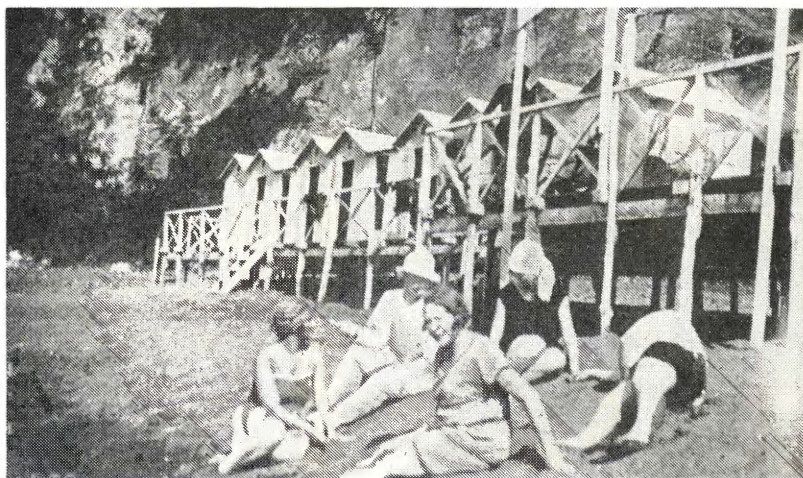
1926 г. Кисловодск.

1931 г. Крым.

1923 г.
Москва.

1931 г.
Крым.

1926 г.
Кисловодск.

1932—1935 гг. О. Д. Каменова,
Л. Б. Каменев и сыновья Александр
и Юрий.

1931 г. Крым.

Источник 4/1993

ПОДОПЛЕКА СОБЫТИЙ. ВЕРСИИ

Лаврентий Берия — властолюбец или реформатор?
*Документальное исследование послесталинских
«ста дней» маршала с Лубянки.*

Послевоенные репрессии.
*Рассекреченные документы по делу
руководителей авиационной промышленности
и командования ВВС.*

После Нобелевской премии.
*Борис Пастернак
глазами Политбюро и КГБ.*

В последнее время в средствах массовой информации проскальзывает мнение, что Л. П. Берия был чуть ли не предвестником горбачевской перестройки. Так ли это?

Сто Дней «Лубянского Маршала»

Л. П. Берия

Если быть предельно точным, то судьба отвела ему несколько больший срок — 112 дней. Этот период — с 5 марта по 26 июня 1953 года — фактически не исследован историками и политологами. Впрочем, это легко объяснимо. Ведь до сегодняшнего дня исследователи располагают лишь весьма противоречивыми воспоминаниями «реформаторов» 50—60-х годов да стенограммой июльского (1953 г.)

плenums ЦК КПСС, который и вынес вердикт по делу «лубянского маршала». В Государственном архиве Российской Федерации, где хранятся документы и материалы секретариата Берии, — это наиболее бедный в документальном отношении период. Порой кажется, что чья-то рука умышленно и безжалостно вырвала целую страницу отечественной истории.

Источник 4/1993

Борьба диадохов*

5 марта 1953 года в 21 час 50 минут скончался величайший диктатор XX столетия Иосиф Виссарионович Сталин. Его последние часы были ужасными. У постели умирающего толпились врачи, пытаясь облегчить страдания. На диване и в креслах сидели Н. С. Хрущев, Г. М. Маленков, Л. П. Берия, В. М. Молотов, Л. М. Каганович. Несколькими раз появлялся пьяный Василий и выкрикивал одну и ту же фразу: «Сволочи, загубили отца!». Словно окаменев, стояла у изголовья умирающего дочь Светлана. Его верные диадохи были, казалось, подавлены происходящим. Л. П. Берия периодически подходил к дивану, где лежал Сталин, говорил: «Товарищ Сталин, здесь находятся все члены Политбюро, скажи нам что-нибудь».

Однако умирающий ничего не сказал. Лишь в последнюю минуту он открыл глаза, обвел всех то ли безумным, то ли гневным взглядом и поднял вверх левую руку. Это был последний жест великого диктатора. По свидетельству С. И. Аллилуевой, «когда все было закончено, он (Берия. — Б. С.) первым выскочил в коридор, и в тишине зала, где все молча стояли вокруг, был слышен его громкий голос, не скрывающий торжества: «Хрусталеv! Машину!»¹ Он срочно выехал в Кремль. Кто-то из присутствующих членов Бюро Президиума ЦК КПСС сказал, что Берия поехал «брать власть».

Очевидно, эта фраза и послужила отправной точкой в формировании очередной мифологемы отечественной истории о том, что после смерти Сталина Л. П. Берия поставил своей целью захватить власть в партии и государстве.

Что же, борьба за власть после смерти создателя великой империи — явление не новое в мировой истории. Однако, оговоримся заранее, серьезными документальными источниками эта версия не подтверждается.

Берия, может быть, как никто другой в политическом руководстве, реально оценивал не только свое истинное положение в партийно-государственной иерархии власти, но и отношение к нему большинства населения страны. Для народа он был сталинским монстром, палачом.

В послевоенные годы Л. П. Берия неизменно оставался в центре политической жизни страны. С 1944 года он был заместителем Председателя Совета Министров СССР. 20 августа 1945 года при Государственном Комитете Обороны был образован Специальный комитет под его председательством. На комитет возлагалось, кроме прочего, «руководство всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана» (в дальнейшем преобразован в Специальный комитет при Совете Министров СССР). В день ареста Берии — 26 июня — комитет был ликвидирован, а его аппарат передан в только что образованное Министерство среднего машиностроения СССР.

У Лаврентия Павловича сложились непростые отношения с коллегами по ближайшему окружению Сталина. Все они ясно представляли, что этот лысый человек в пенсне знает о них очень много, гораздо больше, чем следовало, и в любой момент может «превратить в лагерную пыль», попросту уничтожить. Его боялись. В годы войны он особенно сблизился с Г. М. Маленковым. Отношения с Н. С. Хрущевым были сложнее — его природную сметку Берия все-таки недооценил.

Перечитывая воспоминания Никиты Сергеевича, невольно думаешь, что все-таки он лукавил, описывая отношения в политическом руководстве после смерти Сталина. Основная борьба за власть разворачивалась между Н. С. Хрущевым и Г. М. Маленковым. Л. П. Берия оказался между ними, имея в руках большую силу в виде разветвленного аппарата МВД и МГБ (численность аппарата Министерства внутренних дел до объединения его с МГБ составляла по штату 374 800 человек²). Авторитет Берии в этих органах был достаточно высок. Профессор Санкт-Петербургского университета экономики и финансов А. С. Наринский, работавший в экономических структурах МВД, вспоминает, что возвращение Берии к руководству объединенным МВД СССР в 1953 году было воспринято многими сотрудниками как «большой праздник».

За 1 час 10 минут до смерти И. В. Сталина состоялось заседание Бюро Президиума ЦК КПСС, на котором предварительно оговорили все организационные вопросы и признали необходимым «иметь в Центральном Комитете КПСС вместо двух органов ЦК — Президиум и Бюро Президиума один орган — Президиум Центрального Комитета КПСС, как это определено Уставом партии». Перед заседа-

* Диадохи — полководцы Александра Македонского, разделившие после его смерти (323 г. до н. э.) созданную им империю. — *Ред.*

нием Н. С. Хрущев предложил Г. М. Маленкову «*побеседовать, как мы дальше жить будем...*». Однако получил холодный отказ: «*А что сейчас говорить? Съедутся все, тогда и будем говорить. Для этого и собираемся*». По признанию Н. С. Хрущева, он почувствовал себя «*вне игры*»³.

Действительно, на совместном заседании пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР, Президиума Верховного Совета СССР 5 марта важнейшие организационные вопросы уже были решены. Берия выдвинул кандидатуру Г. М. Маленкова на пост Председателя Совета Министров СССР с освобождением его от обязанностей секретаря ЦК КПСС. Г. М. Маленков предложил объединить два министерства — МГБ и МВД в одно — Министерство внутренних дел СССР и назначить Л. П. Берия министром внутренних дел и первым заместителем Председателя Совета Министров СССР. Заместителем Председателя Совета Министров стал Л. М. Каганович, а К. Е. Ворошилов — Председателем Верховного Совета СССР. Н. С. Хрущев утвердили председателем комиссии по организации похорон И. В. Сталина, ему рекомендовали сосредоточиться на работе в ЦК КПСС.

Так 5 марта 1953 года начались «сто дней» Л. П. Берии.

«Надо восстановить законность...»

Став министром объединенного Министерства внутренних дел СССР, Л. П. Берия сосредоточил в своих руках огромную власть. Он непосредственно курировал работу следующих управлений: 3-го (разведка и контрразведка в СА и ВМФ), 8-го (шифровальное), 9-го (охрана правительства), 10-го (управление коменданта Московского Кремля), кадров, а также следственной части, контрольной инспекции, секретариатов МВД и Особого совещания.

Каким образом Берия намеревался использовать свою власть? Собирался ли он изменить положение в стране, вывести ее на путь развитых европейских стран? Документально это не зафиксировано. Однако в разговоре с Микояном он изложил свое кредо так: «*Надо восстановить законность, нельзя терпеть такое положение в стране. У нас много арестованных, их надо освободить и зря людей не посылать в лагеря. МВД надо сократить, у нас не охрана, а надзор за нами*»⁴. А 9 марта 1953 года, выступая на похоронах Сталина, с трибуны Мавзолея он заявил о гарантировании каждому гражданину СССР дарованных ему Конституцией прав личности. Такое заявление в устах палача прозвучало лицемерно. И тем не менее представляется, что это действительно была серьезная заявка на программу оздоровления страны, которая и начала претворяться в жизнь.

Во исполнение поручения Берии секретариат МВД в марте 1953 года подготовил и направил в ЦК КПСС и Совет Министров ряд предложений, подтверждающих серьезные намерения «маршала Лубянки». Прежде всего это касалось прекращения следственных дел. Арестованные по «делу врачей» были освобождены уже в марте 1953 года. На заседании Президиума ЦК КПСС Л. П. Берия добился опубликования в «Правде» специального коммюнике о полной реабилитации лиц, арестованных по этому делу. Такое в практике «самого демократического в мире государства» было впервые. Поэтому партбюрократы встретили это нововведение в штыки. «*Надо сказать, что все это на нашу общественность произвело тягостное впечатление. Ошибка исправлялась методами, принесшими немалый вред интересам нашего государства*»⁵, — заявил секретарь ЦК КПСС Н. Н. Шаталин.

Было пересмотрено и так называемое «мингрельское дело». В свое время, 8 ноября 1951 года и 27 марта 1952 года, ЦК ВКП(б) приняло постановления о якобы раскрытой в Грузии мингрельской националистической организации, возглавляемой секретарем ЦК КП(б) Грузии М. И. Барамия. 10 апреля 1953 года по представлению МВД СССР Президиум ЦК КПСС рассмотрел вопрос о реабилитации осужденных по этому делу и принял постановление «*О нарушении советских законов бывшими Министерствами государственной безопасности СССР и Грузинской ССР*». Партийные бюрократы увидели в этом еще одну попытку дискредитировать имя И. В. Сталина.

Министерство внутренних дел СССР подготовило и направило на имя Г. М. Маленкова и Н. С. Хрущева представление с предложением амнистировать всех осужденных внесудебными органами, прежде всего «тройками». Другим представлением предлагалось ограничить компетенцию Особого совещания при министре (тоже внесудебного органа) правом заключения в лагерь сроком до 10 лет. Однако при обсуждении этого вопроса на заседании Президиума ЦК КПСС Н. С. Хрущев при поддержке В. М. Молотова и Л. М. Кагановича выступил против. Он мотивировал

это так: «Категорически против этого, потому что надо пересмотреть всю систему арестов, суда и следственной практики. Она произвольна. А вопрос, на 20 или на 10 лет осудить, — особого значения не имеет, потому что можно осудить сначала на 10 лет, а потом еще на 10 лет, и еще раз на 10. Такое уже было. К нам поступают документы, гласящие, что подобные методы практикуются. Поэтому я категорически против»⁶.

И Берия отозвал свое предложение...

27 марта 1953 года на заседании Президиума Верховного Совета СССР специально рассматривался вопрос «Об амнистии». На основании указа, опубликованного в «Правде» 28 марта 1953 года, из мест заключения освобождалось более миллиона человек. Под действие указа попадали лишь осужденные на срок до пяти лет. Амнистия коснулась и осужденных на основании указа «Об охране государственной и личной собственности» от 4 июня 1947 года. **Все радикальные предложения Министерства внутренних дел относительно амнистии репрессированным в 30—40-е годы были отклонены.** Берии же указали на то, что он проводит эти мероприятия «с излишней торопливостью»⁷.

Восстановить социалистическую законность можно было лишь решив центральную проблему — кадровую. Приказы по личному составу НКВД-МВД, а также документы и материалы Организационного отдела ЦК партии раскрывают механизм постоянной ротации кадров карательно-административных органов за счет партийно-комсомольских наборов. В первые годы создания советской государственности это оправдывалось дефицитом профессиональных кадров. Приходилось мириться с низким уровнем подготовки новобранцев. Позднее на работу «в органы» стали направлять детей ответственных партийных и советских работников.

При всех отрицательных качествах Берия, безусловно, был высокопрофессиональным разведчиком и контрразведчиком. Он ясно представлял, какой вред делу приносят такие кадры. Но и понимал, что лобовая атака для него окончилась бы плачевно. Поэтому он избрал другой путь — путь перемещений из одной организационной структуры в другую, а затем, при удобном случае, и вывода за пределы системы МВД. Прием не новый. Но Берия впервые поставил вопрос о ликвидации и выводе из системы МВД **целых структурных подразделений.** Только в марте 1953 года из состава МВД были выделены и переданы в другие ведомства 18 структурных подразделений МВД СССР, среди них Дальстрой, Спецстрой, Главспецнефтьстрой, Гидропроект и другие. А 28 марта 1953 года постановлением Совета Министров СССР № 934—400сс был передан из ведомства МВД СССР в Министерство юстиции СССР Гулаг.

Как Берия стал агентом международного империализма

Один из самых острых внешнеполитических вопросов в начале 50-х годов — послевоенное устройство Германии. Искусственное разделение некогда единого и сильного государства, создание Германской Демократической Республики, провозглашившей курс на ускоренное, форсированное строительство социализма, создало серьезные политические и экономические трудности. Широкие слои населения Восточной Германии были недовольны своим положением — это проявлялось в массовом бегстве в Западную Германию. Так, с января 1951-го по апрель 1953 года из ГДР в Западную Германию перебежало 450 тысяч человек, среди них несколько тысяч членов СЕПГ и Союза свободной немецкой молодежи. Об этом сообщалось в специальных сводках, подготовленных иностранными резидентами МВД и МИД СССР⁸.

После смерти И. В. Сталина министром иностранных дел вновь стал В. М. Молотов. Как член Президиума ЦК КПСС он курировал ГДР. 27 мая 1953 года он вынес вопрос о положении в Германии на заседание Президиума Совета Министров СССР. Трезвая оценка сложившейся внутривосточной и экономической ситуации признавала, что без наличия советских войск существующий в ГДР режим непрочен.

В мидовском проекте содержалось предложение: «*Не проводить форсированную политику строительства социализма в ГДР*». При обсуждении этого проекта Берия предложил выбросить одно лишь слово — «форсированную». На вопрос: «Почему он так считает?» — Берия ответил: «*Потому что нам нужна только мирная Германия, а будет там социализм или не будет, нам все равно*».

В это время в Москве уже находились уполномоченный МВД СССР по Германии и его заместители. Рассматривался вопрос о сокращении штатов уполномоченного МВД в ГДР. Для многих бывших партийных и советских работников такая работа была попросту синекурой. Берия волевым решением сократил эту службу в семь раз. По его

предложению Коллегия МВД решила также упразднить инструкторский аппарат в Германии⁹.

На заседании 27 мая Берия предложил считать курс на строительство социализма в ГДР ошибочным. Он заявил, что для Советского Союза будет достаточно, если Германия воссоединится — пусть даже на буржуазных началах. Свое предложение он мотивировал еще и тем, что единая Германия станет серьезным противовесом американскому влиянию в Западной Европе.

С контрзаявлением выступил Молотов, считавший, что вопрос, по какому пути пойдет страна в самом центре Европы, очень важен. Хотя это и неполная Германия, убеждал он, но от нее многое зависит. Следовательно, надо взять твердую линию на построение социализма, но не торопиться с этим. Молотов был убежден, что отказ от создания социалистического государства в Германии означает дезориентацию партийных сил не только Восточной Германии, но и в целом Восточной Европы. А это, в свою очередь, открывает перспективу капитуляции восточноевропейских государств перед американцами.

Молотова поддержали Хрущев, Первухин, Сабуров, Каганович и Булганин. Предложения Берии — Маленкова провалились. В протоколах не зафиксировано результатов голосования. Все мемуаристы вспоминают, что после заседания Хрущев, Берия и Маленков долго прогуливались по территории Кремля. Как утверждал потом Хрущев, именно в ходе этой прогулки он убедил Берию *«окончательно отказаться от своих предложений»*¹⁰.

Так или иначе, но 2 июня 1953 года было издано распоряжение Совета Министров СССР *«О мерах по оздоровлению политической обстановки в ГДР»*. Однако, как показало время, прав оказался все-таки «лубянский маршал». Уже в июле 1953 года в ГДР начались выступления рабочих, студентов, интеллигенции. Их подавили силой. Прошло более 30 лет, прежде чем Германия воссоединилась.

Другое, не менее «страшное преступление» Берии — попытка нормализовать отношения с Югославией. 25 июня 1953 года он пришел к Хрущеву обсудить эту проблему.

Возникает вопрос: почему такие важные дипломатические шаги осуществлялись по линии МВД, а не МИД? Практика использования спецслужб для достижения соглашений существовала в СССР с 30-х годов. Еще в 1936—1937 годах представители личной сталинской дипломатии, прикрываемые резидентурой НКВД, вели переговоры с гитлеровской Германией, завершившиеся выработкой проекта предварительного соглашения Сталин — Гитлер (февраль 1937 г.). В период тягчайших испытаний весны-лета 1942 года сотрудники 1-го отдела Второго управления НКВД СССР договаривались с соответствующими спецслужбами гитлеровской Германии о возможности встречи Риббентропа и Молотова с целью заключения «Второго Бреста», то есть мирного соглашения с Германией.

Вот и теперь нормализацию советско-югославских отношений предполагалось осуществить, используя все те же нелегальные каналы советской разведки. При обыске в кабинете Берии среди других материалов, приобщенных затем к следственному делу, есть такая записка: *«Пользуюсь случаем, чтобы передать Вам, товарищ Ранкович, большой привет от товарища Берия, который хорошо помнит Вас. Товарищ Берия поручил мне сообщить лично Вам, строго конфиденциально, что он и его друзья стоят за необходимость коренного пересмотра и улучшения взаимоотношений обеих стран. В связи с этим товарищ Берия просил Вас лично информировать об этом товарища Тито, и, если Вы и товарищ Тито разделяете эту точку зрения, то было бы целесообразно организовать конфиденциальную встречу особо на это уполномоченных лиц. Встречу можно было бы провести в Москве, но если Вы считаете это почему-либо неприемлемым, то и в Белграде. Товарищ Берия выразил уверенность в том, что об этом разговоре, кроме Вас и товарища Тито, никому не станет известно»*.

А. Ранкович в это время занимал пост заместителя председателя Союзного исполнительного веча ФНРЮ.

Однако Президиум ЦК и МИД в лице Молотова продолжали придерживаться старой линии в отношениях с Югославией. По его предложению *«было решено установить с Югославией такие же отношения, как и с другими буржуазными государствами, связанными с Североатлантическим агрессивным блоком, послы, официальные телеграммы, деловые встречи и прочее»*. Л. П. Берия явно поторопил-

ся, когда настаивал на том, чтобы направить югославскому правительству 6 июня 1953 года предложение об обмене послами.

Не менее острый участок работы в это время — деятельность закордонной службы СССР. В апреле—мае 1953 года Берия вызвал в Москву около половины руководящих работников нелегальных резидентур Министерства внутренних дел. Две тысячи человек находились в Москве в течение 2—3 месяцев. Эффективность советской разведывательной службы в начале 50-х годов резко снизилась. Сказывался низкий уровень профессиональной подготовки разведчиков. Нуждался в серьезном обновлении дипломатический корпус. В беседах с руководством советских разведывательных служб в апреле-мае Берия постоянно подчеркивал, что *«разведки нет, что нет никакой агентуры, никакой ценной информации, нет никаких кадров и все надо начинать на голом месте»*.

Немного позже именно эти факты послужили основанием в обвинении Берии во вредительской деятельности. Так, Каганович, выступая на пленуме ЦК КПСС 3 июля 1953 года, заявил: *«Берия безусловно был связан с международной империалистической разведкой как крупный их агент и шпион. Факты, приводившегося здесь его письма и братание с Ранковичем и Тито, после того как Тито приехал из Англии и побывал в Америке, не случайно его предложение отказа от строительства социализма в ГДР и ориентация на фактическую ликвидацию ГДР. Это линия агента империализма, выполнявшего заказ международных держав — предать нашу Родину в руки империалистов»*¹¹.

«Гордиев узел» национальной политики

Речь пойдет о проблемах, связанных прежде всего с территориями, вошедшими в состав СССР накануне Великой Отечественной войны, — Эстонии, Латвии, Литвы, западных областей Украины. После окончания войны положение в этих регионах продолжало оставаться напряженным. Попытка осуществить социалистическое строительство по образу и подобию СССР столкнулось с сильнейшим сопротивлением со стороны населения. Так, по материалам именной картотеки жертв националистического террора на территории Литвы, в 1944—1956 годах было убито 25 108 человек и ранено 2965^{12*}.

Пытаясь лишить националистическое подполье поддержки, правительство пошло на очередной произвол — выселение родственников активных националистов. По материалам МВД СССР, за период 22—23 мая 1948 года было депортировано 11 345 семей участников националистического подполья и 39 766 кулаков. Все это осуществлялось в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 21 февраля 1948 года¹³.

Хотя с организованным сопротивлением в 1953 году было в основном покончено, Берия понимал, что рано или поздно боль и обиды этих людей дадут себя знать. Ситуация обострялась и из-за того, что со стороны центра проводилась совершенно определенная русификаторская политика. Руководящие партийные и советские посты в этих регионах занимали русские. По существующему положению на ответственную работу нельзя было выдвигать лиц, имевших родственников за границей и находившихся в годы войны на временно оккупированной территории. В Литве же практически все население было на оккупированной немцами территории. 800 тысяч литовцев проживало за границей. Во многих семьях имелись репрессированные. Аналогичная ситуация складывалась в Латвии, Эстонии, на Западной Украине. Поэтому, несмотря на энергичные мероприятия со стороны МВД, националистическое подполье в этих регионах продолжало действовать¹⁴.

Разрубить этот «гордиев узел» Берия решил весьма оригинально. Во-первых, он потребовал смелее выдвигать на руководящую работу национальные кадры. И начал с органов МВД союзных республик. Сотрудники его секретариата, опираясь на агентурные данные, подготовили записки о положении в западных областях Украинской ССР, Литве и Латвии. Особое внимание в них уделялось привлечению на сторону советской власти интеллигенции. Берия предлагал даже ввести специальные ордена союзных республик для награждения выдающихся деятелей культуры. Кроме того, он попытался наладить контакты с представителями западноукраинской интеллигенции, находящимися в эмиграции.

26 мая 1953 года было принято специальное постановление ЦК КПСС *«Вопросы западных областей Украинской ССР в докладной записке тов. Л. П. Берия в Президиум ЦК КПСС»*. А 2—4 июня 1953 года проходил пленум ЦК Компартии Украины с повесткой дня *«О постановлении ЦК КПСС от 26 мая 1953 г. «Вопросы*

западных областей Украинской ССР в докладной записке тов. Берия Л. П. в Президиум ЦК КПСС». В обсуждении этого вопроса принимал участие и министр внутренних дел Украины Мешик. Главный лейтмотив его выступления сводился к тому, чтобы партийные органы не вмешивались в оперативную чекистскую работу, а занимались своими сугубо политическими вопросами. Он обратил внимание на серьезные недостатки в работе партийных и советских органов по устройству переселенцев из западных областей Украины¹⁵.

В докладной записке по Литовской ССР указывалось на особое положение католической церкви и усиление влияния эмиграции. Называлось число репрессированных — 270 тысяч, указывалось, что коллективизация в Литве проводится насильственными методами, разрушается налаженное хуторское хозяйство. Основу докладной записки подготовил начальник 4-го (секретно-политического) управления генерал-лейтенант Н. С. Сазыкин. С этой целью он дважды выезжал в Литву. Для составления записки он привлек руководящих работников МВД Литвы. Позднее, после ареста Берии, они писали: «Докладная записка, составленная нами (Кондаковым, Мартавичюсом, Гайлявичюсом), была весьма самокритичная докладная записка, но Берия она не удовлетворила. Он обвинил нас в сокрытии действительного положения в Литве. Берия обругал нас самой низкопробной бранью, пригрозил и заставил переделать в удобном ему духе, то есть раздуть состояние действующего националистического подполья и руководящих центров, католического духовенства, показать их массовыми, стройно организованными и централизованными, находящимися вне поля нашего зрения. Что касается националистического подполья, такого положения у нас в республике нет, но мы вынуждены были так это подполье описать, как хотелось Берия. На мои возражения Берия против этой необъективной оценки положения он на меня обрушился руганью и угрозами»¹⁶.

Время показало, насколько верно оценивал положение Л. П. Берия. Ведь последний схорон оуновцев в Западной Украине был ликвидирован только в 1962 году. Националистическое движение в Латвии, Литве и Эстонии продолжало действовать нелегально.

Позднее, после ареста, на июльском пленуме ЦК КПСС, все предложения Берии, касающиеся национального вопроса, будут названы вредительскими. В своем выступлении первый секретарь ЦК КП(б) Литвы А. Ю. Снечук приписал заслугу в постановке проблемы о выдвижении национальных кадров Г. М. Маленкову, а еще через год — Н. С. Хрущеву. В постановлении пленума и в обвинительном заключении Берию обвинят «в разжигании национальной розни и подрыве дружбы народов».

Против практики партийного руководства

Одним из серьезнейших обвинений, выдвинутых против Л. П. Берии, было «умаление авторитета И. В. Сталина и попытка поставить органы МВД над партией». Насколько же все эти обвинения соответствовали истине?

Действительно, Берия одним из первых заговорил «о культе личности Сталина». Долгое время именно он выступал в роли личного информатора Сталина. Несомненно, он, как никто другой, знал его характер. «Лубянский маршал» осознал, что культ личности Сталина принял болезненные формы и размеры, принципы коллективности в работе были отброшены, критика и самокритика в высшем звене руководства вовсе отсутствовала. Годами не созывались пленумы ЦК партии, в течение 13 лет — съезды партии. Политбюро как коллективный орган тоже не существовал. Его подменили тройками, пятерками, работавшими над отдельными вопросами по личному поручению Сталина.

Какие же мысли о роли партии в социалистическом строительстве высказывал Л. П. Берия? По свидетельству Хрущева, в 1953 году во время беседы с М. Ракоши (в то время первый секретарь ЦК Венгерской партии трудящихся, Председатель Совета Министров ВНР. — Б. С.) встал вопрос о разграничении компетенции ЦК и Совета Министров. Когда Берию спросили: «Какие вопросы следует рассматривать в ЦК, а какие в Совете Министров?» — он пренебрежительно ответил: «Что ЦК. Пусть Совмин все решает, а ЦК пусть занимается кадрами и пропагандой»¹⁷. Аналогичные мысли (партия должна заниматься только кадрами) он высказывал и в разговорах с Кагановичем.

Партийный аппарат на местах заорганизовывал работу не только Советов, но и хозяйственных органов. Известно, что партийные комитеты принимали соответству-

ющие постановления о начале посевной или уборочной кампаний, регламентировали работу промышленных предприятий и колхозов. Такое вмешательство приносило только вред. По указанию Л. П. Берии органы Министерства внутренних дел на местах занялись сбором материала, подтверждающего некомпетентность партийных органов в хозяйственных вопросах. Это расценили как попытку поставить МВД над партией.

Министр внутренних дел Украины Мешик приказал начальнику управления МВД по Львовской области генералу Т. А. Строкачу «сфотографировать» два самых отсталых колхоза. Об этом Строкач, бывший до этого министром внутренних дел Украины, проинформировал первого секретаря Львовского обкома партии З. Т. Сердюка, что возмутило последнего: «...но у нас есть же хорошие колхозы, на примере которых можно показать жизнь крестьян»¹⁸.

Еще более насторожило партаппаратчиков указание Берии собрать сводный материал о национальном и образовательном уровне работников обкомов, горкомов и райкомов партии.

Особенно же возмутило принятое 9 мая 1953 года по инициативе Л. П. Берии постановление Президиума ЦК КПСС «Об оформлении колонн демонстрантов и зданий предприятий, учреждений и организаций в дни государственных праздников». В нем, в частности, предлагалось «отказаться от оформления портретами колонн демонстрантов, а также зданий предприятий, учреждений и организаций в дни государственных праздников». После его ареста, 2 июля 1953 года, это постановление решением того же самого Президиума ЦК КПСС было отменено, как ошибочное¹⁹.

По указанию Берии в апреле 1953 года периодическая печать прекратила славословия в адрес Сталина. Критические нотки в оценке «вождя и учителя всех времен и народов» все чаще и чаще стали проскальзывать в беседах с партийными и советскими работниками. Можно предположить, что Берия планировал начать крупномасштабную кампанию по осуждению культа личности Сталина. Позднее эти идеи частично реализовал Н. С. Хрущев. Но в 1953 году это расценили как попытку Берии создать собственный культ.

Все предложения Берии расценивались как попытки поставить органы МВД вне партийного контроля, вывести их из-под партийного руководства. Лучше других по этому вопросу высказался Каганович. Выступая на июльском (1953 г.) пленуме ЦК КПСС, он сказал: «Мы должны поднять свою идейно-политическую работу среди рабочих и коммунистов и должны укрепить партийные органы. Партия для нас превыше всего. Подлец Берия не раз говорил: ЦК должен заниматься только пропагандой и частично кадрами — к этому он сводил роль ЦК. А для нас, старых большевиков, ЦК — это партийное, политическое и экономическое руководство всей жизнью партии, страны и государства. Оргвопрос подчинен политике. Оргвопрос и политика тесно связаны между собой. Вот почему мы должны хранить силу ЦК, беречь его, укреплять его и чтобы ЦК был бы действительно не тем, каким хотел этот подлец, а чтобы оставался, как он был всегда, крепким центральным органом нашей партии, который руководит всей жизнью нашей страны... Мы должны сказать, что многое из того, что сказано в 1937 году, необходимо учитывать и сегодня»²⁰.

Последние двенадцать дней

Сто дней, отведенные судьбой «лубянского маршалу», заканчивались. Мастера политической интриги уже активно плели нити заговора. Для него же продолжались обычные дни, заполненные повседневной работой: совещания, заседания коллегии, подготовка новых предложений Совету Министров СССР и Президиуму ЦК КПСС. Одно из них, датированное 16 июня, предполагало решить судьбу Архипелага Гулаг. Берия предлагал «ликвидировать сложившуюся систему принудительного труда ввиду экономической неэффективности и бесперспективности». Напомним, что к этому времени Гулаг уже был выведен из подчинения МВД и передан в ведение Министерства юстиции СССР.

Кроме того, Берия предлагал приступить к коренному пересмотру всех дел, связанных с так называемыми контрреволюционными преступлениями, и поднимал вопрос не об амнистии, а о реабилитации осужденных. Прокуратуре СССР, Верховному суду СССР, Министерству внутренних дел, Министерству юстиции СССР предлагалось вернуться к определению понятия «контрреволюционное преступление», а Прокуратуре СССР — пересмотреть дела осужденных в 30—40-е годы прежде

всего несудебными органами. Всем реабилитированным предусматривалась моральная и материальная компенсация.

Другое предложение касалось спецпереселенцев. Берия считал необходимым создать специальную комиссию из представителей партийных, советских и административных органов для изучения условий их труда, быта и отдыха.

Во времена «хрущевской оттепели» в общественное сознание настойчиво внедрялась мифология, что в годы «большого террора» органы государственной безопасности встали над партией, Берия якобы попытался сделать то же самое после смерти Сталина. Документы свидетельствуют об обратном. Все оперативные приказы о проведении массовых операций, все организационные перестройки в органах государственной безопасности находились в сфере внимания ЦК партии и санкционировались либо Оргбюро, либо Политбюро ЦК. Л. П. Берия не нарушал установленного порядка.

Объективно Берия был буфером между советской государственностью в лице Г. М. Маленкова и партийным аппаратом в лице Н. С. Хрущева. С самого начала своей реформаторской деятельности он был обречен — все его предложения и начинания истолковывались не иначе как стремление к захвату власти.

В архивах сохранился еще один интересный документ, подготовленный секретариатом Берии. Это список решений ЦК партии и Совнаркома или Совета Министров, подлежащих отмене или пересмотру, как устаревшие или ошибочные. Так что можно предполагать, что реформаторские намерения у «лубянского маршала» были, и весьма серьезные. Но реализовали их другие.

И потому Берия был обречен.

*Борис СТАРКОВ,
доктор исторических наук*

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Аллилуева С. И. Двадцать писем к другу. М., 1992.

2. Численность дана по состоянию на 1 октября 1952 г.

3. См.: Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева//Вопросы истории. 1992. № 2—3. С. 93.

4. Стенограмма июльского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС. Выступление А. И. Микояна//Известия ЦК КПСС. 1991. № 1—2.

5. Там же. Выступление Н. Н. Шаталина.

6. Там же. Выступление Н. С. Хрущева.

7. ГА РФ. Коллекция документов МВД СССР.

8. ГА РФ. Материалы секретариата МВД СССР.

9. ГА РФ. Материалы МВД СССР по германскому вопросу.

10. Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева. С. 94.

11. Стенограмма июльского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС. Выступление Л. М. Кагановича// Известия ЦК КПСС. 1991. № 1—2.

12. ГА РФ. Коллекция документов МГБ—МВД СССР.

13. ГА РФ. Подготовительные материалы МВД СССР к заседанию Совета Министров СССР.

14. ГА РФ. Справка секретариата МВД СССР о национальном составе оперечкистских кадров МВД Литвы, Латвии и Эстонии. Данные секретариата МВД СССР о национальном и образовательном уровне кадров партийных, советских работников Эстонии, Латвии, Литвы и областей Западной Украины. Сравнительная характеристика.

15. ГА РФ. Материалы секретариата МВД СССР.

16. Там же.

17. Стенографический отчет июльского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС. Выступление Н. С. Хрущева.

18. Там же. Выступление З. Т. Сердюка.

19. ГА РФ. Коллекция документов секретариата МВД СССР.

20. Стенограмма июльского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС. Выступление Л. М. Кагановича.

«Следствие Прибегло к Извращенным Приемам»

Одним из первых крупных послевоенных репрессивных дел Сталина и его окружения является так называемое дело руководителей авиационной промышленности и командования Военно-Воздушными Силами Советской Армии. На основании сфальсифицированных материалов были арестованы нарком авиационной промышленности А. И. Шахурин, командующий ВВС СА Главный маршал авиации А. А. Новиков и другие крупные руководители авиационной промышленности. В полной мере

это дело было использовано и против маршала Г. К. Жукова. Путем применения известных методов в сталинских застенках следователи вынудили арестованных подписать сфабрикованные протоколы и заявления на имя Сталина, в которых помимо самоговора были и полностью лживые показания о маршале Г. К. Жукове. Читателям предлагаются впервые публикуемые документы, которые раскрывают одну из драматических страниц нашей отечественной истории.

А. А. Новиков.

А. И. Шахурин.

Записка Л. Берия в Президиум ЦК КПСС о результатах проверки следственного дела А. И. Шахурин, А. А. Новикова и других

Совершенно секретно

*В Президиум ЦК КПСС
товарищу МАЛЕНКОВУ Г. М.*

В Министерство внутренних дел СССР поступили сигналы о том, что в процессе следствия по делу ШАХУРИНА А. И. — б. наркома авиационной промышленнос-

ти, **НОВИКОВА А. А.** — б. командующего Военно-воздушными силами Советской Армии и др., осужденных в 1946 году Военной Коллегией Верховного Суда СССР по обвинению в организованной антигосударственной деятельности, имели место перегибы и извращения.

Произведенной проверкой установлено, что обвинение **ШАХУРИНА**, **НОВИКОВА** и др. основано на материалах, сфабрикованных б. начальником Главного управления контрразведки «Смерш» **АБАКУМОВЫМ** и следственными работниками подчиненного ему аппарата.

Как показала проверка, **ШАХУРИН**, **НОВИКОВ** и др. были арестованы при отсутствии данных об их преступной деятельности и даже, в нарушение элементарных требований советской законности, — без санкции прокурора.

Для того, чтобы обосновать их арест, **АБАКУМОВ** прибег к искусственному созданию материалов о том, что якобы **ШАХУРИН**, **НОВИКОВ** и др. умышленно наносили вред Военно-воздушным силам Советской Армии.

С этой целью арестованные путем применения к ним извращенных методов следствия, длительного лишения сна и запугивания всевозможными угрозами были доведены до состояния физического и морального изнеможения, а также безразличия ко всему происходившему.

Воспользовавшись таким состоянием арестованных, следствие принудило их подписать заблаговременно сфабрикованные следователями протоколы допросов, содержащие «признания» о будто бы проводившейся ими антигосударственной деятельности.

Сфальсифицированные таким путем показания **ШАХУРИНА**, **НОВИКОВА** и др. были затем положены следствием в основу для предъявления им обвинения в преступном сговоре и умышленном протаскивании на вооружение Военно-воздушных сил Советской Армии самолетов и моторов с большим браком или серьезными конструктивными и производственными дефектами.

В ходе следствия по делу **ШАХУРИНА**, **НОВИКОВА** и др. **АБАКУМОВ**, на основе вымышленных следователями «показаний» арестованных, направлял в адрес **И. В. СТАЛИНА** ложную информацию, в которой в извращенном виде представлял действительное положение с выпуском и приемкой самолетов и моторов на вооружение Военно-воздушных сил, квалифицируя недостатки, связанные с производством самолетов и моторов, как результат преступного сговора и сознательной антигосударственной деятельности **ШАХУРИНА**, **НОВИКОВА** и др., арестованных по этому делу лиц.

Перед направлением следственного дела на рассмотрение Военной Коллегии Верховного Суда СССР арестованным, при непосредственном участии **АБАКУМОВА**, следователи внушали, что на легкое наказание они могут рассчитывать лишь при одном условии — если подтвердят в суде свои «показания». Военная Коллегия, основываясь на сфальсифицированных показаниях арестованных, вынесла по делу обвинительный приговор.

Проверкой также установлено, что **АБАКУМОВ**, встав на преступный путь обмана Правительства, принудил арестованных **ШАХУРИНА**, **НОВИКОВА**, **ШИМАНОВА** и **БУДНИКОВА** подписать сочиненные от их имени заявления на имя **И. В. СТАЛИНА**, в которых делалась попытка оклеветать товарища **МАЛЕНКОВА Г. М.**

ШАХУРИН, **НОВИКОВ**, **ШИМАНОВ** и **БУДНИКОВ** объясняют, что эти заявления так же, как и сфабрикованные следователями их «показания», они подписали только потому, что были доведены следствием до состояния депрессии. [...]*

Факт фальсификации указанных клеветнических заявлений подтвердили и арестованные б. работники Главного управления контрразведки «Смерш» **БРОВЕРМАН**, **ЛИХАЧЕВ**, **ЧЕРНОВ**. [...]**

Таким образом, проверкой установлено, что б. нарком авиационной промышленности СССР **ШАХУРИН А. И.**, б. командующий ВВС Советской Армии

* Опущены цитаты из объяснений Новикова и Шахурина, поскольку они приведены в следующем документе. — *Ред.*

** По той же причине опущена цитата из показаний арестованного Бровермана. — *Ред.*

НОВИКОВ А. А., б. главный инженер ВВС Советской Армии РЕПИН А. К., б. член Военного Совета ВВС Советской Армии ШИМАНОВ Н. С., б. начальник Главного управления заказов ВВС Советской Армии СЕЛЕЗНЕВ Н. П. и б. заведующие отделами ЦК ВКП(б) БУДНИКОВ А. В. и ГРИГОРЬЯН Г. М. были осуждены неправильно, на основании ложных материалов, сфабрикованных следствием.

В связи с этим МВД СССР принято решение — направить дело ШАХУРИНА, НОВИКОВА и других на новое рассмотрение Военной Коллегии Верховного Суда СССР для отмены ранее вынесенного приговора и прекращения дела с полной реабилитацией привлеченных по нему лиц.

Заключение МВД СССР по результатам проверки материалов дела прилагается.

Л. Берия

26 мая 1953 года

№ 78/6

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 313. Л. 153—156. Подлинник.

Заключение МВД СССР по проверке следственного дела А. И. Шахурина, А. А. Новикова и других

Копия

«УТВЕРЖДАЮ»

Министр внутренних дел Союза ССР

Л. БЕРИЯ

26 мая 1953 года

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гор. Москва, 1953 года, мая 26 дня.

Мы, ст. следователь Следственной части по особо важным делам МВД СССР полковник СЕРИКОВ, пом. начальника Следственной части по особо важным делам МВД СССР полковник ФЕДОТОВ и начальник Следственной части по особо важным делам МВД СССР генерал-лейтенант ВЛОДЗИМИРСКИЙ, рассмотрев на основании поступивших сигналов об извращениях и перегибах, имевших место в процессе следствия, материалы по делу № 100016 на

ШАХУРИНА Алексея Ивановича, 1904 года рождения, бывш. наркома авиационной промышленности СССР;

НОВИКОВА Александра Александровича, 1900 года рождения, бывш. командующего ВВС Советской Армии;

РЕПИНА Александра Константиновича, 1903 года рождения, бывш. главного инженера ВВС Советской Армии;

ШИМАНОВА Николая Сергеевича, 1901 года рождения, бывш. члена Военного Совета ВВС Советской Армии;

СЕЛЕЗНЕВА Николая Павловича, 1906 года рождения, бывш. начальника Главного управления заказов ВВС Советской Армии;

БУДНИКОВА Александра Викторовича, 1907 года рождения, бывш. заведующего отделом Управления кадров ЦК ВКП(б) и

ГРИГОРЬЯНА Гамлета Мкртычевича, 1909 года рождения, бывш. заведующего отделом Управления кадров ЦК ВКП(б),

осужденных в 1946 году Военной Коллегией Верховного Суда СССР по обвинению в организованной антигосударственной деятельности к лишению свободы сроком: ШАХУРИН — на 7 лет, РЕПИН — на 6 лет, НОВИКОВ — на 5 лет, ШИМАНОВ — на 4 года, СЕЛЕЗНЕВ — на 3 года, БУДНИКОВ и ГРИГОРЬЯН — на 2 года каждый, —

НАШЛИ:

Перечисленным лицам вменялось в вину то, что они, действуя якобы по преступному сговору между собой, выпускали и протаскивали на вооружение Военно-воздушных сил Советской Армии самолеты и моторы с браком или с серьезными

конструктивными и производственными недоделками, в результате чего в строевых частях ВВС происходило большое количество аварий и катастроф, гибли летчики, а на аэродромах в ожидании ремонта скапливались крупные партии самолетов, часть из которых приходила в негодность и подлежала списанию.

Произведенной проверкой материалов архивно-следственного дела, показанными ныне арестованных бывших сотрудников Главного управления контрразведки «Смерш», непосредственно участвовавших в расследовании по делу, а также опросом ШАХУРИНА, НОВИКОВА и других лиц, арестовывавшихся вместе с ними, установлено, что следствие по настоящему делу проведено бывшим Главным управлением контрразведки «Смерш» необъективно, а материалы, использованные для обвинения арестованных в антигосударственной деятельности, были сфальсифицированы б. начальником Главного управления контрразведки «Смерш» АБАКУМОВЫМ и следователями подчиненного ему аппарата.

Из материалов дела видно, что в начале следствия были арестованы ШАХУРИН, РЕПИН, ШИМАНОВ и СЕЛЕЗНЕВ. Арест их был произведен Главным управлением контрразведки «Смерш» при отсутствии в распоряжении следствия каких-либо материалов, избличающих арестованных в преступной деятельности. Более того, в нарушение ст. 127 Конституции СССР, предусматривающей, что никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора, аресты этих лиц были произведены без согласования с прокурором. Только на 17 суток после их ареста были вынесены соответствующие постановления и получена санкция прокурора на арест.

Впоследствии на основании сфабрикованных следователями показаний ШАХУРИНА, РЕПИНА, ШИМАНОВА и СЕЛЕЗНЕВА, дополнительно были арестованы НОВИКОВ, БУДИНОВ и ГРИГОРЬЯН.

Для характеристики обстановки беззакония, в которой были проведены аресты и начато следствие по делу, показательное заявление НОВИКОВА на имя Министра внутренних дел СССР. В этом заявлении говорится:

«...Я был ночью 23 апреля 1946 года неожиданно арестован. Несмотря на то, что я, как депутат Верховного Совета СССР, пользовался неприкосновенностью, меня схватили сзади на улице при выходе из дома, грубо втолкнули в автомашину, ничего не говоря и не предъявляя ордера на арест, доставили меня в какую-то комнату, где сорвали с меня погоны, раздели и выдали какие-то рваные штаны и рубашку».

Всем арестованным на первых же допросах было предложено признаться в преступном сговоре об умышленном нанесении вреда Военно-воздушным силам Советской Армии.

Так как арестованные не могли подтвердить и категорически отрицали это необоснованное обвинение, следствие вместо объективного разбирательства прибегло к извращенным приемам, строжайше запрещенным советскими законами.

Как установлено проверкой, в ходе следствия арестованные подвергались физическому изнурению, длительному лишению сна, а также запугиванию всевозможными угрозами, в результате чего были доведены до состояния изнеможения, депрессии и безразличия ко всему происходившему.

Используя такое состояние обвиняемых, следствие принуждало их подписывать заранее сфабрикованные следователями протоколы «допроса», на основании которых арестованные оговаривали себя и клеветали на других ни в чем не виновных людей.

В заявлении РЕПИНА на имя Министра внутренних дел СССР относительно преступных методов, примененных следствием для искусственного создания обвинительного материала, указывается:

«...Когда меня арестовали, то мне не предъявили никаких обвинений, потребовали, чтобы я рассказал о своих контрреволюционных преступлениях. С первого дня ареста мне систематически не давали спать. Днем и ночью я находился на допросах и возвращался в камеру в 6 часов утра, когда в камерах был подъем, и в 5—6 часов вечера — обедать. После 2—3 дней такого режима я засыпал стоя и сидя, но меня тотчас же будили. Лишенный сна, я через несколько дней был доведен до такого

состояния, что был готов на какие угодно показания, лишь бы кончились мои мучения. Меня главным образом допрашивал следователь подполковник КУЛЕШОВ. Я ему чистосердечно рассказывал о своей работе, что я никаких контрреволюционных преступлений не совершал, ничего от правительства не скрывал, что недостатки авиационной техники изложены в подробных отчетах, представляемых И. В. Сталину и МАЛЕНКОВУ, но по какой-то до сих пор непонятной для меня причине КУЛЕШОВУ нужно было, чтобы я дал показания, что мы — ШАХУРИН, НОВИКОВ, ШИМАНОВ, СЕЛЕЗНЕВ, ГРИГОРЬЯН, БУДНИКОВ и я находимся в преступном сговоре, преследующем цель развалить боеспособность Военно-воздушных сил негодной, небоеспособной авиационной техникой и что истинное положение мы старательно скрывали от правительства...»

По этому же вопросу ШАХУРИН показывает: «Мне было вменено в вину и я себя признал виновным в том, что Наркомат авиационной промышленности выпускал продукцию с большими производственными недоделками, а я по сговору с руководством ВВС направлял эту продукцию на вооружение Красной Армии, в результате чего были аварии, катастрофы и гибли летчики...

На следствии я оговорил себя и других арестованных по этому делу работников ВВС в преступлениях, которые ни я, ни они не совершали...

Сейчас же после ареста меня начали допрашивать следователи ЛИХАЧЕВ и ГЕРАСИМОВ, причем эти допросы продолжались почти круглосуточно, с небольшими перерывами, в результате чего мне не предоставлялось времени для сна... Я смалодушничал и подписал составленные в мое отсутствие следователями ЛИХАЧЕВЫМ и ГЕРАСИМОВЫМ два протокола допроса... недостатки и упущения по работе, о которых я доказывал на следствии, были преподнесены как мои якобы заведомо преступные умышленные действия, которые я совершал в сговоре с арестованными работниками ВВС...

О том, как следователи, фальсифицируя протоколы допросов, включали в них под видом показаний арестованного свои собственные выводы, ШАХУРИН говорит:

«...В «моих показаниях» говорится о том, что якобы я, зная о выпуске заводами НКАП заведомо бракованной продукции, не принимал мер к ликвидации этого брака и на протяжении длительного времени сдавал ее в армию, чем снижал боеспособность ВВС, что с этой целью я вошел в преступный сговор с ВВС, в частности, с НОВИКОВЫМ, РЕПИНЫМ и другими...

Хорошо известно, что на каждом авиационном заводе находились военпреды, которые контролировали работу ОТК и качество принимаемой продукции, причем каждый самолет испытывался в воздухе.

Следовательно, для того, чтобы совершить те преступления, в которых меня обвинили на следствии, я должен был по меньшей мере иметь преступный сговор с сотнями военпредов и инженерно-технических работников на заводах. Ведь это явная чушь.

Однако, следователи не желали считаться с такого рода моими возражениями и извратили мои показания».

Установлено, что при расследовании дела допускались и другие грубейшие нарушения советских законов. В частности, следствием игнорировались и не фиксировались в протоколах допросов показания арестованных, которые могли дать объективное представление об исследуемых фактах.

Так, например, в материалах дела вовсе не отражены объяснения ШАХУРИНА, НОВИКОВА и др. о том, что выпуск и приемка на вооружение ВВС новых типов самолетов с повышенными летно-тактическими данными проходили в сложных условиях военного времени, когда заводы авиационной промышленности вынуждены были использовать для изготовления самолетов вместо высококачественных материалов различные заменители.

В следственном деле не было также отражено и то, что при обнаружении в частях ВВС отдельных дефектов на самолетах и моторах, к их устранению принимались меры как командованием ВВС, так и Наркоматом авиационной промышленности.

Перед направлением следственного дела на рассмотрение Военной Коллегии Верховного Суда СССР арестованных вызывали АБАКУМОВ, бывш. начальник следотдела Главного управления контрразведки «Смерш» ЛЕОНОВ, следователи КОМАРОВ, КУЛЕШОВ и другие, которые предупреждали обвиняемых, что они

должны обязательно подтвердить в суде подписанные ими в процессе следствия «показания» и одновременно внушали им, что только при этом условии они могут рассчитывать на снисходительное отношение к ним суда.

В заявлении РЕПИНА на имя министра внутренних дел СССР по этому вопросу говорится:

«...Перед судом меня вызывали АБАКУМОВ, ЛЕОНОВ и КУЛЕШОВ и заявляли мне, что я получу небольшое наказание, что я буду удивлен малостью наказания, что по этой статье положено 6 месяцев, год или полтора года. Мне рекомендовали все подтвердить на суде. КУЛЕШОВ дважды мне советовал, чтобы в предоставленном мне последнем слове я подчеркнул, что своей деятельностью я нанес ущерб государству и проч., что в противном случае следствие будет производиться заново...»

По этому же вопросу ШИМАНОВ в своем заявлении говорит:

«Я признал и на суде свою виновность, но просил учесть, что все это было сделано без каких-либо корыстных целей. В этом известную роль сыграли указания следователя КОМАРОВА, который предупредил меня перед судом, как себя вести на суде: «Подтверди свои показания и положишь на волю суда, тогда будет легче». Кроме того, в зале присутствовали начальник Следчасти ЛЕОНОВ и, кажется, АБАКУМОВ, которые не раз меня допрашивали, и это также действовало на психику».

Допросом арестованных, бывших сотрудников Главного управления контрразведки «Смерш» БРОВЕРМАНА Я. М., ЛИХАЧЕВА М. Т., ЛЕОНОВА А. Г. и КОМАРОВА В. И., принимавших участие в фальсификации следствия по делу ШАХУРИНА, НОВИКОВА и др. установлено, что АБАКУМОВ использовал сфабрикованные под его руководством материалы следствия для представления И. В. Сталину ложной информации, в которой извращались как результаты расследования по делу, так и действительное положение с выпуском и приемкой на вооружение Военно-воздушных сил новых самолетов и моторов.

Как показали названные бывш. сотрудники Главного управления контрразведки «Смерш», в адрес И. В. Сталина ежедневно направлялись сводки о ходе допроса арестованных, причем составлением их занимался не имевший никакого отношения к следствию заместитель начальника Секретариата Главного управления контрразведки «Смерш» БРОВЕРМАН. Совершенно не зная истинных показаний арестованных, знакомясь лишь с черновыми заметками и справками следователей, БРОВЕРМАН при подготовке сводок, представляемых И. В. Сталину, формулировал показания обвиняемых так, как того требовал АБАКУМОВ, совершенно выбрасывая из них объяснения арестованных, которые оправдывали их.

АБАКУМОВ принудил арестованных ШАХУРИНА, НОВИКОВА, ШИМАНОВА и БУДНИКОВА подписать сочиненные от их имени заведомо ложные заявления в адрес И. В. Сталина, в которых делалась попытка компрометировать од-эго из членов Политбюро ЦК ВКП(б).

НОВИКОВ об этом пишет следующее:

«...Я понимаю, что возникает вполне обоснованный вопрос — почему же я подписал, а затем переписал от руки такой заведомо ложный и клеветнический документ.

Я должен сказать, что даже невыносимая обстановка, в которой я находился на следствии, не может служить оправданием в этом случае. Мой поступок объясняется только моим исключительно тяжелым моральным состоянием, подавленностью и апатией, в которую я впал, и проявленным мною малодушием, под влиянием которого я позволил использовать себя как орудие клеветы...»

ШАХУРИН по этому же вопросу заявил следующее:

«Будучи неспособным к трезвой и критической оценке составленного от моего имени документа, так как я его подписывал около 6 часов утра, после многих ночей без сна, я по предложению АБАКУМОВА подписал его. Затем АБАКУМОВ предложил мне переписать печатный текст этого заявления от руки, что я также выполнил, не отдавая себе отчета — зачем это нужно было делать...»

Арестованный б. заместитель начальника секретариата МГБ СССР БРОВЕРМАН, непосредственно принимавший участие в фальсификации указанных заявлений, касаясь вопроса о том, как было сфабриковано клеветническое заявление ШИМАНОВА, показал:

«...по поручению АБАКУМОВА я вместе с начальником секретариата ЧЕРНО-

ВЫМ и секретарем АБАКУМОВА — КОМАРОВЫМ сфальсифицировал заявление арестованного ШИМАНОВА...

Поручение АБАКУМОВА мы выполнили, а он, просмотрев составленное нами от имени ШИМАНОВА заявление, еще более «усилил» его, после чего оно было отпечатано и передано КОМАРОВУ. КОМАРОВ заставил ШИМАНОВА переписать печатный текст сфабрикованного нами заявления от руки и таким образом получил подлинник заявления ШИМАНОВА, в точности совпадающий с печатным текстом».

Факт фальсификации заявлений ШАХУРИНА, НОВИКОВА, ШИМАНОВА и БУДНИКОВА подтвердили также и арестованные бывш. сотрудники Главного управления контрразведки «Смерш» ЛИХАЧЕВ и ЧЕРНОВ.

Таким образом установлено, что ШАХУРИН, НОВИКОВ и другие лица, привлеченные к уголовной ответственности по данному делу, осуждены Военной Коллегией Верховного Суда СССР неправильно, на основе материалов, сфальсифицированных следствием.

Установлено также, что некоторые арестованные находились в заключении сверх срока, определенного приговором суда, — БУДНИКОВ и ГРИГОРЬЯН в течение 2 лет и 7 месяцев; СЕЛЕЗНЕВ — в течение 2 лет и 10 месяцев; ШИМАНОВ — 1 года и 10 месяцев и НОВИКОВ — 10 месяцев.

Принимая во внимание изложенное и руководствуясь п. 1 ст. 373 УПК РСФСР, —

ПОЛАГАЛИ БЫ:

Следственное дело по обвинению:

ШАХУРИНА Алексея Ивановича,
 НОВИКОВА Александра Александровича,
 РЕПИНА Александра Константиновича,
 ШИМАНОВА Николая Сергеевича,
 СЕЛЕЗНЕВА Николая Павловича,
 Будникова Александра Викторовича,
 Григорьяна Гамлета Мкртычевича

через Главную Военную Прокуратуру Советской Армии внести на новое рассмотрение Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР с предложением об отмене ранее вынесенного приговора и прекращении дела с полной реабилитацией перечисленных лиц.

СТ. СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ

МВД СССР полковник

СЕРИКОВ

ПОМ. НАЧАЛЬНИКА СЛЕДЧАСТИ ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ

МВД СССР полковник

ФЕДOTOV

НАЧАЛЬНИК СЛЕДЧАСТИ ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ

МВД СССР генерал-лейтенант

ВЛОДЗИМИРСКИЙ

Согласен:

ЗАМЕСТИТЕЛЬ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

генерал-полковник

Б. КОБУЛОВ

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 313. Л. 157—166. Заверенная копия.

Определение Военной Коллегии Верховного Суда СССР по делу

А. И. Шахурина, А. А. Новикова и других

Копия

Совершенно секретно

Верховный Суд Союза ССР

Определение № СП0016/46

Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР

В составе:

Председательствующего — генерал-лейтенанта юстиции ЧЕПЦОВА

Членов: генерал-майоров юстиции МАТУЛЕВИЧА и ЗАРЯНОВА

рассмотрев в судебном заседании от 29 мая 1953 года поступивший в Военную Коллегию материал дополнительного расследования, произведенного Министерством внутренних дел СССР по делу осужденных Военной Коллегией 10—11 мая 1946 года:

Источник 4/1993

ШАХУРИНА Алексея Ивановича по ст.ст. 193—17 п. «а» и 128-а УК РСФСР к 7 годам лишения свободы,

РЕПИНА Александра Константиновича — по ст. 193—17 п. «а» УК РСФСР к 6 годам лишения свободы,

НОВИКОВА Александра Александровича — по ст. 193—17 п. «а» УК РСФСР к 5 годам лишения свободы,

ШИМАНОВА Николая Сергеевича — по ст. 193—17 п. «а» УК РСФСР к 4 годам лишения свободы,

СЕЛЕЗНЕВА Николая Павловича по ст. 193—17 п. «а» УК РСФСР к 3 годам лишения свободы,

БУДНИКОВА Александра Викторовича и

ГРИГОРЬЯНА Гамлета Мкртычевича — по ст.ст. 17—128 «а» и 17—193—17 п. «а» УК РСФСР к 2 годам лишения свободы каждый.

В отношении осужденных ШАХУРИНА, РЕПИНА, ШИМАНОВА, НОВИКОВА и СЕЛЕЗНЕВА возбуждено ходатайство о лишении их воинских званий и правительственных наград, а ШАХУРИНА — звания «Героя Социалистического труда» и НОВИКОВА — звания «Дважды Героя Советского Союза», в отношении осужденных БУДНИКОВА и ГРИГОРЬЯНА также возбуждено ходатайство о лишении их правительственных наград.

Кроме того, решением Военной Коллегии от 13 сентября 1949 года по иску Заместителя Генерального Прокурора СССР, описанное в ходе предварительного следствия по данному делу имущество осужденных ШАХУРИНА, НОВИКОВА, ШИМАНОВА, РЕПИНА, СЕЛЕЗНЕВА, БУДНИКОВА и ГРИГОРЬЯНА на общую сумму 520031 руб. обращено в счет погашения ущерба, нанесенного ими государству, в пользу Министерства вооруженных сил СССР.

Заслушав заключение Заместителя Главного Военного Прокурора генерал-майора юстиции КИТАЕВА, —

УСТАНОВИЛА:

ШАХУРИН, НОВИКОВ, ШИМАНОВ, РЕПИН, СЕЛЕЗНЕВ, БУДНИКОВ и ГРИГОРЬЯН приговором Военной Коллегии были признаны виновными и осуждены за то, что они в период с 1942 года по 1946 год, действуя по преступному сговору между собой, выпускали и протаскивали на вооружение военно-воздушных сил Советской Армии самолеты и авиационные моторы с браком или с серьезными конструктивными и производственными дефектами, в результате чего в строевых частях ВВС происходило большое количество аварий и катастроф, гибли летчики, а на аэродромах в ожидании ремонта скапливались крупные партии самолетов, часть из которых приходила в негодность и подлежала списанию.

Произведенным в настоящее время дополнительным расследованием МВД СССР установлено, что обвинительные материалы по настоящему делу в отношении всех осужденных были сфабрикованы бывшими работниками б. Главного Управления контрразведки «Смерш», ныне арестованными, путем применения к обвиняемым незаконных методов ведения следствия.

Установлено также, что обвиняемых ШАХУРИНА, НОВИКОВА, РЕПИНА, ШИМАНОВА, СЕЛЕЗНЕВА, БУДНИКОВА и ГРИГОРЬЯНА те же работники бывш. Главного Управления контрразведки «СМЕРШ» понудили перед судебным заседанием Военной Коллегии дать на суде ложные показания о совершенных ими якобы преступлениях.

На основании изложенного Военная Коллегия Верховного Суда СССР, руководствуясь ст.ст. 373 и 4 п. 5 УПК РСФСР,

ОПРЕДЕЛИЛА:

Приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 10—11 мая 1946 года в отношении осужденных ШАХУРИНА Алексея Ивановича, НОВИКОВА Александра Александровича, РЕПИНА Александра Константиновича, ШИМАНОВА Николая Сергеевича, СЕЛЕЗНЕВА Николая Павловича, БУДНИКОВА Александра Викторовича и ГРИГОРЬЯНА Гамлета Мкртычевича полностью отменить и уголовное дело в отношении их за отсутствием состава преступления прекратить.

Также отменить решение Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 13 сентября 1949 года о взыскании с ШАХУРИНА, ШИМАНОВА, НОВИКОВА, РЕПИНА, СЕЛЕЗНЕВА, БУДНИКОВА и ГРИГОРЬЯНА по солидарной ответственности 520.031 руб. в пользу Министерства Вооруженных сил СССР.

Подлинное за надлежащими подписями.

С подлинным верно:

Судебный Секретарь Военной Коллегии Верховного Суда СССР
ст. лейтенант — АФАНАСЬЕВ

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 313. Л. 145—148. Заверенная копия.

Постановление Президиума ЦК КПСС «О результатах проверки материалов следствия по делу А. И. Шахурина, А. А. Новикова, А. К. Репина и других

Строго секретно

Тт. Маленкову, Берия, Ворошилову, Хрущеву, Булганину, Шкирятову, Помазневу, Круглову, Руденко

№ П9/VI
12.VI.1953 г.

Выписка из протокола № 9 заседания Президиума ЦК от 12 июня 1953 г.

О результатах проверки материалов следствия по делу А. И. Шахурина, А. А. Новикова, А. К. Репина и других.

В апреле 1946 года ныне арестованные б. начальник Главного управления контрразведки «Смерш» Абакумов и подчиненные ему следственные работники этого же управления Лихачев и Комаров сфабриковали материалы о том, что б. нарком авиационной промышленности Шахурин А. И., б. командующий военно-воздушными силами Советской Армии Новиков А. А., б. главный инженер ВВС Репин А. К., б. член Военного Совета ВВС Шиманов Н. С., б. начальник Главного Управления заказов ВВС Селезнев Н. П., б. заведующие отделами самолетостроения и моторостроения Управления кадров ЦК ВКП(б) Будников А. В. и Григорьян Г. М., якобы, умышленно наносили вред военно-воздушным силам Советской Армии, поставляя на вооружение самолеты и моторы с большим браком или серьезными конструктивными и производственными недоделками.

На основании сфальсифицированных материалов Абакумов направил И. В. Сталину ложную информацию, в которой извратил действительное положение с выпуском и поставкой военно-воздушным силам Советской Армии самолетов и моторов, оклеветал вышеперечисленных лиц, создав версию о том, что, якобы, в результате их преступного сговора, в частях военно-воздушных сил Советской Армии происходило большое количество аварий и катастроф.

Добившись на основании этих ложных материалов ареста Шахурина, Новикова, Репина, Шиманова, Селезнева, Будникова и Григорьяна, путем применения к арестованным извращенных методов следствия, Абакумов совместно с Лихачевым и Комаровым вынудил их подписать сфабрикованные самими же следователями «протоколы допросов», содержащие «признания» о том, что они проводили вражескую работу.

В ходе следствия по этому делу, Абакумов, в целях подтверждения вымышленных им же самим обвинений против перечисленных выше лиц, направлял в адрес И. В. Сталина ложные информации, в которых изображал отдельные недостатки, связанные с организацией серийного производства новых типов самолетов и моторов, как результат, якобы, имевшей место сознательной антигосударственной деятельности арестованных им по настоящему делу лиц.

Проверкой также установлено, что Абакумов совместно с Лихачевым и Комаровым, встав на преступный путь обмана партии и правительства, довел арестованных Шахурина, Новикова и Шиманова до состояния физической и моральной депрессии и, воспользовавшись этим, принудил их подписать сочиненные им же самим заявления на имя И. В. Сталина, в которых возводилась клевета на тов. Маленкова Г. М., шефствовавшего во время Великой Отечественной войны над авиационной промыш-

ленностью, в том, что он, якобы, зная о недостатках в производстве самолетов и моторов, не сигнализировал о них ЦК ВКП(б).

Между тем известно, что в период Великой Отечественной войны советская авиационная промышленность обеспечила наши военно-воздушные силы в необходимых количествах доброкачественными боевыми самолетами с высокими летно-техническими данными, в результате чего военно-воздушные силы Советской Армии добились полного превосходства над авиацией гитлеровской армии.

На основе сфабрикованных Абакумовым ложных материалов Военной Коллегией Верховного Суда СССР Шахурин, Новиков, Репин, Шиманов, Селезнев, Будников и Григорьян в 1946 г. были осуждены к лишению свободы на разные сроки.

Военная Коллегия Верховного Суда СССР, рассмотрев в судебном заседании от 29 мая с. г. заключение и материалы дополнительного расследования, произведенного Министерством внутренних дел СССР по делу Шахурин, Новикова, Репина, Шиманова, Селезнева, Будникова и Григорьяна, подтвердила заключение МВД СССР и приняла решение — приговор в отношении осужденных по настоящему делу полностью отменить и уголовное дело на них за отсутствием состава преступления прекратить.

В связи с этим Президиум ЦК КПСС постановляет:

1. Восстановить т.т. Шахурин А. И., Новикова А. А., Репина А. К., Шиманова Н. С., Селезнева Н. П., Будникова А. В. и Григорьяна Г. М. в рядах КПСС.

2. Отменить решения Политбюро ЦК от 18 мая 1946 года (№№ П52/47, П52/48 и П52/49) и восстановить:

а) т. Шахурин А. И. в звании Героя Социалистического Труда и т. Новикова А. А. в звании дважды Героя Советского Союза;

б) тт. Шахурин А. И., Новикова А. А., Репин А. К., Шиманов Н. С. и Селезнев Н. П. в присвоенных им ранее воинских званиях.

Возвратить лицам, перечисленным в пункте 1 настоящего постановления, правительственные награды, отобранные у них при аресте.

3. Установить, что решения Политбюро ЦК ВКП(б) № П51/V от 4 мая 1946 года и Пленума ЦК ВКП(б) № Пл.9/1 от 6 мая 1946 года, в которых указывается, что тов. Маленков «как шеф над авиационной промышленностью и по приемке самолетов — над военно-воздушными силами, морально отвечает за те безобразия, которые вскрыты в работе этих ведомств (выпуск и приемка недоброкачественных самолетов), что он, зная об этих безобразиях, не сигнализировал о них ЦК ВКП(б)» — были приняты на основании сфальсифицированных Абакумовым материалов.

Исходя из этого, — указанные решения Политбюро ЦК ВКП(б) и Пленума ЦК ВКП(б) как неправильные — отменить.

Президиум ЦК КПСС

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 313. Л. 139—140. Копия на бланке ЦК КПСС.

*Публикация
кандидата исторических наук
Владимира ЛЕБЕДЕВА*

«А за мною шум погони...»*

Печатаемое ниже письмо Бориса Леонидовича Пастернака к Петру Семеновичу Когану¹ — еще один пример столь характерного для него на протяжении десятилетий заступничества за неправедно гонимых. Осип Мандельштам и Марина Цветаева, семья Тициана Табидзе и Варлам Шаламов, Ариадна Эфрон и Кайсын Кулиев и иные менее громкие имена могли бы составить длинный список тех, кого он пытался защитить, оградить, подбодрить, накормить во времена войн, террора, «в года мытарств, во времена немислимого быта»².

Поводом для обращения к влиятельному в официальных кругах П. С. Когану послужило исключение из Брюсовского литературно-художественного института младшего друга Пастернака Николая Николаевича Вильмонта³. Он был исключен во время идеологической чистки студентов, «как политически и социально неприемлемый»⁴. Заступничество Пастернака не возымело действия.

Н. Вильмонт был исключен, но позже восстановлен и закончил институт в 1926 г.⁵. Известен и еще один случай ходатайства поэта за молодого друга. 1 июня 1927 г. он пишет Вячеславу Павловичу Полонскому, заведовавшему отделом литературы и искусства Большой Советской Энциклопедии, прося

его помочь Вильмону в недоразумениях, возникших с его статьями, предназначенными для БСЭ⁶.

Но публикуемое письмо, как и любой текст Пастернака, несет в себе, кроме непосредственной информации, множество глубинных смыслов. Текст письма позволяет судить о том, что Пастернак уже в те годы осознавал связь казенного антиинтеллектуализма, произвола и ксенофобии. В обычной своей блестящей и парадоксальной на поверхностный взгляд форме он пишет, что произвол победившего режима уже превзошел и еще превзойдет произвол дореволюционного порядка в России. Резкие слова Пастернака о тяжелом впечатлении от «крестьянской аудитории» в Брюсовском институте, «которая постепенно вытесняет интеллигентский элемент», вовсе не свидетельствуют о его антинародных настроениях. Он ясно видит — победа серости и ординарности в условиях идеологического гнета приведет к духовному и интеллектуальному оскудению страны, т. е. того же самого народа. Позже в романе «Доктор Живаго» Пастернак широко изобразит это засилье серых людей, ужас идеологического давления и одиночество подлинно творческого человека в те годы.

*Москва. Ноябрь 1923 г. ***

Глубокоуважаемый и дорогой
Петр Семенович!

У меня до Вас просьба, личная, настоятельная, горячая. Я знаю Вильяма, знаю его дело и считаю своим долгом не перед ним только, а также и перед Вами поставить Вас в полную известность о том, как смотрят[ся] подобные происшествия выходя из ведомственной обстановки, попадая на открытый воздух и доходя до чьего-нибудь непредвзятого сознания, — в данном случае хотя бы до моего. Если его исключенье претендует хотя бы отдаленно на какой-нибудь смысл, то таковой мне представляется разве только вот как. Дореволюционный порядок блистал парадоксами произвола. Революции надо за это мстить. Если бы она мстила только тем, кто этой мести

*Из стихотворения Б. Пастернака «Нобелевская премия».

**Датируется по содержанию.

Б. Л. Пастернак на I Всесоюзном съезде писателей (1934).

заслужили, это было бы не вполне произвольно. В произвольности надо эти образцы превзойти. И вот из людей, по несчастью знающих один иностранный язык, неумеренно любящих просвещение, и, о ужас, даже по внешности англоподобных, надо наудачу кого-нибудь выбрать, разъяснить (ведь даже Сенат ни одной чепухи своей не оставлял неразъясненной и недообоснованной), и выкинуть, тем более, что как всегда в России — это временно, завтра будут другие порядки, и Вильям будет выставлять сам, как неп*, как спец, или еще как кто-нибудь. Неужели никогда у нас не проснется вкус к широким, большим, временным перспективам и мы все будем «делать ошибки», «не боясь в них открыто сознаваться». Как блестяще! Пишу Вам так, зная Ваши взгляды и помня то, что Вы однажды мне в разговоре со мной сказали, будто бы у нас многого можно достигнуть, если заявлять громко о тебе известных правонарушениях.

Я был у Вас однажды в институте и вынес самое тяжелое впечатление именно от той крестьянской аудитории, которая постепенно вытесняет интеллигентский элемент и ради которой все это творится. Я завидую тем, кто не чувствует ее, мне же ее насмешливое двуличие далось сразу и дай Бог мне ошибиться. Теперь о Вильяме. Отчего не предупреждали при поступлении? Не ложитесь в эту больницу, как вы только придете в сознание, вас выбросят на улицу с несросшейся ногой.

Да, но это все же о Вильяме. Он не мужичок. Он не предатель. За его честное слово я поручусь, как за свое собственное. Он не в ячейке (а то бы он исключал!!). Он не гений (а то бы он жил в XIX-м или в XXI веке). Он способен, как я, как Вы, как Маяковский, как те, с кем мы дружим и кого мы знаем. Изо всей молодежи, ко мне ходившей и мне известной, выделил и приблизил я его, оттого, что для него время началось не с Лефа и на нем не кончится, оттого, что он живет мыслью и культурной тягой, как дай Бог всякому.

Искренне Вас уважающий

Б. Пастернак.

РГАЛИ. Ф. 237. Оп. 1. Ед. хр. 96. Подлинник.

1. П. С. Коган (1872—1932) — историк западноевропейской литературы, критик марксистского толка, президент ГАХН, профессор МГУ, литературно-художественного института им. В. Я. Брюсова.

2. Б. Пастернак. «Разлука».

3. Н. Н. Вильмонт (Вильям-Вильмонт) (1901—1986) — литературовед, специалист по немецкой литературе, переводчик Гете и Шиллера. Был знаком с Пастернаком с весны 1920 г. Автор предисловия к первому изданию «Фауста» в переводе Пастернака и мемуаров о нем. См.: Вильмонт Н. О Борисе Пастернаке. Воспоминания и мысли. М., 1989.

4. См. отзыв Брюсова в дневниковой записи Я. З. Черняка от 29 ноября 1923 г. // Вопросы литературы. 1990. № 2. С. 36. Письмо Пастернака к Когану в этой публикации использовано в комментариях.

5. См. личное дело Н. Н. Вильмонта в фонде Брюсовского института (РГАЛИ. Ф. 596. Оп. 1. Ед. хр. 228). В феврале 1924 г. Вильмонт просит выдать справку об увольнении и зачетную книжку.

6. Литературное наследство. Т. 93. М., 1983. С. 696.

*Предисловие и публикация
Марии РАШКОВСКОЙ*

В общих чертах «дело Пастернака» известно. После публикации в 1957 году романа «Доктор Живаго» за рубежом и присуждения писателю в 1958 году Нобелевской премии по литературе против него была развернута широкая кампания «по разоблачению его антисоветской сущности» и осуждению «предательского поведения, несовместимого со званием советского писателя». Результатом открытой травли Б. Пастернака стал его «добровольный» отказ от Нобелевской премии и «покаянные» письма в ЦК КПСС. Однако некоторые существенные подробности этой истории до сих пор оставались неизвестными. Публикуемые документы из бывшего архива Политбюро ЦК КПСС показывают, кто был идейным вдохновителем шумной пропагандистской кампании. Можно с уверенностью сказать, что судьбу поэта решали не общественность, не Союз

писателей СССР, даже не Комитет госбезопасности, а тогдашний высший партийный орган — Президиум ЦК КПСС. «Победа» над Б. Пастернаком была достигнута запугиванием, реальной угрозой лишения советского гражданства и выдворения из СССР. Это, как считал Пастернак, было бы для него равносильно смерти. Есть даже проект Указа Президиума Верховного Совета СССР по этому поводу, который обсуждался на заседании Президиума ЦК, но не был принят. Ограничились иной мерой. Допрос писателя Генеральным прокурором СССР завершил публичное осуждение «изменника», но точку в «деле Пастернака» не поставил — до самой смерти он оставался под бдительным надзором властей. Документы хранятся в Архиве Президента Российской Федерации.

№ 1

**ЗАПИСКА М. СУСЛОВА В ЦК КПСС
О МЕРОПРИЯТИЯХ В СВЯЗИ С ПРИСУЖДЕНИЕМ Б. ПАСТЕРНАКУ
НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ**

23 октября 1958 г.

В начале 1956 года писатель Б. Пастернак переправил в итальянское издательство рукопись своего романа «Доктор Живаго». В 1957 году этот роман был опубликован в Италии (вышло уже восемь изданий), а потом во Франции, Англии и в некоторых других капиталистических странах.

Сейчас стало известно, что шведская академия наук присудила Пастернаку Нобелевскую премию и в мировой печати начата по этому поводу шумная кампания.

В связи с этим считали бы необходимым:

1. Признать, что присуждение Нобелевской премии роману Пастернака, в котором клеветнически изображается Октябрьская социалистическая революция, советский народ, совершивший эту революцию, и строительство социализма в СССР,

является враждебным по отношению к нашей стране актом и орудием международной реакции, направленным на разжигание холодной войны.

2. Следовало бы сделать попытку через писателя К. Федина объяснить Пастернаку обстановку, сложившуюся в результате присуждения ему Нобелевской премии, и посоветовать Пастернаку отклонить премию и выступить в печати с соответствующим заявлением.

3. Опубликовать в журнале «Новый мир» и в «Литературной газете» письмо редакции журнала «Новый мир», направленное Пастернаку в сентябре 1956 года. В этом письме дается развернутая критика романа и объясняется, почему журнал не опубликовал это клеветническое сочинение.

4. Подготовить и опубликовать в «Правде» фельетон, в котором дать резкую оценку самого романа Пастернака, а также раскрыть смысл той враждебной кампании, которую ведет буржуазная печать в связи с присуждением Пастернаку Нобелевской премии.

5. Организовать и опубликовать коллективное выступление виднейших советских писателей, в котором оценить присуждение премии Пастернаку как стремление разжечь холодную войну.

М. Сулов

23 октября 1958 г.

АП РФ. Ф.3. Оп.34. Д.269. Л.10—11. Подлинник.

№ 2

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС «О клеветническом романе Б. Пастернака»

№ П188/ХЛII

23 октября 1958 г.
СТРОГО СЕКРЕТНО

1. Признать, что присуждение Нобелевской премии роману Пастернака, в котором клеветнически изображается Октябрьская социалистическая революция, советский народ, совершивший эту революцию, и строительство социализма в СССР, является враждебным по отношению к нашей стране актом и орудием международной реакции, направленным на разжигание холодной войны.

2. Опубликовать в журнале «Новый мир» и в «Литературной газете» письмо редакции журнала «Новый мир», направленное Пастернаку в сентябре 1956 года¹.

3. Подготовить и опубликовать в «Правде» фельетон², в котором дать резкую оценку самого романа Пастернака, а также раскрыть смысл той враждебной кампании, которую ведет буржуазная печать в связи с присуждением Пастернаку Нобелевской премии.

4. Организовать и опубликовать выступление виднейших советских писателей³, в котором оценить присуждение премии Пастернаку как стремление разжечь холодную войну.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Там же. Л. 8. Выписка из протокола

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Письмо членов редколлегии журнала «Новый мир» Б. Пастернаку опубликовано в «Литературной газете» 25 октября 1958 г.

2. 26 октября 1958 г. в газете «Правда» опубликована статья Д. Заславского «Шумиха реакционной пропаганды вокруг литературного сорняка».

3. 29 октября 1958 г. в газете «Правда»

опубликовано постановление президиума правления Союза писателей СССР, бюро Оргкомитета Союза писателей РСФСР, президиума правления Московского отделения Союза писателей РСФСР «О действиях члена Союза писателей СССР Б. Л. Пастернака, не совместимых со званием советского писателя».

1 ноября 1958 г.²

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА
НИКИТЕ СЕРГЕЕВИЧУ ХРУЩЕВУ**

Уважаемый НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ,

Я обращаюсь к Вам лично, Ц.К. К.П.С.С. и Советскому Правительству.

Из доклада т. Семичастного мне стало известно о том, что правительство «не чинило бы никаких препятствий моему выезду из С.С.С.Р.».

Для меня это невозможно. Я связан с Россией рождением, жизнью, работой.

Я не мыслю своей судьбы отдельно и вне ее. Каковы бы ни были мои ошибки и заблуждения, я не мог себе представить, что окажусь в центре такой политической кампании, которую стали раздувать вокруг моего имени на Западе.

Осознав это, я поставил в известность Шведскую Академию о своем добровольном отказе от Нобелевской премии.

Выезд за пределы моей Родины для меня равносителен смерти и поэтому я прошу не принимать по отношению ко мне этой крайней меры.

Положа руку на сердце, я кое-что сделал для советской литературы и могу еще быть ей полезен.

Б. Пастернак.

1 ноября 1958 г.

Там же. Л. 64. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Опубликовано в газете «Правда» 2 ноября 1958 г.

2. На письме имеется помета карандашом: «Получено в ЦК 31 октября 1958 г.».

5 ноября 1958 г.

В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Я обращаюсь к редакции газеты «ПРАВДА» с просьбой опубликовать мое заявление.

Сделать его заставляет меня мое уважение к правде.

Как все происшедшее со мною было естественным следствием совершенных мною поступков, так свободны и добровольны были все мои проявления по поводу присуждения мне Нобелевской премии.

Присуждение Нобелевской премии я воспринял как отличие литературное, обрадовался ей и выразил это в телеграмме секретарю Шведской Академии Андерсу Эстерлингу.

Но я ошибся. Так ошибиться я имел основание, потому что меня уже раньше выставляли кандидатом на нее, например пять лет назад, когда моего романа еще не существовало.

По истечении недели, когда я увидел, какие размеры приобретает политическая кампания вокруг моего романа и убедился, что это присуждение шаг политический, теперь приведший к чудовищным последствиям, я по собственному побуждению, никем не принуждаемый, послал свой добровольный отказ.

В своем письме к Никите Сергеевичу Хрущеву я заявил, что связан с Россией рождением, жизнью и работой и что оставить ее и уйти в изгнание на чужбину для меня немислимо. Говоря об этой связи, я имел в виду не только родство с ее землей и природой, но конечно также и с ее народом, ее прошлым, ее славным настоящим и ее будущим.

Но между мною и этой связью стали стеною препятствия, по моей собственной вине порожденные романом.

У меня никогда не было намерений принести вред своему государству и своему народу.

Редакция «Нового мира» предупредила меня о том, что роман может быть понят читателями как произведение, направленное против Октябрьской Революции и основ советского строя. Я этого не осознавал, о чем сейчас сожалею.

В самом деле, если принять во внимание заключения, вытекающие из критического разбора романа, то выходит, будто я поддерживаю в романе следующие ошибочные положения. Я как бы утверждаю, что всякая революция есть явление исторически незаконное, что одним из таких беззаконий является Октябрьская Революция, что она принесла России несчастья и привела к гибели русскую преемственную интеллигенцию.

Мне ясно, что под такими утверждениями, доведенными до нелепости, я не в состоянии подписаться. Между тем мой труд, награжденный Нобелевской премией, дал повод к такому прискорбному толкованию, и это причина, почему, в конце концов, я от премии отказался.

Если бы издание книги было приостановлено, как я просил моего издателя в Италии (издания в других странах выпускались без моего ведома), вероятно, мне удалось хотя бы частично это поправить. Но книга напечатана, и поздно об этом говорить.

В продолжение этой бурной недели я не подвергался преследованию, я не рисковал ни жизнью, ни свободой, ничем решительно. Я хочу еще раз подчеркнуть, что все мои действия совершаются добровольно. Люди, близко со мною знакомые, хорошо знают, что ничто на свете не может заставить меня покривить душой или поступить против своей совести. Так было и на этот раз. Излишне уверять, что никто ничего у меня не вынуждал, и что это заявление я делаю со свободной душой, со светлой верой в общее и мое собственное будущее, с гордостью за время, в которое живу, и за людей, которые меня окружают.

Я верю, что найду в себе силы восстановить свое доброе имя и подорванное доверие товарищей.

Б. Пастернак.

5 ноября 1958 г.

Там же. Л.67—68. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Опубликовано в газете «Правда» 6 ноября 1958 г.

№ 5

ЗАПИСКА КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при
СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР В ЦК КПСС
О КОНТАКТАХ Б. ПАСТЕРНАКА¹

№374-Ш

16 февраля 1959 г.
ОСОБАЯ ПАПКА
СОВ. СЕКРЕТНО

ЦК КПСС

Докладывая, что органами госбезопасности выявлены следующие связи ПАСТЕРНАКА из числа советских граждан: писатель ЧУКОВСКИЙ К.И., писатель ИВАНОВ В.В., музыкант НЕЙГАУЗ Г.Г., народный артист СССР ЛИВАНОВ Б.Н., поэт ВОЗНЕСЕНСКИЙ А., редактор Гослитиздата БАННИКОВ Н.В., ранее работал в отделе печати МИДа СССР, переводчица ИВИНСКАЯ О.В., работает по договорам, является сожительницей ПАСТЕРНАКА. 8 февраля в связи с днем рождения ПАСТЕРНАКА его навестили дочь композитора СКРЯБИНА, вдова композитора ПРОКОФЬЕВА, пианист РИХТЕР с женой и жена народного артиста СССР ЛИВАНОВА.

Кроме того, ПАСТЕРНАКА посещают московские корреспонденты английской газеты «Дейли экспресс» ДОБСОН и БЕРЧЕТ, корреспондент западногерманской радиоконпании «Вестдейчер рундфунк» РУГЕ.

В феврале текущего года у ПАСТЕРНАКА были американский гражданин ТЕЙЛОР и постоянный корреспондент английской газеты «Дейли мейл» в Париже А. БРАУН, находившиеся в Москве в качестве туристов. По имеющимся данным,

ПАСТЕРНАК во время беседы с БРАУНОМ передал ему написанное в антисоветском духе стихотворение «Нобелевская премия», которое затем 11 февраля было опубликовано в английской прессе.

ИВИНСКАЯ антисоветски настроена, несколько раз высказывала желание выехать с ПАСТЕРНАКОМ за границу, в ряде случаев оказывает на него отрицательное влияние.

Комитету госбезопасности известно, что ИВИНСКАЯ была против передачи иностранному корреспонденту антисоветского стихотворения ПАСТЕРНАКА «Нобелевская премия», в связи с чем высказывает недовольство ПАСТЕРНАКОМ и заявляет о своих опасениях быть арестованной.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

А. ШЕЛЕПИН

Там же. Л.94—95. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. На документе резолюция М. Сулова «Ознакомить членов комиссии, а также т. Поликарпова» и подписи Е. Фурцевой, П. Поспелова, Н. Игнатова, Д. Поликарпова.

№ 6

ЗАПИСКА КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при
СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР В ЦК КПСС
О Б. ПАСТЕРНАКЕ¹

№391-Ш

20 февраля 1959 г.
ОСОБАЯ ПАПКА
СОВ. СЕКРЕТНО

ЦК КПСС

Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР докладывает ЦК КПСС о материалах, имеющихся в органах госбезопасности, в отношении писателя ПАСТЕРНАКА Б.Л.

ПАСТЕРНАК происходит из семьи художника, отец его вскоре после Октябрьской революции выехал в Англию, где и умер в 1939 году. В настоящее время там проживает сестра ПАСТЕРНАКА Б.Л. — Лидия СЛЕЙТЕР. В первые годы Советской власти ПАСТЕРНАК примыкал к литературной группе акмеистов.

Для всего его творчества характерно воспевание индивидуализма и уход от советской действительности. По философским взглядам он убежденный идеалист.

Как видно из агентурных материалов, ПАСТЕРНАК среди своих знакомых неоднократно высказывал антисоветские настроения, особенно по вопросам политики партии и Советского правительства в области литературы и искусства, так как считает, что свобода искусства в нашей стране невозможна.

В 1938 году ПАСТЕРНАК заявлял: «Обороняться от гнета и насилия, существующего сейчас, следует лишь уходом в себя, сохранением внутренней честности. Это сейчас требует героизма, нужно хотя бы пассивное сопротивление царящему одичанию и кровожадности».

В период Отечественной войны ПАСТЕРНАК высказывал пораженческие настроения, а после победы над фашистской Германией выражал разочарование тем, что война не принесла желательных для него изменений в общественном и государственном строе в СССР. «Над нашей жизнью по-прежнему будет царить произвол и насилие, над нашей душой и мыслями — тирания и деспотизм», — говорил он.

Игнорируя критику его творчества со стороны советской общественности в послевоенный период, ПАСТЕРНАК заявлял, что для него ценнее популярность в Англии, чем критический разбор его произведений в советской печати. «Жить мне в Советском Союзе невозможно, и я вижу только два выхода из создавшегося положения: покончить с собой или уехать в Англию, там я буду жить свободно и меня оценят по достоинству и побеспокоятся обо мне».

В 1947 году ПАСТЕРНАК познакомился с сотрудницей английского посольства ХОЛДКРОФТ, интересовался у нее отзывами английской, американской прессы о его произведениях. Обещал передать ей для пересылки за границу свои последние статьи, книги и роман, над которым работает. Об этом романе ПАСТЕРНАК говорил, в частности, что он пишет книгу для единомышленников, большинство которых, по его

мнению, проживает за границей, и поэтому он получает удовлетворение, старается забыть, что существует здесь. В то время он уже работал над романом «Доктор Живаго». Лицам, окружающим его, ПАСТЕРНАК демонстративно заявил, что в случае каких-либо осложнений он рассчитывает на поддержку англичан. Надо отметить, что в 1947—1948 годах ПАСТЕРНАК имел встречи с рядом лиц, приехавших из Англии.

Заключив свой роман «Доктор Живаго» (примерно в начале 1949 года) и не получив разрешения на его опубликование, ПАСТЕРНАК распространял рукопись романа среди своего окружения. В мае 1956 года он, как известно, передал роман «Доктор Живаго» через диктора радиокomiteта итальянского подданного коммуниста д'АНДЖЕЛО издателю ФЕЛЬТРИНЕЛЛИ и дал свое согласие на издание этой книги в Италии.

Передавая рукопись за границу, ПАСТЕРНАК, как это видно из его беседы с профессором Оксфордского университета белоэмигрантом КАТКОВЫМ Г.М., приехавшим в сентябре 1956 года, исходил из того, что роман в Советском Союзе не может быть принят. Предпринимая этот шаг, ПАСТЕРНАК, по его словам, не был заинтересован в материальной стороне дела и поэтому основным условием, которое он поставил перед издателем, было перевести «Доктора Живаго» на европейские языки: французский, немецкий и английский после выпуска его на итальянском.

В августе 1957 года ПАСТЕРНАК в письме к своей сестре СЛЕЙТЕР сообщал: «Я не знаю, во что это выльется (речь идет о реакции на издание романа за границей) и чем кончится, но к чему бы оно ни привело, даже к самому худшему, это слишком слабая расплата за то, что вещь написана и что ничто не может помешать ей занять свое место в жизни века».

Когда на Западе роман «Доктор Живаго» был поднят на шит реакционными кругами, ПАСТЕРНАК пытался распространить мысль о том, что он не так понят, что ничего контрреволюционного и антисоветского в этом романе нет, единственное, что в нем ревузется, «это отношение нашего государства к интеллигенции, так эти ошибки признают и без меня. Вопрос лишь во времени, говорил ПАСТЕРНАК, если я сказал об этом раньше времени, то это еще не такой грех, а главное, что мне нравится в моем «Живаго», почему я не отрекаюсь от него — это мотивы восстановления искусства, самого отношения к искусству». То, что это его отношение к искусству «понято» на Западе, нравственно поддерживало ПАСТЕРНАКА и нарушало якобы сложившуюся вокруг него изоляцию.

Летом 1958 года за границей началась усиленная кампания за присуждение ПАСТЕРНАКУ Нобелевской премии, в которую по инициативе американцев включились многие реакционные и антисоветские организации и общества, в частности, главари НТС пытались превратить ПАСТЕРНАКА в символ литературной оппозиции, якобы имеющей место в Советском Союзе, и представить его олицетворением «новой демократической России». Некто СУВЧИНСКИЙ П.П., занимающийся изучением и популяризацией творчества ПАСТЕРНАКА во Франции, писал последнему в июле 1958 года, что в очень короткое время имя ПАСТЕРНАКА удалось поставить во Франции на ту высшую ступень признания, которой он достоин, и тем самым якобы исправлена одна из величайших несправедливостей русской истории. В ответ на это письмо ПАСТЕРНАК писал: «Напрасно вы думаете, что я чем-то был до романа. Я начинаю только с этой книги, все, что было прежде, — чепуха».

Активных мер к тому, чтобы пресечь использование романа «Доктор Живаго» в антисоветской пропаганде, предшествовавшей присуждению этому произведению Нобелевской премии, ПАСТЕРНАК не предпринимал. Он продолжал стоять на надуманной им точке зрения, что «Доктор Живаго» является произведением подлинного художника, но этого не могут признать в Советском Союзе в силу сложившихся общественно-политических условий.

23 октября 1958 года, когда стало известно о присуждении ПАСТЕРНАКУ Нобелевской премии, он заявил одному из иностранных корреспондентов, что это известие он принял с большой радостью и полагает, что в Советском Союзе должны были бы приветствовать это присуждение в связи с тем, что именно член советского общества достоин такой чести. Он надеется на положительную реакцию советских властей и общественности, но не исключает возможности того, что у него могут быть неприятности.

Не считаясь с возмущением советской общественности, ПАСТЕРНАК не желал отказаться от Нобелевской премии, а сделанные им заявления в печати носили двурушнический характер: На самом деле, как это установлено в ходе контроля за корреспонденцией ПАСТЕРНАКА, он пытался отправить за границу ряд писем, в которых подтверждал свое удовлетворение присвоением ему Нобелевской премии, и уполномочивал получить ее свою знакомую графиню де ПРУАЙАР, проживающую во Франции.

В письмах к многочисленным зарубежным корреспондентам ПАСТЕРНАК постоянно подчеркивает, что якобы «сравнительно мягкие меры» по отношению к нему являются результатом поднятой кампании на Западе; заявляет о тяжелых условиях изоляции его от общества, якобы специально организуемой, о том, что его хотят якобы окончательно уничтожить различными путями вплоть до материальных ущемлений.

Так, в письме от 3 января 1959 года некоему Маку ГРЕГОРУ ПАСТЕРНАК писал: «Я напрасно ожидал проявления великодушия и снисхождения в ответ на два моих опубликованных письма. Великодушие и терпимость не в природе моих адресатов, оскорбление и унижение будут продолжаться. Петля неясности, которая все больше и больше затягивается вокруг моей шеи, имеет целью силой поставить меня в материальном отношении на колени, но этого никогда не будет. Я переступил порог нового года с самоубийственным настроением и гневом».

В последнее время озлобленность ПАСТЕРНАКА усилилась. Это видно, в частности, из его письма в ЦК КПСС, проект которого зачитывался сожительницей ПАСТЕРНАКА ИВИНСКОЙ и стал известен нам. «...Я понимаю, я взрослый, что я ничего не могу требовать, что у меня нет прав. Что против движения бровей верховной власти я козявка, которую раздави — и никто не пикнет. Но ведь это случится не так просто. Перед этим где-нибудь обо мне пожалеют... Я вообще по глупости ожидал знаков широты и великодушия в ответ на эти письма (речь идет о письмах в печати)». Далее в письме содержатся злобные выпады.

В результате наблюдения за ПАСТЕРНАКОМ установлено, что ряд лиц из числа его близкого окружения также не разделяет точки зрения советской общественности и своим сочувствием в известной мере подогревает озлобленность ПАСТЕРНАКА. К числу таких лиц относится сожительница ПАСТЕРНАКА ИВИНСКАЯ О.В. Происходит она из дворян, характеризуется как умная, но морально разложившаяся женщина. В 1949 году арестовывалась как высказывавшая антисоветские настроения и имевшая связь с аферистами. Впоследствии была освобождена как «осужденная без достаточных к тому оснований».

Как видно из имеющихся материалов, ИВИНСКАЯ не прочь эмигрировать с ПАСТЕРНАКОМ за границу, в связи с чем пытается склонить последнего к оформлению развода с нынешней своей женой и зарегистрировать официальный брак с ИВИНСКОЙ. В настоящее время высказывает антисоветские настроения. ПАСТЕРНАК находится под ее большим влиянием.

БАНИКОВ Н.В., член КПСС, старший редактор Гослитиздата, длительный период времени являлся редактором литературных произведений ПАСТЕРНАКА, высказывает антисоветские настроения, разделяет позицию, занятую ПАСТЕРНАКОМ.

Отрицательно также влияет на ПАСТЕРНАКА писатель Всеволод ИВАНОВ и его жена, ЭФРОН А.С. — дочь поэтессы М.ЦВЕТАЕВОЙ.

По последним данным, ПАСТЕРНАК высказывает беспокойство в связи с ожидаемым приездом английской парламентской делегации, опасаясь особого интереса к нему со стороны английских корреспондентов. Высказывает в связи с этим желание уехать на некоторое время в Тбилиси.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

ШЕЛЕПИН

Там же. Л.96—101. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. На документе резолюция М.Суслова «Ознакомиться (т. комиссии)» и подписи Е. Фурцевой, П. Пospelова, Н. Игнатова.

№ 7

ЗАПИСКА ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА СССР В ЦК КПСС
О МЕРАХ В ОТНОШЕНИИ Б. ПАСТЕРНАКА

№13-ЛС

20 февраля 1959 г.

Секретно

ЦК КПСС

Ознакомившись с материалами ТАСС и Главлита о передаче ПАСТЕРНАКОМ Б.Л. своего антисоветского стихотворения «Нобелевская премия» корреспонденту газеты «Дейли мейл» А.БРАУНУ, полагал бы необходимым принять следующие меры:

Источник 4/1993

1) вызвать ПАСТЕРНАКА в Прокуратуру СССР для официального допроса;
 2) перед началом допроса заявить ПАСТЕРНАКУ, что его действия, выразившиеся в сочинении и распространении за границей антисоветских литературных произведений — романа «Доктор Живаго» и стихотворения «Нобелевская премия», которые содержат клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй и стали орудием международной реакции в проведении враждебной деятельности против СССР, — несовместимы с нормами поведения советского гражданина, образуют состав особо опасного государственного преступления и в силу закона влекут уголовную ответственность;

3) одновременно заявить ПАСТЕРНАКУ, что имеющиеся в распоряжении Прокуратуры Союза материалы свидетельствуют о том, что он злоупотребил гуманным отношением, проявленным к нему со стороны Советского правительства, и, несмотря на публичные заверения в патриотизме и осуждение своих «ошибок и заблуждений», он (Пастернак), встав на путь обмана и двурушничества, тайно продолжал антинародную деятельность, сознательно и умышленно направленную во вред советскому обществу;

4) в ходе допроса предъявить ПАСТЕРНАКУ номер газеты «Дейли мейл», в котором опубликовано его стихотворение, с воспроизведением факсимиле;

5) показания ПАСТЕРНАКА полностью отразить в протоколе допроса и дать ему подписать;

6) по окончании допроса объявить ПАСТЕРНАКУ, что Прокуратурой Союза будет произведено надлежащее расследование его действий;

7) полагал бы к уголовной ответственности ПАСТЕРНАКА не привлекать и судебного процесса по его делу не проводить. Организация такого процесса представляется во всех отношениях нецелесообразной. Советская общественность, осудив действия ПАСТЕРНАКА как изменнические, требовала лишить его гражданства и удалить из пределов СССР. Ни того, ни другого по действующему законодательству суд сделать не может;

8) поскольку ПАСТЕРНАК совершил акт предательства по отношению к советскому народу и в результате политического и морального падения поставил себя вне советского общества, — было бы целесообразнее принять решение о лишении его советского гражданства и удалении из СССР. Такое решение может быть принято Президиумом Верховного Совета СССР в соответствии с п. «б» ст. 7 Закона о гражданстве СССР от 19 августа 1938 года;

9) основанием для рассмотрения этого вопроса Президиумом Верховного Совета СССР могло бы служить представление Генерального Прокурора СССР.

Проект соответствующего Указа прилагаю.

Прошу рассмотреть.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СССР

Р.РУДЕНКО

Проект

УКАЗ

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР¹

**О лишении советского гражданства и удалении
из пределов СССР ПАСТЕРНАКА Б.Л.**

Расследованием, произведенным Генеральным Прокурором СССР, установлено, что ПАСТЕРНАК Б.Л. сочинял и распространял за границей антисоветские произведения, содержащие клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй и используемые международной реакцией в проведении враждебной деятельности против СССР.

Несмотря на публичные заверения в патриотизме и осуждение своих «ошибок и заблуждений», ПАСТЕРНАК, злоупотребив гуманным отношением, проявленным к нему со стороны Советского правительства, и встав на путь обмана и двурушничества, тайно продолжал до самого последнего времени свою антинародную деятельность.

Такие действия ПАСТЕРНАКА не совместимы с нормами поведения советского гражданина и ставят его вне советского общества.

Исходя из этого, а также учитывая требования советской общественности, Президиум Верховного Совета СССР

ПОСТАНОВЛЯЕТ:

Лишить советского гражданства и удалить из пределов СССР ПАСТЕРНАКА Бориса Леонидовича.

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР**

**СЕКРЕТАРЬ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР**

Там же. Л.104—108. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Указ Президиума Верховного Совета СССР после обсуждения на заседании Президиума ЦК КПСС 27 февраля 1959 г. принят не был.

днума ЦК КПСС 27 февраля 1959 г. принят не был.

№8

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС

«О Пастернаке Б. Л.»

№ П207/ХII

27 февраля 1959 г.
СТРОГО СЕКРЕТНО

Поручить Генеральному прокурору СССР т. Руденко принять меры в соответствии с обменом мнениями на заседании Президиума ЦК.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Там же. Л. 102. Выписка из протокола.

№9

**ЗАПИСКА ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА СССР В ЦК КПСС
О НАПРАВЛЕНИИ КОПИИ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА Б. ПАСТЕРНАКА¹**

№20-лс

14 марта 1959 г.
СЕКРЕТНО
экз. №1

Ц К К П С С

Направляю копию протокола допроса ПАСТЕРНАКА Б. Л.

На допросе ПАСТЕРНАК вел себя трусливо. Мне кажется, что он сделает необходимые выводы из предупреждения об уголовной ответственности.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СССР

Р. РУДЕНКО

Копия

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

14 марта 1959 года Генеральный Прокурор СССР Действительный Государственный Советник Юстиции РУДЕНКО Р.А. допросил нижепоименованного гр-на, который сообщил о себе следующие сведения:

ПАСТЕРНАК Борис Леонидович, 1890 года рождения, по национальности еврей, семейный, беспартийный.

Гр. Пастернаку разъяснено, что он вызван для допроса в связи с его действиями, нарушающими законы Советского государства.

ВОПРОС: Общеизвестно, что Ваше сочинение «Доктор Живаго», содержащее клеветнические измышления, порочащие общественный и государственный строй СССР, использовано международной реакцией в проведении враждебной деятельности против СССР. Ваши действия образуют состав особо опасного государственного преступления и в силу закона (ст. I закона о государственных преступлениях) влекут уголовную ответственность. Также общеизвестно единодушное осуждение советской общественностью Ваших действий, несовместимых с нормами поведения советского гражданина. Я спрашиваю прежде всего, действительно ли искренним было Ваше

заявление, опубликованное в ноябре 1958 года о своем патриотизме и осуждении своих ошибок и заблуждений.

ОТВЕТ: Да, это заявление с моей стороны было вполне искренним.

ВОПРОС: Прокуратура СССР располагает материалами о том, что Вы, злоупотребив гуманным отношением, проявленным со стороны Советского правительства и несмотря на публичное заверение о своем патриотизме и осуждении своих ошибок и заблуждений, которое, как Вы сейчас утверждаете, было искренним, стали на путь обмана и двурушничества, тайно продолжали деятельность, сознательно и умышленно направленную во вред советскому обществу. Ответьте, передавали ли Вы после этих публичных заверений кому-либо из иностранных корреспондентов свои антисоветские сочинения?

ОТВЕТ: Действительно, в начале февраля этого года имел место случай неосторожной передачи нескольких стихотворений, в том числе стихотворения «Нобелевская премия», корреспонденту английской газеты «Дейли Мейл», который посетил меня на даче. Передавая эти стихотворения Брауну, я сказал, что не предназначаю их для опубликования, а даю их в качестве просимого автографа. Передача мной стихотворения «Нобелевская премия» с таким содержанием, которое легко может быть истолковано как поклеп на действительно гуманное ко мне отношение со стороны Советской власти, — роковая неосторожность, которая справедливо может быть расценена как двурушничество.

ВОПРОС: Вам предъявляется газета «Дейли Мейл» от 11 февраля с.г. с опубликованным Вашим стихотворением «Нобелевская премия» и воспроизведением Вашего факсимиле, где корреспондент Браун утверждает, что это стихотворение Вы ему передали для опубликования.

Что Вы можете сообщить о его утверждении?

ОТВЕТ: Если мне не изменяет память, стихотворения ему я для опубликования не передавал. Ознакомившись с предъявленной мне газетой, я на деле убеждаюсь в том, что мои слова и писания используются с целью клеветнических выпадов и измышлений против советского общества. Этот новый случай особенно прискорбен для меня потому, что он ставит под сомнение искренность моих решений служить своей Родине. Я осуждаю эти свои действия и отчетливо понимаю, что они влекут за собой мою ответственность по закону, как советского гражданина.

В заключение допроса Генеральный Прокурор СССР разъяснил:

На данной стадии расследования я должен предупредить Вас, что если эти действия, которые, как уже сказано выше, образуют состав преступления, не будут прекращены, то в соответствии с Законом Вы будете привлечены к уголовной ответственности. Также должен предупредить Вас в соответствии со ст.96 Уголовного Кодекса РСФСР об ответственности за разглашение данных расследования.

Вам это понятно?

ОТВЕТ: Совершенно понятно и будет мной исполнено безоговорочно.

Допрос производился в Прокуратуре СССР, начат в 12 часов и закончен в 14 часов. Протокол мной прочитан, ответы с моих слов записаны правильно.

ПОДПИСЬ (Б. ПАСТЕРНАК)

ДОПРОСИЛ: Генеральный Прокурор СССР — Р. Руденко

Запись протокола допроса вел следователь по особо важным делам при Генеральном Прокуроре СССР — Н. Преображенский

Там же. Л.110—113. Подлинник

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Записка и копия протокола рассылались членам и кандидатам в члены Президиума ЦК КПСС и Шуйскому.

Публикация
Александра КОРОТКОВА, Сергея МЕЛЬЧИНА,
Александра СТЕПАНОВА

ОПИСАНИЕ РОССИИ. ИСТОРИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ

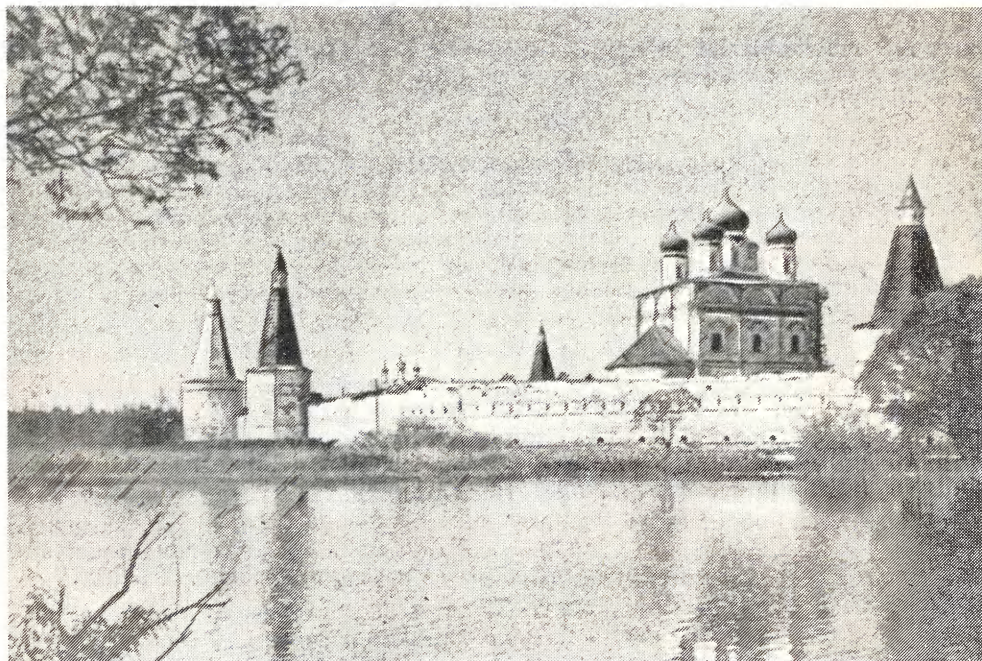
Каким видели древний Волоколамск
в XVIII веке?
Продолжение
«Описания Московской губернии».

Продолжаем знакомить читателей с «Описанием Московской губернии» (см. «Источник». 1993. № 1—3). Нынешний рассказ — о Волоколамске. Описание

хранится в отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Как и в предыдущих публикациях, сохранены стиль и орфография подлинника.

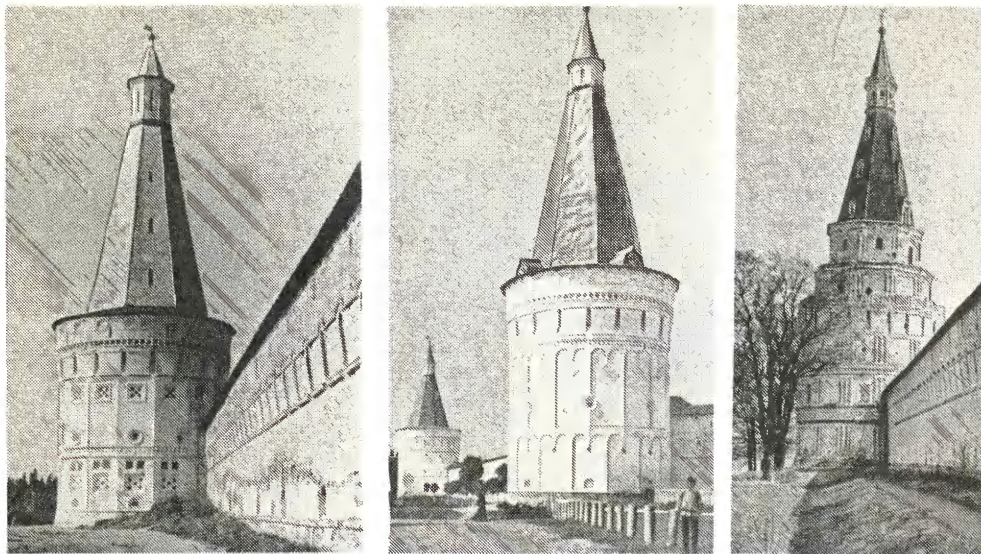
«Отдан был в удел внуку князя Долгорукаго»

Волокламск

Иосифо-Волоколамский монастырь. Вид с северной стороны.

Время начального сего города основания неизвестно, но то неоспоримо, что он составлял часть княжения Новгородского и новгородцами 1177 году отдан он был в удел Ярославу Мстиславичу¹ внуку князя Георгия Долгорукаго. В сем же году он был взят и выжжен дядею его Всеволодом Георгиевичем² и жители онаго вместе с князем все отведены в плен. Около 1229 году был он около двух лет во власти Ярослава Всеволодовича³ во время его оставления новгородского княжения и по возвращении его на оное паки к сему княжению присоединен. Другое разорение он претерпел в 1237 году во время нашествия Батюга⁴. В 1239 году разорен он паки татарским князем Дюденем⁵. Князь Борис Васильевич Полоцкий⁶ сын великаго князя московскаго Василья Васильевича Темнаго⁷ около 1425 году имел в сем городе пребывание. Сие доказывается надписью, находящеюся на иконостасе в соборной Воскресения Христа церкви, которая вся из белаго камня, и в силу сей надписи 356 лет существовать должна. В сей церкви хранится еще между священными одеяниями воздух⁸, на котором вышита сия надпись: «В лето 6985 создан бысть сей воздух благоверным князем Борисом великаго князя Василия Васильевича сыном», а на другом воздухе

Иосифо-Волоколамский монастырь. Мирносицкая (Воскресенская) башня, Петровская и Старицкая башни, Кузнечная башня. 1678—1680. Зодчий Трофим Игнатьев.

написано тако: «Лета 7019 октября 25 положение государя благоверного князя Федора Борисовича⁹ и благоверных княжны Анны шитье». Великий князь Василий Иванович¹⁰ в 1515 году пожаловал сей церкви жалованную грамоту, из которой усматривается, что в сем году были уже в сем городе не удельный князь, но великаго князя московскаго наместники, их тиуны¹¹ и десятники¹². В 1599 году был в нем царь Борис Годунов¹³ путешествия в Иосифов монастырь. В 1613 году осажден он был полским королем Жигмунтом¹⁴, но храбрым отпором бывших в нем воевод Карамышева¹⁵ и Чемесова¹⁶ отбит. Почему место, где стан неприятельский находился до сих пор называется Полки. Оставшия около двадцати пустых погостов¹⁷ суть свидетелями как бывшего его многолюдства, так и последовавшего раззорения. От начала вступления на престол царя Михаила Федоровича¹⁸ до нынѣшнихъ временъ не примечается в истории о сем городе ничего отличнаго.

Местоположение

Укрепление сего города лежит на очень возвышенном месте, которое выдается к восточной стороне на подобие мыса. С южной, восточной и северной староны глубокою долиною окружается. Почему при создании сей крепости болшая насыпь зделана толко от западно-южной стороны, где сей мыс с болшею горою по левой староне реки Городни находящеюся соединяется. Но как по самому рву, из котораго сия насыпь зделана проложена дорога, то продолжением времени и течением дождевой воды он учинился время от времени глубочайшим. Самое укрепление имеет образ и вид неравносторонняго многоугольника, которой накланение имеет от заподной стороны к восточно-северной и имеет в окружности 490 сажень¹⁹. Река Городня, окружая его с двух сторон, делает крутизну горы, которая с малою насыпью самую высочайшую с восточно-северной и северо-западной сторон составляет стену, так что она извне от 5 до 7 сажень, а снутри от 1 до 2 сажень по поверхности высоты имеет. Сверху сей крепости видимая противулежащая за рекою Городнею заселенная, а частию хлебопашеством занятая сторона тако ж. Впадающия в оную ручьи и долины делают довольно приятной вид. Городня имеет свою вершину не далее от города как четыре версты. А в двух верстах от города под селом Ивановским впадает она в реку Ламу.

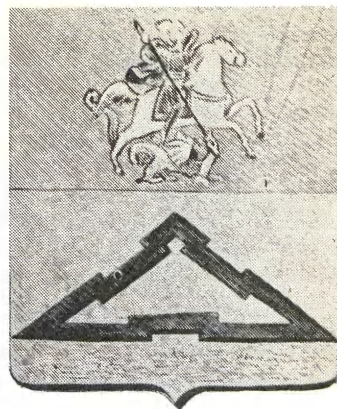
Разделение города

Сей город по положению своему разделяется на три части, из которых первая есть крепость. Она имеет двой ворот: от востока Никольския, а от севера Ильинския.

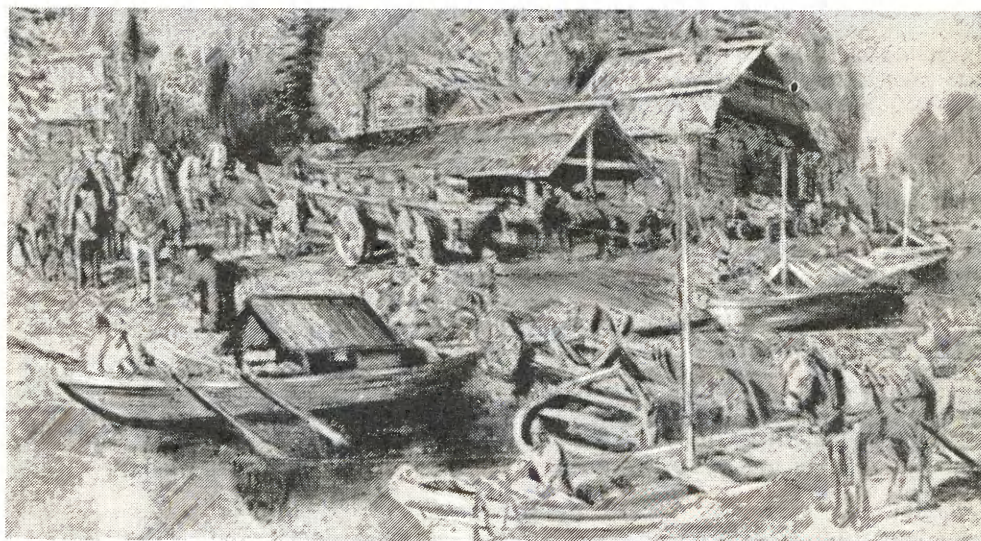
Церковь в честь Воздвижения Креста Господня в гор. Волоколамск, Московской губ.

А. Васнецов. Волон на Ламе

Герб города Волоколамска.

Волоколамск. Церковь в честь Воздвижения Креста Господня.

Источник 4/1993

Вид на Волоколамский монастырь.

Вторая часть состоит из лежащих на правой стороне реки Городни обывательских домов. Третья часть лежит на левой стороне Городни, другим же образом разделяется он на четыре различные слободы: Салдатскую, Рождественскую, Троицкую и Соборную.

Сообщение

Оно между семи разделениями происходит семью улицами и переулками, из которых одна, возле Торговой площади находящаяся, вымощена деревянною мостою, сверх того через воды находятся три деревянные мосты и одна плотина.

Строение

	каменного	деревянного
Внутри валу соборная церковь Воскресение Христово очень древняго здания из белаго камня.		
При оной колокольня из кирпича	1	
канцелярия	—	1
казенной правянтской магазейн с караульнею	—	1
загородных церквей	5	3
питейных домов в городе	—	5
пивоварня	—	1
купеческих постоянных дворов	—	6
лавок	—	35
салодовен	—	2
Обывательских дворов		
штаб и обер афицерских	1	5
священо и церковнослужителей	—	29
канцелярских служителей и штатной команды солдат	—	24
купеческих	—	45
мещанских	—	15
старых служб, пахотных салдат и пушкарских	—	84
Звание жителей		
штаб и обер афицеров	5	
священо и церковнослужителей	29	
купечества, от коего объявлено капиталу 30.800 рублей	217	
мещанства	217	
приказных служителей штатных, салдат прежних служб	205	

Содержание

Штаб и обер афицеры, канцелярские служители и салдаты имеют оное от жалованья. Священо и церковнослужители от своих приходов. Купечество и мещанство от торговли. Прежних служб люди от хлебопашества.

Торговля

Торги сею города состоят по большей части в лавочных нужных для крестьянства товарах, которые здешние купцы, покупая в Москве, продают в сем городе по торговым дням, а в других городах по ярмонкам. Некоторые же из оных скупают сырые кожи, холст и пенку и отвозят для продажи в Москву, Вязму и Гжатскую пристань.

Но вся сия торговля на столь малое простирается количество, что инья из купечества, не находя в городе довольно упражнения, отъезжают в Москву и другие города для проискания себе в прикащиках и сидельцах места. Прочие же принуждены были до сего времени упражняться в земледелии. И как многия нужныя в общежитии вещи по большей части покупаются в Москве, то и мастерства не могут доставить в

Иосифо-Волоколамский монастырь.
Кузнечная башня.
1678—1680. Зодчий Трофим Игнатьев.

Воскресенский собор.

сем городе достаточного содержания. Почему в оных упражняется толко 7 человек.

В рассуждении сего настоит надобность сыскать впредь пособия для лутшаго упражнения жителей и для приведения их чрез то в лутшее состояние.

В сем городе бывает еженедельный торг. В понедельник и четверток²⁰, на которой съезжаются крестьянство с хлебом и крестьянскими изделиями. Ярмонка же собирается 29 июня, на оную съезжаются ближних городов купцы и привозят сукна, тафты, зеркала, стекла, чай, сахар тако ж и для крестьянства серья сукна, косы, сенокосные серпы и прочие.

В реке Городне ловится щуки, окуни, плотва, ерши и прочая рыба.

Ростояние до соседственных городов

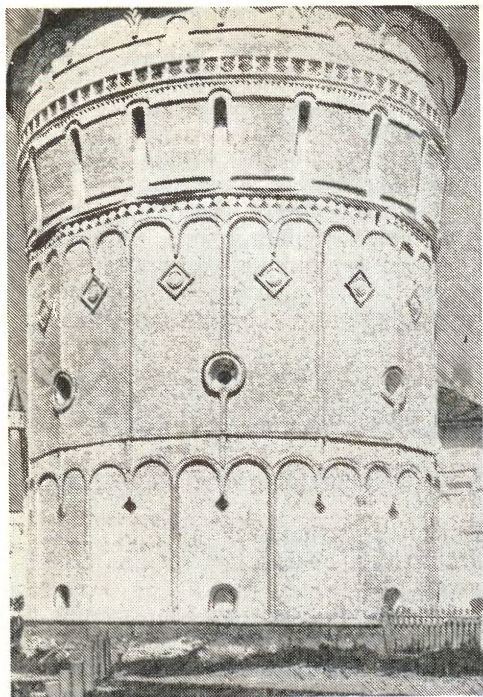
Клина	60	верст
Воскресенска	55	
Рузы	45	
Можайска	56	
Вереи	78	

Волоклямской уезд граничит

К востоку с Клинским и малою частию с Воскресенским уездом, к югу с Рузским и Можайским, к западу с Смоленским наместничеством. К западно-северной и северной стороне с Тверским наместничеством.

В оном уезде

монастырей	2
церквей	
каменных	12
деревянных	23
погостов	3
слобода	1
сел	34
селцов	67
деревень	270
дворян	66
подмонастырных слобод	1

Иосифо-Волоколамский монастырь.
Фрагмент Петровской башни.
1678—1680. Зодчий Трофим Игнатьев.

Домов

каменных	6
деревянных	69
мельниц	55

Крестьян

казенного ведомства	6702
владельческих	18456

В сем уезде по исчислению земли вместе с находящеюся под городом и выгоном состоит 235206 десятин 599 сажень.

Грунт земли по большей части суглинист и сер. Род удобрения и вспахивания оной тако ж и семян есть обыкновенной. Сверх сеемой ржи, ячменю, гречи, которыи приносят втрое, боольшая часть в посеве бывает пшеницы, оная против других родов хлеба родится в сем уезде несравненно превосходнее.

Лес. Растет ель, дуб, береза, осина и прочая мелкая поросль к продовольствию крестьян, на строения и дрова довольно. Отпуск же на продажу по неимению водяного ходу не бывает.

Средства к пропитанию доставляются. 1-й — от хлебопашества, 2-ой от найму в работу как в сем, так и в других уездах, 3-й от торгу крестьянскими изделиями и от заготовления пилного тесу, которой они отвозят зимнем путем на продажу в Москву и в другия места, в своем же уезде торгуют телегами, колесами и другими рукаделиями и дехтем.

Иосифо-Волоколамский монастырь. Надвратная Петро-павловская церковь и Мироносицкая (Воскресенская) башня. 1678—1680. Зодчий Трофим Игнатьев.

Ярмонки и торги бывают в нижеписанных селениях:

1. При манастыре Иосифа Волоколамского Чудотворца²¹, имеющем положение при реках Сестре и Спировке. В коем каменных церквей 4, кельи, ограда каменная с семью башнями, при оном деревянные для приезжающих на богомолie гостиные покои в день Троицы, Рожества Богородицы и Святаго Иосифа.

2. В погосте Спировском при церкви Введения Пресвятыя Богородицы 21 ноября.

3. В селе Ярополче генерал-порутчика Александр Артемьевича Загрязского²², лежащем при реке Ламе, торги по пятницам и ярмонка в десятую пятницу бывает. При оном же селе есть великолепной дом генерал-фельдмаршала графа Захара Григорьевича Чернышева²³, который местоположением, образом и вкусом расположения особливаго примечания достоин.

4. В селе Ивашкове подпорутчика Ивана Стрешнева торги по субботам и ярмонка 15 августа.

5. В селе Андреевском, Белая поле тож князь Алексей Шеховскаго в девяную пятницу.

6. В селе Раменье светлейшаго князя Григорья Александровича Потемкина²⁴ 24 июня.

7. В селе Середи Стратилацкой Экономического ведомства торг бывает зимою еженедельно по середам, июля 8 ярмонка.

8. В селе Черленкове обер-директора Михайлы Гусятникова²⁵.

9. В селе Мурикове действительной статс-дамы и ордена святыя Екатерины кавалера княгини Катерины Рамановны Дашковой²⁶.

10. В деревни Ховани брегадира Федора Ивановича Дмитрева-Мамонова²⁷ 20 июля.

На оные ярмонки купечество привозят кумачи, шелк, шапки, ножи, косы, а крестьянство хлеб, хмель, пенку, кожи, колеса и прочие.

РГБ. ОР. Ф. 313. Ед. хр. 19. Л. 52—57 об.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ярослав Мстиславич (?—1199) — внук Юрия Долгорукого.

2. Всеволод Георгиевич — Всеволод III Большое Гнездо (1154—1212) — в. кн. владимирский (с 1176); сын Юрия Долгорукого. Успешно боролся с феодальной знатью: подчинил Киев, Чернигов, Рязань, Новгород. В его правление Владимиро-Суздальская Русь достигла наивысшего расцвета. Имел 12 детей (отсюда и прозвище).

3. Ярослав Всеволодович (1191—1246) — сын Всеволода Большое Гнездо. Княжил в Переяславле, Галиче, Рязани; несколько раз приглашался и изгонялся новгородцами. Участник феодальных войн, потерпел поражение в Липицкой битве (апрель 1216). В 1236—1238 гг. княжил в Киеве, а в 1238-м — в. кн. владимирский. Два раза ездил в Золотую Орду, а также в Монголию. Был вызван в Каракорум к хану Гуюку и там отравлен.

4. Батый (Бату) (1208—1255) — монгольский хан, внук Чингисхана.

5. Дюдьень опустошил Северо-Западную Русь в 1293 г.

6. Борис Васильевич (1449—1494) — шестой сын Василия II, князь волоцкий и волоколамский.

7. Василий II Васильевич Темный (1415—1462) — сын Василия I, внук Дмит-

рия Донского, в. кн. московский (с 1425). Одержал победу в войне с звенигородско-галицким князем Юрием Дмитриевичем и его сыном Василием Косым, Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным за московское великое княжение. Победа Василия II укрепила внутреннее единство Московского великого княжества и усилила его ведущую роль в объединении Северо-Восточной Руси. Ограничил самостоятельность Новгорода, Пскова. Слеплен в 1446 г. Шемякой, отсюда и прозвище Темный.

8. Воздух — в церквах воздухами называют покровы на сосуды со св. дарами.

9. Федор Борисович (1589—1605) — сын Бориса Годунова, русский царь в апреле-мае 1605 г. При приближении к Москве Лжедмитрия I свергнут и убит.

10. Василий III Иванович (1479—1533) — в. кн. московский с 1505 г., сын Ивана III.

11. Тиун — судья низшей степени, приказчик.

12. Десятник — заведующий десятком изб и людей.

13. Борис Годунов (ок. 1552—1605) — русский царь с 1598 г.

14. Сигизмунд III Ваза (1566—1632) — король польский, воспитанник иезуитов. Стремился добиться колонизации Ук-

раины и Белоруссии. В 1604—1605 гг. под держивал Лжедмитрия I, а в 1611-м осадил Смоленск и начал открытую интервенцию в Россию, которая закончилась его поражением.

15. Карамышев Иван Константинович в 1613 году воеводил в Волоколамске, в 1618 — в Ярославле, в 1621-м был приставом у английского посла, в 1628—1630 гг. — судьей приказа Большого прихода. Посланный в 1613 году на Дон, был там убит.

16. Чемесов Степан — из старинного русского дворянского рода, ведшего свое происхождение от «предка», выехавшего из Золотой Орды.

17. Погост — кладбище.

18. Михаил Федорович (1596—1645) — русский царь с 1613 г., первый из рода Романовых.

19. Сажень — русская мера длины, равная 2,1336 м.

20. Четверток — четверг.

21. Успенский, или Иосифо-Волоколамский, монастырь основан в 1479 году Иосифом (Саниным) (1439/1440—1515), идейным руководителем «иосифлян» — церковно-политического течения XV—XVI вв. Его борьба против ереси жидовствующих занимает видное место в истории русской церкви. В монастыре были заключены Василий Иванович Патрикеев-Косой, Максим Грек, царь Василий Иванович Шуйский.

22. Загряжский Александр Артемьевич — из русского дворянского рода, происходившего, по сказаниям древних родословных, от татарина Исахара, который приехал к Дмитрию Донскому на службу и был пожалован вотчинами. Его отец Артемий (1674—1754) был генерал-аншефом и казанским губернатором.

23. Чернышев Захар Григорьевич (1722—1784) — генерал-фельдмаршал. Был камер-юнкером у в. к. Петра Федоровича, но подвергся опале Елизаветы и был переведен в армию. Во время Семилетней войны участво-

вал во взятии Берлина. В правление Екатерины II был вице-президентом военной коллегии, генерал-губернатором Белоруссии, градоначальником Москвы.

24. Потемкин Григорий Александрович (1739—1791) — русский государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал (1784), один из организаторов дворянского переворота 1762 г., фаворит и ближайший помощник императрицы Екатерины II. Способствовал освоению северного Причерноморья, руководил строительством Черноморского флота. После присоединения Крыма к России получил титул «светлейшего князя Таврического». Главнокомандующий русской армией в русско-турецкой войне 1787—1791 годов.

25. Гусятников Михаил Михайлович — крупнейший денежный туз Москвы. Торговал водкой, пивом, шляпами, имел две полотняные фабрики. В 1770 году только в Китай-городе имел до полутора десятков лавок. Его прадед Сергей Захарович Гусятников уже в 1689 году был купцом первой гильдии в Сибирском приказе.

26. Дашкова Екатерина Романовна (1744—1810) — княгиня, деятельница русской культуры. Дочь Р. И. Воронцова, участница дворцового переворота 1762 г., приведшего на престол Екатерину II. С 1769 года более 10 лет была за границей, встречалась с Вольтером, Д. Дидро, А. Смитом. В 1783—1796 гг. директор Петербургской Академии наук и президент Российской академии, автор мемуаров.

27. Дмитриев-Мамонов Федор Иванович (1728—1790) — бригадир, писал под псевдонимом «Дворянин-философ». Издал «Любовь Псиши и Купидона», «Слава России, или Собрание медалей для Петра Великого» и др.

*Публикация
кандидата исторических наук
Любови РЯБЧЕНКО*

В КОНЦЕ НОМЕРА

Хранители

«Нельзя упустить им созданную библиотеку...»

Эту библиотеку в сто тысяч томов создал «литератор и хороший библиограф» Сергей Порфирьевич Постников. Известный эсеровский публицист, сотрудничавший со множеством газет и журналов, после Октябрьской революции оказался в Праге, ставшей одним из крупных центров российской эмиграции. С. П. Постников заведовал книжно-журнальным отделом Русского заграничного исторического архива в Праге. Этот архив создан в 1923 году российскими эмигрантами. Здесь собирались документы, рукописи воспоминаний, дневников, письма, фотографии, плакаты и другие материалы, а также книги и периодика по истории русского революционного движения. Собранная при архиве библиотека описана Постниковым в труде «Библиография идеологии и

политики эмиграции», который он так и не успел завершить и издать. После освобождения Праги от фашистов советскими войсками Постников был арестован и препровожден на родину. Здесь он разделил судьбу многих соотечественников: по приговору Особого совещания при НКВД отправлен в исправительно-трудовой лагерь. Отсидев пять лет в Гулаге, Постников сумел добиться разрешения на выезд в Чехословакию. Умер он в Праге в 1965 году, похоронен на Ольшанском кладбище. Публикуемые материалы, извлеченные из Центра хранения современной документации (ЦХСД), показывают, как и кем решался вопрос о выезде Постникова из страны. Все документы исполнены на пишущей машинке; подписи — автографы.

Письмо В. Д. Бонч-Бруевича¹ Н. С. Хрущеву
16 ноября 1954 г.²

*Секретарю Центрального Комитета
Коммунистической партии Советского Союза
Н. С. Хрущеву³.*

Глубокоуважаемый Никита Сергеевич.

Несколько времени тому назад, когда Вы были в отсутствии, я получил прилагаемое при сем заявление от С. П. Постникова, который в настоящее время получил гражданство СССР и живет в городе Никополе.

Давно, еще до революции, я немножко знал его: он был редактором журнала «Заветы»⁴, в котором печатались нередко очень интересные вещи. Сам он, так же как его сотрудники, был народнического направления: левой «Русского Богатства»⁵. По своей профессии он литератор, хороший библиограф. Будучи в эмиграции, он жил в Чехословакии и организовал там прекрасный библиотечный отдел при Русском историческом архиве* в Праге⁶, где собрал замечательную библиотеку по русскому революционному и общественному движению, начиная с 1914 г., причем собрал так же все книжки на русском и иностранных языках, касающихся России до начала японской войны, 1905 г., но преимущественно в этой библиотеке была литература о первой мировой империалистической войне до наших дней. В этой библиотеке он так же собрал решительно всю литературу русской эмиграции. В этой библиотеке, как он

* Этот архив после Отечественной войны передан в СССР в его Рукописном фонде (примечание документа).

пишет в своем заявлении, около 100 тысяч экземпляров книг и журналов. Это колоссальная библиотека и описание ее в особой рукописи, им подготовленной, конечно заслуживает всяческого внимания. Она не может быть пущена в общий оборот для читателей, но для специалистов, изучающих русскую революцию она, конечно, представляет из себя громадный интерес.

С. П. Постников в настоящее время уже весьма пожилой человек, ему за 70 лет. Он пишет, что если ему не разрешат поехать в Прагу закончить эту работу, то просит разрешить его жене, которая живет в Праге и тоже глубокая старушка, приехать в Россию, чтобы вместе дожить остаток своей жизни.

Мне кажется, что удовлетворить эту его просьбу совершенно необходимо, тем более, что он доказал полную свою лояльность и удостоился быть принятым в гражданство СССР.

Ни в коем случае нельзя упустить им созданную библиотеку, а также те материалы, которые лежат у его жены, так сказать, навалом. Он все это хочет передать, как Вы увидите из его заявления, в ЦК нашей партии и я думаю, что приобретение такой библиотеки было бы для нас весьма целесообразно и нужно не только для справок, но также для изучения обратной стороны нашей русской революции.

Я не посылаю это его заявление министру внутренних дел⁷, а посылаю именно Вам, ибо очень заинтересован, чтобы спасти эту библиотеку и те материалы, которые у него еще не доработаны, что, мне кажется, вполне возможно будет сделать, списавшись с ним и поручив ВОКС⁸, находящемуся в нашем посольстве в Праге, все эти ценности получить и прислать по тому адресу, который Вы укажете.

Я полагаю, что если Вы найдете нужным снести с министром внутренних дел, то прикажете это сделать от себя.

Я в данном случае исполняю только роль случайного передатчика этого заявления от лица мне несколько известного 45 лет тому назад, которого я с тех пор ни разу не видел.

С коммунистическим приветом

Влад. Бонч-Бруевич

ЦХСД. Ф. 5. Оп. 28. Д. 168. Л. 132, 132 об., 133. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бонч-Бруевич В. Д. — участник революционного движения в России, большевик; доктор исторических наук, директор Музея истории религии АН СССР.

2. В ЦК КПСС письмо поступило 20 ноября 1954 г.

3. Хрущев Н. С. — первый секретарь ЦК КПСС с сентября 1953 года; автор письма дал старое написание фамилии адресата, практиковавшееся в 30—50-е годы.

4. «Заветы» — литературно-публицистический журнал левонароднического, эсеровского направления. Издавался в 1912—1914 гг. в Петербурге. В нем сотрудничали М. Горький, И. Бунин, А. Блок, В. Ропшин (Б. Савинков), Н. Клюев, М. Коцюбинский и др.

5. «Русское богатство» — научный, литературно-политический журнал либерально-народнического толка. Издавался в 1876—1918 гг. Здесь печатались произведе-

ния Л. Андреева, Н. Гарина-Михайловского, В. Вересаева, М. Горького, А. Куприна и др.

6. По окончании второй мировой войны Русский заграничный исторический архив передан чехословацким правительством в дар Академии наук СССР. В январе 1946 г. документы перевезены в Москву и размещены в ЦГАОР СССР (ныне Государственный архив Российской Федерации — ГА РФ). Доступ к ним, как и к печатным изданиям белоэмигрантского содержания, был строго ограничен. Ряд фондов был передан другим архивам Москвы, Ленинграда, а также Белоруссии и Украины. Из 350 тыс. дел пражского архива в ГА РФ осталось около 100 тыс. дел. В 1987 г. его фонды были рассекречены и стали доступны исследователям.

7. Министром внутренних дел СССР в 1954 г. был С. Н. Круглов.

8. ВОКС — Всесоюзное общество культурной связи с заграницей. Основано в 1925 г.

Министру внутренних дел СССР

Копия: Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза

Постникова Сергея Порфирьевича,
год рождения 1883, постоянно
проживающего в г. Никополе
Днепропетровской обл.,
Антипова ул., 18.

З а я в л е н и е

Я, бывший эмигрант, проживавший в Чехословакии, в 1945 г. был арестован, отправлен в Москву, где Особым Совещанием НКВД¹ был приговорен за бывш[ую] принадлежность к бывш[ей] партии с[оциалистов]-р[еволюционеров] к 5-ти годам заключения в трудовом исправительном лагере.

В 1950 году я был освобожден и, как нетрудоспособный инвалид, направлен в г. Никополь Днепропетр[овской] обл[асти] под опеку моей сестры, Покидиной Лидии Порфирьевны.

В 1953 году, на основании решения Генерального прокурора СССР, согласно приказа* Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта «Об амнистии», я полностью амнистирован и получил право на паспортный документ без всяких ограничений, о чем мне было объявлено через Никопольскую гор[одскую] милицию.

18 июня 1954 г. Президиум Верховного Совета Украинской ССР, по моему ходатайству, дал мне гражданство СССР.

Я — старый человек — 71 года, болен эмфиземой легких и миокардитом сердца. В Праге осталась моя жена, Постникова Елизавета Викторовна, возрастом 70 лет и тоже больная; на почве склероза она потеряла зрение на один глаз. Прожили мы вместе почти 50 лет, последние девять лет разлучены. Детей у нас нет, умерли в детстве. Жить нам обоим осталось очень немного и хотелось бы дожить свой оставшийся недолгий век вместе.

Советская власть меня помиловала, дала возможность работать и питаться (я три года работал швейцаром в чайной № 1 Смешторга г. Никополя). Я надеюсь, что она не откажет и в моей просьбе встретиться с женой.

Я уже обращался в 1952 г. с ходатайством в Министерство внутренних дел СССР с просьбой о предоставлении мне возможности выезда в Чехословакию. Тогда мне был дан ответ, что возбужденный мною вопрос о выезде может быть рассмотрен только тогда, когда я получу национальный паспорт. Теперь я этот паспорт имею.

Я обращаюсь к Вам, тов. министр, с просьбой предоставить мне возможность выезда в Чехословакию на 2—3 месяца, чтобы я мог устроить там все свои дела. За 25 лет своей работы в качестве заведующего библиотекой Русского ист[орического] Архива я выслужил пенсию. За время моего отсутствия накопились деньги, я могу их получить по своему приезду (так мне писали). У меня нет желания оставаться на чужбине. Я вновь испытал всю радость жизни на родине.

Когда-то с[оциалисты]-р[еволюционеры] разошлись с коммунистами во взгляде на путь к социализму. Теперь я собственными глазами увидел, чего достигла Коммунистическая партия в устройстве жизни трудящихся и как не правы были с[оциалисты]-р[еволюционеры] в своей тактике.

Ко всему этому я хочу прибавить следующее: по своей профессии я ученый библиограф и литератор. В Праге лично моим трудом составлена при Русск[ом] ист[орическом] Архиве ученая библиотека по следующим вопросам: русское революционное и общественное движение, первая мировая война, революция 1917 г. и гражданская война, советская власть, быт, политика и идеология эмиграции. Всего было собрано книг и журналов до 100000 экземпляров, как на русском, так и на иностранных языках.

Я подготовил большую работу «Библиография идеологии и политики эмиграции» (размером до 600 стр.). В этой области я являюсь единственным специалистом, так как почти 25 лет я собирал абсолютно всю бытовую и политическую литературу эмиграции. В результате моей работы получается интересный спектр эмигрантской политики. В двадцатых годах это литература от монархистов-легатимистов до анархистов-безвластников. В тридцатых годах — от младороссов, фашистов и союза национальной молодежи до троцкистов и невозвращенцев. Особняком стоит литература всевозможных сепаратистов.

Осталось еще немного доработать. Закончить эту работу я могу только в Праге. В случае моей смерти (а дни моей жизни считаны) вся эта моя работа пропадет и сомневаюсь, чтобы кто-нибудь вновь мог проделать ее. А между тем для советской власти такая работа, конечно, имеет значение в борьбе с антисоветскими течениями. Свою работу, если я буду иметь возможность закончить, отдам в полное распоряжение ЦК Коммунистической партии Советского Союза.

Если же Вы, тов. министр, не найдете возможным дать мне визу на временный выезд в Чехословакию, то я прошу Вас дать право въезда в СССР моей жене, Постниковой Е. В., проживающей в Праге (Прага XVIII Боженов Штефкова № 6).

Все ее личные обращения в советское консульство в Праге не дали результатов, так как она безо всякого гражданства. Хлопотать же ей о советском гражданстве займет столько времени, что я или она, при нашей старости и болезнях, умрем, так и не повидавшись перед смертью.

Если МВД пошлет визу моей жене в Прагу, прошу не отказать уведомить меня об этом.

С. П. Постников

ЦХСД. Ф. 5. Оп. 28. Д. 168. Л. 129—131. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Особое совещание при НКВД СССР создано постановлением ЦИК и СНК СССР 5 ноября 1934 г. Этому органу первоначально предоставлялось право применять к лицам, признанным общественно опасными, заключение в исправительно-трудовые лагеря, ссылку и высылку сроком до 5 лет. В последующем, в годы Великой Отечественной вой-

ны, права Особого совещания были расширены вплоть до права определения высшей меры наказания (расстрела). Рассмотрение дел Особым совещанием проходило, как правило, минуя судебные органы, в отсутствии обвиняемого и свидетелей. Упразднено Особое совещание Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 сентября 1953 г.

Записка Л. И. Яковлева в ЦК КПСС

26 ноября 1954 г.
Секретно.

В ЦК КПСС

тов. Виноградову И. Т.¹

По Вашей просьбе (через т. Удальцова И. И.²) сообщаю, что в 1946 году Главным архивным управлением был принят на государственное хранение так называемый Русский заграничный архив, переданный правительством Чехословацкой республики в дар Академии наук СССР. Кроме архивных материалов было принято около 4000 книг, журналов и газет, среди которых значительная часть была издана различными белоэмигрантскими организациями. Сведений или каких-либо упоминаний о личной библиотеке С. П. Постникова нет. Среди архивных материалов имеется личный фонд С. П. Постникова в количестве 127 дел, в которых содержатся его мемуары, статьи и заметки, содержащие сведения о деятельности партии эсеров, ее печатных органах, о белоэмигрантской литературе. Имеются также письма к Постникову от В. А. Амфитеатрова³, А. Белого⁴, Е. К. Брешко-Брешковской⁵, В. Ф. Булгакова⁶, В. М. Зензинова⁷, Е. Д. Кусковой⁸ и других. Часть материалов характеризует участие Постникова в белоэмигрантских организациях. Кроме того, имеются бюллетени, листовки и обращения заграничной партии эсеров (1922—1929 гг.), журналы заседаний и письма белоэмигрантского земско-городского комитета в Югославию (1927—1931 гг.).

В апреле 1953 года Постников прислал в Центральный государственный архив литературы и искусства свои воспоминания, в которых, между прочим, пишет о себе следующее. Родился в 1883 году в г. Архангельске, был сотрудником ряда газет и журналов и активным деятелем эсеровской партии. В 1921 году эмигрировал в Чехословакию, где жил до 1945 года. В 1945 году, после освобождения Чехословакии советскими войсками, был арестован в Праге органами НКВД, отправлен в Москву и заключен в исправительный лагерь. В 1950 году освобожден из лагеря и в настоящее

Источник 4/1993

время проживает вместе со своей сестрой в г. Никополе. Находясь в эмиграции, являлся одним из основателей Русского заграничного архива, членом ученой комиссии и заведующим библиотекой этого архива.

Зам. начальника Главного Архивного
Управления МВД СССР

Л. Яковлев

На документе помета: «т. Удальцову И. И. И. Виноградов».

ЦХСД. Ф. 5. Оп. 28. Д. 168. Л. 127—128. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Виноградов И. Т. — заместитель заведующего Отделом ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями.

2. Удальцов И. И. — заведующий сектором Отдела ЦК КПСС.

3. Амфитеатров (Кудашев) В. А. — сын писателя А. В. Амфитеатрова, жил в эмиграции.

4. Бельй Андрей (Бугаев Борис Николаевич) — писатель, эмигрант.

5. Брешко-Брешковская Е. К. — одна из

организаторов и лидеров партии эсеров, названная А. Ф. Керенским «бабушкой русской революции»; с 1919 года в эмиграции.

6. Булгаков В. Ф. — литератор, секретарь Л. Н. Толстого; жил в Праге, создал там культурно-исторический музей.

7. Зензинов В. М. — один из лидеров партии эсеров, эмигрант.

8. Кускова (Прокопович) Е. Д. — публицист, одна из идеологов «экономизма»; в 1922 году выслана за границу.

Записка И. Т. Виноградова и В. П. Степанова¹ в ЦК КПСС

20 января 1955 г.

В Центральный Комитет КПСС

Тов. Бонч-Бруевич В. Д. переслал в ЦК КПСС полученное им письмо С. П. Постникова, находившегося в 1921—1945 гг. в эмиграции в Чехословакии, а в 1945—1950 гг. отбывавшего наказание в СССР в исправительно-трудовом лагере за принадлежность в прошлом к партии эсеров. В настоящее время С. П. Постников является советским гражданином и проживает в г. Никополе Днепропетровской области.

С. П. Постников просит разрешения на выезд в Чехословакию для устройства своих дел, встречи с женой и завершения работы над научным трудом «Библиография идеологии и политики эмиграции», начатой им в период работы в Русском историческом архиве в Праге, при котором им была составлена научная библиотека по русскому революционному и общественному движению в составе около 100 тыс. томов. С. П. Постников пишет, что если ему не будет дано разрешение на выезд в Чехословакию, то он просит разрешить въезд в СССР его жене Постниковой Е. В., 70 лет., проживающей в Праге.

Тов. Бонч-Бруевич в своем письме в ЦК КПСС пишет, что он знал С. П. Постникова еще до революции и считает, что его просьбу необходимо удовлетворить. Вместе с тем т. Бонч-Бруевич подчеркивает, что было бы крайне желательно приобрести составленную С. П. Постниковым библиотеку.

Рукописный фонд Русского исторического архива в 1946 г. был передан правительством Чехословакии в дар Академии наук СССР и хранится в Главном архивном управлении МВД СССР. По сообщению совпосольства в Праге, имевшаяся при Русском историческом архиве библиотека была передана Чехословацкой академии наук.

Как сообщил секретарь Днепропетровского обкома КП Украины т. Ватченко², С. П. Постников в настоящее время не работает и материально не обеспечен.

По сообщению совпосольства в Чехословакии, Е. В. Постникова работает в Праге в качестве преподавателя русского языка и, кроме того, получает 50% назначенной чехословацким правительством С. П. Постникову пенсии. В случае возвращения Постникова в Чехословакию он будет получать пенсию полностью (600 крон в месяц).

Совпосольство (т. Фирюбин³) считает целесообразным разрешить

Источник 4/1993

С. П. Постникову возвращение в Прагу, где он и его жена будут достаточно материально обеспечены.

ЦК КП Чехословакии (т. Новотный⁴) не возражает против приезда

С. П. Постникова в Чехословакию.

Считаем возможным согласиться с мнением совпосольства в Праге.

*В. Степанов
И. Виноградов*

На документе в верхнем левом углу резолюция:

«Согласиться. М. Сулов. Согласиться. П. Поспелов. 4/П—55 г. Н. Шаталин»⁵.

ЦХСД. Ф. 5. Оп. 28. Д. 168. Л. 134—135. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Степанов В. П. — заместитель заведующего Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС.

2. Ватченко А. Ф. — секретарь Днепропетровского обкома Компартии Украины с августа 1954 г.

3. Фирюбин Н. П. — посол СССР в Чехословакии.

4. Новотный А. — первый секретарь ЦК Компартии Чехословакии.

5. Сулов М. А., Поспелов П. Н., Шаталин Н. Н. — секретари ЦК КПСС.

Записка А. Ф. Сененкова¹ в Общий отдел ЦК КПСС

23 февраля 1955 г.

Сов. секретно

В Общий отдел ЦК КПСС

Постановлением Комиссии по выездам за границу при ЦК КПСС от 18/П—55 г. Постникову С. П. разрешен выезд в Чехословацкую Республику сроком на 6 месяцев с правом обратного въезда в СССР.

Зам. председателя комиссии

А. Сененков

На документе помета работника Общего отдела ЦК КПСС:

«Арх[ив]. В. Горбунов. 24/П—55 г.».

ЦХСД. Ф. 5. Оп. 28. Д. 168. Л. 136. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Сененков А. Ф. — заместитель председателя Комиссии по выездам за границу при ЦК КПСС с сентября 1951 года.

*Публикация
Анатолия ЧЕРНЕВА*

«Так ей, заразе, и надо!»

Сталин и колхозник

Встретил как-то Сталин мужичка из колхоза-«миллионера». Конечно, поговорил об индустриализации, о коллективизации, о мировой революции, о гидре капитализма. Потом Сталин и спрашивает:

— Ну, а вы как поживаете, товарищи колхозники? Я слышал, зажиточно.

— Зажиточно-то, зажиточно, — отвечает мужичок. — Вот только хлебушка нет, того и гляди, ноги с голода протянем.

— Ну, это временные трудности, — отвечает Сталин, — потерпите еще малость — хлеба у нас будет вдоволь.

— Да вот с маслицем и с сахарком того... И с крупами...

— Подождите, и крупа будет...

— И с мануфактурой. Все пообносилась.

— Пообносилась, говоришь? — спрашивает Сталин. — А ты знаешь, что есть такие страны, где люди совсем голые ходят?

— Да ну! — удивился мужичок. — Так-таки нагишом расхаживают?

— Так и ходят...

— Ну, — решил колхозник, — значит, там советская власть, почитай, лет тридцать существует. Не менее того...

Первая премия

При раздаче наград колхозницам и стхановкам председатель сельсовета вызывает награжденных.

— Третья премия — Анне Петровой — диван. Вторая премия — Марии Сладковой — обеденный стол. Первая премия — Матрене Поскудихиной — полное собрание сочинений Ленина.

Голос из толпы:

— Так ей, заразе, и надо!

Слава Богу

Советские люди часто поправляли своих «новых граждан», когда те в разговоре употребляли слова «Слава Богу».

Какой-то пьяный комсомолец предложил вместо «Слава Богу» говорить: «Слава Сталину». «А как же будет, когда Сталин умрет?» — спросили у него. «Ну, тогда можно будет говорить «Слава Богу!» — растерялся комсомолец.

Праздник по дешевке

Сталин поручил Молотову, Калинин и Ворошилову придумать, чем бы отметить годовщину Октябрьской революции, чтобы и народу было радостно, и для правительства дешево.

Думала, думала комиссия и решила обратиться за советом к крестьянину.

Тот ответил: купите за три рубля веревку, и пусть Сталин на ней повесится. Будет дешево, но действительно радостно для всего народа.

АНЕДОТЫ

СПРАВЕДЛИВОЕ ЖЕЛАНИЕ

Экзаменаторы задали

Вопросы девочке одной:

— Кто твой отец?

— Великий Сталин.

Он всем у нас отец родной!

— А мать твоя?

— Страна Советов...

— А спать идешь с какой мечтой?

— Желаю с утренним рассветом

Проснуться круглой сиротой!

ТАМ ХОРОШО, ГДЕ НАС НЕТ

К Калинин, просить на выезд пропуск,

Пришла старушка лет примерно ста.

Он ей сказал: «Зачем тебе в Европу?

Туда ведь люди едут неспроста.

Должна ты с поговоркой согласиться:

«Там только хорошо, где нету нас».

«Вот именно, затем и за границу

Я собралась, чтоб скрыться

с ваших глаз».

Из книги: ДИКОВ НИКОЛАЙ. МОЙ ПУТЬ.

Маленькая политическая библиотека. Сборник избранных стихотворений. С.3,6—10, 13—15.

(Распространялась на оккупированной территории).

**ЗЕРКАЛО
ЗЕРКАЛО**

**СЛАВЯНСКОГО
СЛАВЯНСКОГО**

**МИРА
МИРА**

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК "СЛАВЯНЕ"

тел. (095) 186.46.38 , 261.25.46

**Виктор Юнак
Главный редактор
еженедельника "Славяне"**

"Я хочу, чтобы эпитет "Славянский" обозначал не только тип красоты или некую загадочность души ...
Я хочу, чтобы он внушал уважение и вселял силы ..."

Еженедельник "Славяне" выходит одновременно на большинстве славянских и английском языках и распространяется не только в странах Восточной Европы но и в США, Канаде, Австралии.

Формат 70x108¹/₁₆ Тираж 15 000 экз. Заказ № 977

Адрес редакции: 121877, Москва, Новый Арбат, 19. Тел. 203-60-25

Типография издательства «Пресса». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24

© Редакция журнала «Родина», 1993. Цена договорная

В следующем номере:

Документы смутного времени

**Почему возник продовольственный кризис
в Петрограде?**

**Две точки зрения на события
осени 1916 года.**

Эхо «Пражской весны»

**Антисоветской деятельностью в ЧССР
руководили партийные органы —
такова версия КГБ.**

Герой России

**«Мы не хозяева в своем собственном доме», —
считал М. Д. Скобелев.**

Его письма публикуются впервые.